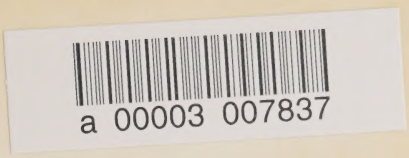
BJ51
.K217
1918

ETIKA I MATERIALISTICHESKOE PONIMANIE ISTORII

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BJ51
.K217
1918


a 00003 007837

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tikaimateralisti00kaut

63 К
84

Карлъ Каутскій.

ЭТИКА

И

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ИСТОРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *П. Ратнера.*

Подъ редакціей *А. В. Луначарскаго.*

Цѣна 2 р. 25 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Петрогр. Совѣта Рабоч. и Красноарм. Депутат.

Смольный Институтъ, 2-й этажъ, комн. 51,

тел. 34. Контора, комн. 54.

Вышли изъ печати:

	Цѣна. Р.	К.
Н. Афиногеновъ (Степной). «Записки ополченца»	1	25
Гайкъ Ад-нцъ. «Крестьянской вопросъ во Франціи»	—	55
Ватинъ. «Что такое коммуна»	—	—
В. Володарскій. «Напутственная рѣчь агитаторамъ»	—	50
«Враги ли евреи рабочимъ и крестьянамъ»	—	20
«Вѣнокъ коммунаровъ», сборникъ памяти В. Володарскаго (съ рис.)	2	—
Н. Горловъ. «Темныя силы, война и погромы»	—	15
«Евреи, классовая борьба и погромы»	—	10
Г. Зиновьевъ. «Корни оборончества»	1	10
Его же. «Наше положеніе и задачи созданія красной арміи»	—	25
Его же. «Австрія и война»	1	80
Его же. «Изъ исторіи пролетарскаго праздника 1-го мая»	—	30
Его же. «Г. В. Плехановъ». Вмѣсто рѣчи на могилѣ	—	45
Его же. «Хлѣбъ, миръ и партіи»	—	70
Его же. «Рабочая партія и профессіональные союзы»	—	—
К. Каутскій. «Наука, жизнь и этика»	—	30
Его же. «К. Марксъ и его историческое значеніе»	1	25
Его же. «Экономическое ученіе К. Маркса»	2	—
Кій. «Что такое соціализмъ»	—	65
П. Лафаргъ. «Вѣра въ Бога»	—	75
Н. Ленинъ и Г. Зиновьевъ. «Противъ теченія» (печ. 2-е изд.)	7	—
В. Либкнехтъ. «1848-й годъ и коммуна»	1	30
З. Лилина. «Солдаты тыла» (женскій трудъ до и послѣ войны)	2	10
А. Луначарскій и Г. Зиновьевъ. «К. Марксъ и соціальная революція»	—	65
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Судъ надъ К. Либкнехтомъ»	—	45
Его же. «Крестьяне и рабочіе въ русской революціи»	—	40
Его же. «Составъ пролетаріата» (2-е изд.)	—	65
К. Марксъ. «Либералы у власти»	—	65
К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «О коммунизмѣ»	—	70
Марклевскій. «Что такое политическая экономія»	—	50
«Нашъ рабочій праздникъ 1-го мая»	—	20
«Памяти К. Маркса». Сборникъ статей. (печ. 2-е изд.)	3	—
Д. Рязановъ. «Двѣ правды». (Марксизмъ и народничество)	—	90
Его же «Обуховское дѣло»	—	70
Его же. «19-е февраля»	—	75
Его же. «К. Марксъ, и русскіе люди 40-хъ годовъ»	1	80
Ю. Стекловъ. «Черная сотня во Франціи»	1	20
Его же. «Революція 1848 года во Франціи»	1	20
Его же. «Прудонъ»	—	80
Его же. «Поль Лафаргъ» (2-е изд.)	—	55
Его же. «Новѣйшее теченіе во французскомъ антисемитизмѣ»	1	—
Его же. «Интернаціоналъ», ч. I	—	—
Его же. «Интернаціоналъ», ч. II	2	25
Самойлова. «О безработицѣ»	1	10
Л. Троцкій. «Трудъ, дисциплина и порядокъ»	—	30
Его же. «Слово къ рабочимъ и крестьянамъ»	—	45

Карлъ Каутскій.

BJ51
.K217
1918

ЭТИКА

И

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ИСТОРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *П. Ратнера.*
Подъ редакціей *А. В. Луначарскаго.*

ETIKA I
MATERIALISTI-
CHESKOE
PONIMANIE
ISTORII

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Третья Государственная Типографія.

I. Античная и христіанская этика.

Въ исторіи философіи вопросы этики впервые выступили на сцену въ Греціи послѣ персидскихъ войнъ. Побѣда надъ колоссомъ персидскаго деспотизма сразу подѣйствовала на маленькій эллинскій народъ приблизительно подобнымъ образомъ, какъ недавнее отраженіе колосса русскаго деспотизма—на японскій народъ. Японія разомъ стала великой державой, владычицей моря, окружающаго ее, а черезъ это—и повелительницей торговли. И если теперь надъ Японіей всей тяжестью обрушится капиталистическая крупная промышленность, которая до сихъ поръ существовала въ ней въ зачаткахъ, то и послѣ персидскихъ войнъ Греція, именно Аѳины—тоже стала сосредоточіемъ тогдашней міровой торговли; торговый капиталъ овладѣлъ всѣмъ народомъ и уничтожилъ всѣ унаслѣдованныя общественныя отношенія и воззрѣнія, которыя господствовали до тѣхъ поръ надъ отдѣльными индивидуумами и регулировали ихъ поступки. Индивидъ почувствовалъ себя вдругъ перенесеннымъ въ новый общественный строй—и это чувствовалъ онъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ высшую ступень занималъ онъ въ обществѣ, ибо въ этомъ новомъ строѣ онъ лишился опоры, оказался предоставленномъ самому себѣ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на кажущееся отсутствіе регламентаціи, индивидъ не только чувствовалъ потребность въ опредѣленныхъ правилахъ для руководства въ своихъ поступкахъ, но даже болѣе или менѣе ясно сознавалъ внутри себя присутствіе какого-то регулятора; регуляторъ этотъ управлялъ его поведеніемъ, заставлялъ его различать добро и зло, отдавать предпочтеніе первому, гнушаться второго, но онъ проявлялся въ видѣ совершенно таинственной силы. Пусть въ нѣкоторыхъ людяхъ регуляторъ этотъ проявляется необычайно сильно, пусть сужденіе его о добрѣ и злѣ произносится быстро, безъ размышленія и высказывается безапелляціонно, но если бы мы вздумали разобраться, въ чемъ собственно его сущность и на чемъ

обосновываются его сужденія, тогда какъ регуляторъ, гнѣздящійся въ душѣ каждаго человѣка, такъ и сужденія, произносимыя имъ столь вразумительно и естественно, представятся намъ такого рода явленіями, понять которыя несравненно труднѣе, чѣмъ всякое другое явленіе въ мірѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что со времени персидскихъ войнъ этика, т.-е. изслѣдованіе этого таинственнаго регулятора человѣческихъ поступковъ—нравственнаго закона—выступаетъ на первый планъ. До тѣхъ поръ философія была прежде всего *натурфилософіей*. Ея задачей было изслѣдовать и объяснить закономѣрныя взаимоотношенія въ природѣ. Но вотъ природа все больше стала терять интересъ для философовъ. *Человѣкъ*, т.-е. этическая природа человѣка, стала центральнымъ пунктомъ философскаго изслѣдованія. Натурфилософія перестаетъ прогрессировать, естественныя науки отдѣляются отъ философіи; отнынѣ всякій успѣхъ древней философіи имѣлъ своимъ источникомъ изслѣдованіе духовной сущности человѣка и его нравственнаго міра.

Уже софисты начали съ того, что стали пренебрежительно относиться къ познанію природы. Еще дальше ихъ пошелъ Сократъ, который былъ того мнѣнія, что деревья ничему не могутъ поучать, но зато люди въ городахъ—очень многому. Платонъ смотрѣлъ на натурфилософію, какъ на забаву.

Вслѣдствіе этого и методъ философіи сталъ инымъ. Натурфилософія неизбѣжно сводилась къ наблюденію внѣшняго міра. Познанія же нравственной природы человѣка, казалось, вѣрнѣе всего достигнуть путемъ наблюденія своего собственнаго *я*. Чувства могутъ насъ обмануть, всякій посторонній человѣкъ можетъ насъ ввести въ заблужденіе. Но сами мы не можемъ обмануться, если мы хотимъ добиться истины. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, единственно вѣрнымъ было признано то познаніе, которымъ человѣкъ занимается надъ самимъ собой.

Но не только *предметъ* и *методъ*, но и *задача* философіи отнынѣ стала иной. Натурфилософія стремилась къ изслѣдованію *необходимой связи* между *причиной* и *дѣйствіемъ*; ея точкой зрѣнія была *причинность*. Въ этикѣ, напротивъ того, трактуется о *хотѣніи* и *долженствованіи* человѣка, о цѣляхъ и *намѣреніяхъ*, къ которымъ ему слѣдуетъ стремиться; ея точкой зрѣнія является цѣлесообразность—*телеологія*.

Между тѣмъ, эти новыя воззрѣнія не во всѣхъ направленіяхъ выступали одинаково рѣзко.

Существовалъ двоякій путь толкованія кроющагося внутри насъ моральнаго закона.

Во-первыхъ, основу его можно было искать въ видимыхъ для насъ побужденіяхъ человѣческихъ поступковъ, а таковыми являлось стремленіе къ счастью и удовольствію. Но въ товарномъ производствѣ, въ производствѣ съ внѣшней стороны независимыхъ, частныхъ производителей—счастье, удовольствіе и потребныя для этого условія являются также дѣломъ частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, основу моральнаго закона стали искать въ потребности индивидуума въ индивидуальномъ удовольствіи и счастьѣ. Добро—это то, что доставляетъ индивидууму радость, содѣйствуетъ его счастью, зло—это то, что приноситъ противоположное. Какъ, однако, возможно возникновеніе желанія зла? Какъ возможно, что не всякій человѣкъ и не при всѣхъ обстоятельствахъ стремится къ добру? Послѣднее объясняется тѣмъ, что существуютъ различные виды удовольствія и счастья. Зло получается тогда, когда человѣкъ предпочитаетъ низшій родъ наслажденія и счастья высшему, ради минутнаго, скоропреходящаго, жертвуетъ продолжительнымъ удовольствіемъ—словомъ, зло получается вслѣдствіе невѣжества и близорукости. Такимъ образомъ, по Эпикуру, духовныя наслажденія стоятъ выше физическихъ, ибо первыя дольше продолжаются и доставляютъ чистую радость. По его мнѣнію, удовольствіе, получаемое при покоѣ, сильнѣе, чѣмъ удовольствіе при движеніи. Душевное спокойствіе представляется ему наивысшимъ счастьемъ. Въ силу этого, неумѣренность при любомъ наслажденіи предосудительна; въ силу этого, должно также считаться дурнымъ всякое себялюбивое поведеніе, ибо уваженіе, любовь и помощь сосѣдей, равно какъ и процвѣтаніе общины, къ которой я принадлежу, суть факторы, необходимые для моего собственнаго благосостоянія, но я его не добьюсь, если буду, не взирая ни на что, заботиться только о себѣ самомъ.

Такого рода пониманіе этики имѣло то преимущество, что оно казалось вполнѣ «естественнымъ», легче всего мирилось съ философскими потребностями тѣхъ элементовъ, которые хотѣли довольствоваться познаніемъ міра, воспринимаемаго нашими чувствами, какъ реальнаго, и которымъ человѣческое существо казалось только частью этого міра. Съ другой стороны, именно такое пониманіе этики должно

было порождать, въ свою очередь, матеріалистическій взглядъ на міръ. Этика, обоснованная на стремленіи къ удовольствію и счастью индивидуума, или на эгоизмѣ, и матеріалистическое міросозерцаніе взаимно обусловливали и поддерживали другъ друга. Связь обоихъ элементовъ наиболѣе совершенно выступила у *Эпикура* (341 г. до 270 г. до нашей эры). Его матеріалистическая натурфилософія непосредственно связывается съ этической цѣлью. Матеріалистическое пониманіе природы, по его мнѣнію, само по себѣ способно освободить насъ отъ той боязни, которую вызываетъ въ насъ глупое суевѣріе, и можетъ доставить намъ то душевное спокойствіе, безъ котораго истинное счастье невозможно.

Напротивъ того, всѣ тѣ элементы, которые встали во враждебное отношеніе къ матеріализму, должны были также отвергнуть его этику, и наоборотъ: кто не примирялся съ этой этикой, того не удовлетворялъ также и матеріализмъ. А эта этика эгоизма, или стремленія къ счастью собственнаго *я*, заключала въ себѣ не мало слабыхъ пунктовъ. Прежде всего она не объясняла, какимъ образомъ моральный законъ выступаетъ какъ *принудительный мотивъ*, какъ *обязанность* дѣлать добро, а не какъ простой *совѣтъ* предпочесть болѣе разумный видъ счастья менѣе разумному. Вѣдь быстрое, рѣшительное моральное сужденіе о добрѣ и злѣ является чѣмъ-то совсѣмъ отличнымъ отъ взвѣшиванія между различными видами удовольствія и пользы. Наконецъ, бываютъ случаи, когда можно почувствовать нравственный долгъ, въ которомъ самое затаенное размышленіе не можетъ отыскать ни слѣда удовольствія или пользы, могущихъ произойти отъ исполненія этого долга. Если я, напримѣръ, отказываюсь солгать, хотя этимъ я настраиваю противъ себя навсегда все общественное мнѣніе, ставлю на карту свою жизнь или, быть можетъ, даже навлекаю на себя смертную казнь, то здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи хотя бы объ отдаленномъ удовольствіи или счастьѣ, могущихъ въ заключеніе превратить неудовольствіе или боль даннаго момента въ свою противоположность.

Какъ же объяснялось критиками это явленіе? Фактически они ничего дѣльнаго не давали, хотя, на ихъ собственный взглядъ, они давали очень много, ибо неумѣнье объяснить моральный законъ естественнымъ путемъ служило для нихъ вѣрнѣйшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что человѣкъ живетъ не только среди природы, но и внѣ ея, что въ немъ дѣйствуютъ таинственныя, сверхъ-

естественныя силы, что его духъ есть нѣчто чудесное. Такимъ образомъ изъ этого пониманія этики проистекли философскій идеализмъ и монотеизмъ, новая вѣра въ Бога.

Эта вѣра въ Бога была совсѣмъ другого рода, чѣмъ прежнее многобожіе; различіе состояло не только въ числѣ божествъ, монотеизмъ произошелъ вовсе не посредствомъ сведенія боговъ къ одному—единственному.

Многобожіе было попыткой объяснить процессы, происходящіе въ природѣ. Ея божества представляли собою олицетвореніе силъ природы; эти божества стояли, такимъ образомъ, не надъ природой и не внѣ ея, но внутри ея, они составляли части этой природы. Натурфилософія вытѣснила ихъ по мѣрѣ того, какъ она открывала другія причины, не личнаго характера, въ явленіяхъ природы и развивала понятіе закономѣрности, необходимой связи между причиной и дѣйствіемъ. Боги могли еще, долго спустя, по традиціи продолжать свое существованіе въ философіи, но только въ качествѣ особаго вида сверхлюдей, которые уже не играли никакой активной роли. И для Эпикура, не взирая на его матеріализмъ, старые боги не умерли, но они жили у него на покоѣ, были превращены въ пассивныхъ зрителей.

И нематеріалистическое, этическое направленіе философіи, представленное наиболѣе совершеннымъ образомъ *Платономъ* (427 г. до 347 г. до нашей эры), мистическія стороны котораго еще гораздо рѣзче развиты неоплатониками, именно *Плотиномъ* (204 г. до 270 г. нашего лѣтоисчисленія),—также не нуждалось болѣе для объясненія природы въ старыхъ богахъ, и оно относилось къ нимъ, подобно матеріалистамъ. Понятіе о Богѣ нематеріалистовъ проистекало не изъ потребности объяснить окружающую насъ природу, но изъ потребности дать объясненіе этической, духовной, внутренней сущности человѣка. Для этого понадобилась наличность Духа, стоящаго надъ природой, такимъ образомъ—внѣ пространства и времени; Духъ этотъ составлялъ квинтъ-эссенцію морали, онъ господствовалъ надъ матеріальной природой подобно тому, какъ аристократы-философы господствовали надъ трудящимися массами. И какъ философы считали себя благородными, а массу, напротивъ, вульгарной и грубой, такъ и природа считалась низменной и злой, а Духъ, напротивъ, возвышеннымъ и добрымъ. Человѣкъ имѣетъ несчастье принадлежать одновременно обоимъ мірамъ — міру матеріи и міру Духа.

Такимъ образомъ, онъ—наполовину звѣрь, наполовину ангелъ—колеблется между добромъ и зломъ. Но какъ Богъ господствуетъ надъ природой, такъ и этическое въ человѣкѣ имѣетъ силу преодолѣвать физическое, вожделѣнія плоти и восторжествовать надъ ними. Полное счастье, однако, недостижимо для человѣка, пока онъ пребываетъ въ сей юдоли печали, гдѣ онъ осужденъ на борьбу съ своей собственной злой плотью; только съ освобожденіемъ отъ послѣдней, когда его духъ возвращается къ своему первоисточнику—къ Богу, человѣку выпадаетъ въ удѣлъ безграничное блаженство.

Мы видимъ, что здѣсь Богъ играетъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ при первобытномъ политеизмѣ. Этотъ единый Богъ не есть олицетвореніе какого-либо явленія внѣшней природы, но—выдѣленіе въ нѣчто самостоятельное духовнаго существа человѣка, а такъ какъ существо это едино, то и божество не можетъ быть множественнымъ. А въ его совершеннѣйшемъ философскомъ видѣ функція этого единаго Бога сводится къ тому, чтобы объяснить происхожденіе моральнаго закона, чѣмъ и исчерпывается его задача. Вмѣшательство въ міровой ходъ вещей, по примѣру старыхъ боговъ, не есть дѣло Бога; въ этой области достаточно было—по крайней мѣрѣ, для философовъ—допустить существованіе закономѣрной связи между причиной и дѣйствіемъ.

Конечно, чѣмъ больше это воззрѣніе становилось популярнымъ, тѣмъ больше единый, всевышній, всеобъемлющій и вездѣсущій Духъ снова пріобрѣталъ индивидуальныя черты, тѣмъ больше сталъ онъ принимать участіе въ міровыхъ дѣлахъ и тѣмъ чаще стали снова появляться на сцену также и старые боги. Теперь они выступали въ качествѣ посредниковъ между Богомъ и людьми, какъ святые и ангелы. Но и въ этой популярной формѣ сохранился пренебрежительный взглядъ на природу, сохранилось воззрѣніе, что духовная, а именно моральная, сущность человѣка имѣетъ сверхъестественное происхожденіе и служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія сверхъестественнаго міра.

Между обѣими крайностями—Платономъ и Эпикуромъ — были возможны многообразныя промежуточныя стадіи. Важнѣйшей между ними была *стоическая философія*, основанная *Зенономъ* (341 г. до 270 г. до нашей эры). Подобно платоновской, и она также противилась тому, чтобы выводить моральный законъ изъ удовольствія или эгоизма отдѣльныхъ бренныхъ индивидуумовъ;

въ этомъ законѣ признавалась ею наличность высшей, надъ индивидуумомъ стоящей силы, которая въ состояніи натолкнуть человѣка на поступки, причиняющіе ему боль, страданіе и даже смерть. Но, въ противоположность Платону, эта философская школа видѣла въ моральномъ законѣ не нѣчто сверхъестественное, а продуктъ природы. Добродѣтель проистекаетъ изъ познанія природы; счастье достигается, если человѣкъ поступаетъ согласно природѣ, т.-е. согласно вселенной или міровому разуму. Познать природу, поступать согласно ей, разумно, т.-е. добродѣтельно, добровольно подчиняться ея необходимости, не заботясь объ удовольствіи или неудовольствіи—вотъ путь къ блаженству, по которому шествуетъ мудрецъ. Но изслѣдованіе природы—это только средство къ достиженію цѣли—изслѣдованія добродѣтели. И сама природа объясняется у стоиковъ съ моральной точки зрѣнія. Практическій результатъ стоической этики—не стремленіе къ удовольствію, но презрительное отношеніе къ мірскимъ благамъ. Но презрѣніе къ міру, въ концѣ концовъ, должно служить той же цѣли, которая Зенону и Эпикуру казалась наивысшей: душевному покою индивидуума. Обѣ этическія системы имѣютъ своимъ первоисточникомъ потребность въ покоѣ.

Этому промежуточному положенію стоической этики между платоновской и эпикуровской соотвѣтствовала также космогонія, набросанная стоицизмомъ. Толкованіе природы не есть для стоицизма нѣчто безразличное, но природа кажется ему своеобразной монотеистически матеріальной, допускающей существованіе божественной первосилы, изъ которой происходитъ также человѣческая душа. Но эта первосила—первобытный огонь — матеріальна, стоитъ не внѣ природы, но внутри ея, душа также не безсмертна, хотя бы она и дольше существовала, чѣмъ человѣческое тѣло. Въ концѣ концовъ, она пожирается первобытнымъ огнемъ. Стоицизмъ и платонизмъ въ заключеніе вошли элементами въ христіанство и преодолѣли въ этомъ видѣ матеріалистическій эпикуреизмъ. Матеріализмъ послѣдняго могъ удовлетворить только такой классъ или общество, которое было удовлетворено существующей дѣйствительностью, находило въ ней свое удовольствіе и счастье и не чувствовало потребности въ другомъ состояніи.

Эпикуреизмъ должны были отвергнуть классы, которымъ эта дѣйствительность казалась отвратительной и мучительной — поги-

бающіе классы старой аристократіи, а также эксплоатируемые классы, для которыхъ и настоящее, и будущее на этомъ свѣтѣ должны были казаться одинаково безнадежными, если допустить, что міръ матеріальный, т.-е. міръ эмпирическій, былъ единственнымъ, если нельзя было уповать на Всемогущаго Бога, который могъ весь этотъ міръ разрушить. Наконецъ, матеріализмъ должно было отвергнуть все общество, павшее до того, что даже господствующіе въ немъ классы стали страдать, что даже они пришли къ убѣжденію, что добро не имѣетъ своимъ источникомъ реальный міръ, гдѣ зарождается одно только зло. Презирать міръ на подобіе стоиковъ или ждать спасителя изъ міра потусторонняго или спасителя, подобнаго Христу—такова была единственная альтернатива.

Новый элементъ былъ внесенъ въ христіанство благодаря переселенію народовъ, которое на мѣсто погибающаго общества Римскаго государства поставило другое, въ которомъ отъ смѣшенія дряхлыхъ остатковъ римскихъ формъ производства и воззрѣній съ юношески свѣжими германскими товарищескими марками и ихъ наивнымъ жизнерадостнымъ міросозерцаніемъ возникло своеобразное новообразованіе.

Съ одной стороны, христіанская церковь послужила связью, которая сдерживала новыя государственныя основы; здѣсь, повидимому, снова подтвердилось ученіе, что духъ сильнѣе матеріи, что разумъ христіанскаго духовенства показалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы обуздать германскихъ варваровъ и подчинить ихъ. И эта грубая сила, беря свое начало въ матеріальномъ мірѣ, казалась представителямъ христіанства источникомъ всего злого, если только она не направлялась духомъ, не держалась имъ въ повиновеніи; духъ же этотъ, напротивъ того, казался имъ основой всего хорошаго.

Такимъ образомъ, новое общественное положеніе только содѣйствовало укрѣпленію философской основы христіанства и его этики. Но, съ другой стороны, благодаря этому новому положенію, въ общество былъ внесенъ элементъ жизнерадостности и самоувѣренности, котораго въ эпоху возникновенія христіанства ему недоставало. Даже христіанскому духовенству—по крайней мѣрѣ, въ его массѣ—міръ также не казался ужъ больше юдолью печали, и оно также было охвачено радостью бытія, веселымъ эпикурей-

ствомъ, правда грубымъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ первоначальнымъ эпикуреизмомъ античной философіи. Тѣмъ не менѣе, духовенство должно было держаться христіанской этики, которая не была уже выраженіемъ ихъ собственныхъ чувствъ, но служила средствомъ для сохраненія господства надъ народомъ. Да и все побуждало ихъ признавать философскую основу этой этики—самостоятельность, даже превосходство духа надъ реальнымъ міромъ. Такимъ образомъ измѣнившееся общественное положеніе давало, съ одной стороны, новые стимулы къ созданію матеріалистической этики, между тѣмъ какъ, съ другой, она вызывала рядъ причинъ, способствовавшихъ прочности христіанской этики. Отсюда проистекла та двойственная этика, которая стала отличительнымъ признакомъ христіанства — внѣшнее признаніе морали, только отчасти являющейся выраженіемъ нашего дѣйствительнаго моральнаго чувства и хотѣнія, а слѣдовательно—регуляторомъ нашихъ поступковъ. Другими словами, *моральное лицемѣріе* отнынѣ стало постояннымъ общественнымъ установленіемъ, и нигдѣ оно такъ рѣзко не выражено, какъ въ христіанствѣ.

Этика и религія отнынѣ являлись неразрывно связанными. Конечно, моральный законъ явился логическимъ творцомъ единаго Бога; но въ христіанствѣ Богъ скорѣе выступалъ творцомъ моральнаго закона. Безъ вѣры въ Бога, безъ религіи—нѣтъ нравственности. Каждый этическій вопросъ становился вопросомъ теологіи, а такъ какъ самой первоначальной и самой наивной формой всякаго соціальнаго возмущенія было моральное возмущеніе, сознаніе безнравственности существующаго общественнаго строя, то каждое общественное возмущеніе начиналось въ формѣ теологической критики; это, конечно, происходило также въ силу того обстоятельства, что церковь была наиболѣе яркой формой господства, римское духовенство—наихудшимъ и наиболѣе распространеннымъ классомъ эксплоататоровъ эпохи среднихъ вѣковъ, такъ что всякое возстаніе противъ какой-либо формы эксплоатаціи начиналось въ первую очередь съ церкви.

Даже послѣ того, какъ съ эпохи Возрожденія снова воскресло философское мышленіе, вопросы этики еще долго оставались вопросами религіозными.

II. Этика вѣка просвѣщенія.

Начиная съ эпохи Возрожденія, снова принялись за изученіе природы, а вмѣстѣ съ этимъ и за философію, которая до восемнадцатаго столѣтія оставалась преимущественно натурфилософіей и, какъ таковая, значительно подняла уровень нашего познанія, по сравненію съ древностью; исходнымъ пунктомъ для нея послужили успѣхи, достигнутые арабами въ области естественныхъ наукъ въ средніе вѣка, успѣхи, превысившіе результаты греческаго знанія. Кульминаціоннымъ пунктомъ этой философской эпохи является, несомнѣнно, ученіе *Спинозы* (1632 г. до 1677 г.).

Этика у мыслителей этого времени стояла на второмъ планѣ; она была подчинена познанію природы, въ которое входила, какъ часть. Но она опять выступила на передній планъ, когда быстрый ростъ капитализма въ восемнадцатомъ вѣкѣ создалъ для Западной Европы положеніе, сходное съ тѣмъ, какое создалось для Греціи вслѣдствіе экономическаго подъема, наступившаго послѣ персидскихъ войнъ; положеніе это выразилось въ быстромъ крушеніи стараго экономическаго строя, а въ силу этого—въ распаденіи унаслѣдованныхъ общественныхъ организацій и моральныхъ воззрѣній. Наступила, выражаясь современнымъ языкомъ, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, а въ силу этого—дѣятельное мышленіе и изслѣдованіе по вопросу о сущности и основѣ морали. Но наряду съ этимъ, конечно, началось такое же усердное изслѣдованіе сущности новой формы производства. Одновременно съ выступленіемъ этики появилась новая наука, которая не была извѣстна древности, специфическое дитя капиталистическаго товарнаго производства, для поясненія котораго она служитъ—*политическая экономія*.

Въ этикѣ мы опять встрѣчаемся съ тремя, рядомъ идущими направленіями, указывающими на нѣкоторую параллель съ тремя направленіями древности—платоновскимъ, эпикурейскимъ и стоическимъ: антиматеріалистическое—унаслѣдованное христіанское, матеріалистическое и, наконецъ, среднее между ними. Воспрянувшая буржуазія, жизнерадостная, отдавшаяся жизненнымъ наслажденіямъ,—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ, именно интеллигенціи,—чувствовала себя теперь достаточно сильной, чтобы открыто сбросить съ себя тѣ лицемѣрныя покрывала, въ которыя

она вынуждена была кутаться по милости господствующаго христіанства. И какъ бы печальнымъ ни казалось иной разъ настоящее, все же воспрянувшая буржуазія чувствовала, что лучшая часть дѣйствительности, будущее принадлежитъ ей, и она чувствовала себя способной превратить сію юдоль печали въ рай, въ которомъ людямъ можно будетъ поступать согласно своимъ склонностямъ. Въ дѣйствительной жизни и въ естественныхъ склонностяхъ людей мыслители буржуазіи видѣли зародыши всего добраго, а не всего злого. Это новое умственное направленіе встрѣтило, однако, благодарную публику не въ однихъ только передовыхъ слояхъ буржуазіи, но также и среди придворной знати, которая тогда завоевала себѣ такую абсолютную власть въ государствѣ, что и она полагала возможнымъ, предаваясь усладамъ жизни, не прикрываться личиной христіанскаго лицемѣрія, тѣмъ болѣе что между нею и народомъ лежала глубокая пропасть. На мѣщанство и крестьянство аристократія смотрѣла, какъ на существъ низшаго порядка, которымъ абсолютно недоступна и непонятна ея философія, а потому она считала возможнымъ, не стѣсняясь, развивать эту философію, не боясь въ то же время ослабить этимъ силу своего господства, силу христіанской религіи и этики. Сильнѣе всего эти условія, вызывавшія новыя воззрѣнія на жизнь и этику, развились во Франціи. Тамъ они были и наиболѣе рѣзко выражены. Какъ въ старомъ эпикуреизмѣ, такъ и въ новой философіи просвѣщенія *Ламетри* (1709 г. до 1751 г.), *Гольбаха* (1723 г. до 1789 г.) и *Гельвеція* (1715 г. до 1771 г.) этика эгоизма, пользы и удовольствія находилась въ тѣснѣйшей логической связи съ матеріалистической философіей. Міръ, познаваемый путемъ опыта, кажется имъ единственнымъ, достойнымъ вниманія.

Причины этого новаго вида эпикуреизма были по своему характеру сходны съ причинами, вызвавшими ученіе стараго эпикуреизма; сходны были также и результаты, къ которымъ оба эти ученія пришли. Тѣмъ не менѣе, по одному существенному пункту эти два вида эпикуреизма обнаруживали различіе. Старый эпикуреизмъ не стремился къ ниспроверженію унаслѣдованныхъ религіозныхъ воззрѣній; онъ сумѣлъ къ нимъ приспособиться, онъ не былъ также ученіемъ революціоннаго класса, онъ не проповѣдывалъ борьбы, но—только созерцательное наслажденіе. Скорѣе платоновскій идеализмъ и деизмъ былъ ученіемъ сокрушенія унаслѣдованныхъ религіозныхъ воззрѣній, ученіемъ недовольныхъ классовъ.

Иначе было съ философіей просвѣщенія. Правда, и въ ней коренилось консервативное начало, и она находила удовольствіе въ созерцательномъ наслажденіи, поскольку она служила потребностямъ придворной знати, которая черпала средства своего существованія изъ существующей абсолютной государственной власти. Но въ главномъ это все же была философія наиболѣе интеллигентныхъ, наиболѣе развитыхъ, а также наиболѣе смѣлыхъ элементовъ воспрянувшей буржуазіи. Это-то и придавало ей революціонный характеръ философіи вѣка просвѣщенія. Ставъ съ самаго начала въ противорѣчіе съ унаслѣдованной религіей и этикой, философія эта, по мѣрѣ того, какъ сила и самосознаніе буржуазіи расли, становилась все больше воззрѣніемъ *борьбы*, воззрѣніемъ, которое совершенно отдалилось отъ стараго эпикуреизма и проповѣдывало борьбу противъ поповъ и тирановъ, борьбу за новые идеалы. Характеръ нравственныхъ воззрѣній и уровень нравственныхъ страстей, согласно французскимъ матеріалистамъ, опредѣляется жизненными условіями людей, именно конституціей государства, а также воспитаніемъ. Эгоизмъ всегда присущъ человѣку; но чувство это можетъ принять ярко соціальный характеръ, если общество такимъ образомъ организовано, что эгоистическій интересъ сливается съ интересомъ общественнымъ, что людскія страсти служатъ общественному благу. Истинная же добродѣтель выражается въ радѣніи объ общественномъ благѣ, она только тамъ можетъ преуспѣвать, гдѣ человѣкъ, служа общественному благу, служитъ также и себѣ, гдѣ онъ не можетъ нанести вредъ общественному благу, чтобы тѣмъ самымъ не повредить себѣ.

Только непониманіе людьми собственныхъ высшаго порядка интересовъ, не носящихъ минутнаго характера, незнакомство съ лучшими государственными формами должно неизбѣжно приводить къ конфликту между общественнымъ и личнымъ благомъ. Нужно положить конецъ этому невѣжеству, что можетъ быть достигнуто созданіемъ такихъ формъ государственныхъ и общественныхъ, такихъ формъ воспитанія, которыя были бы согласны съ разумомъ, и при помощи ихъ создать прочную основу счастья и добродѣтели.

Здѣсь замѣтны слѣды вліянія революціонно настроеннаго французскаго матеріализма, который считалъ тогдашнее государство источникомъ всякихъ пороковъ, т.-е. противорѣчія между общественнымъ благомъ и частнымъ интересомъ. Благодаря этому взгляду, французскій матеріализмъ становится выше древняго эпикуреизма, но,

въ силу того же взгляда, онъ также увеличиваетъ слабость позиціи, занятой его этикой.

Вѣдь дѣло не въ томъ только, чтобы изобрѣсть наилучшія формы для государства и общества. Надо же еще *бороться* за нихъ, надо выступить противъ господствующихъ властителей, ниспровергнуть ихъ, чтобы водворить царство добродѣтели. Но для этого потребны большія моральныя добродѣтели, а откуда имъ взяться, если существующее общество столь дурно, что въ немъ никакая добродѣтель, никакая нравственность не могутъ пускать ростки. Не должна ли раньше имѣться въ наличности болѣе высокая нравственность, чтобы могло возникнуть высшаго порядка общество? Не долженъ ли въ насъ жить нравственный идеалъ раньше, чѣмъ нравственный порядокъ станетъ фактомъ? Но откуда взяться этому нравственному идеалу въ порочномъ мірѣ?

На это мы не получаемъ удовлетворительнаго отвѣта.

Нѣсколько иначе, чѣмъ французы, старались объяснить нравственный законъ англичане восемнадцатаго вѣка. Они, въ общемъ, оказывались менѣе смѣлыми и болѣе склонными къ компромиссамъ, что соотвѣтствовало исторіи Англіи со времени реформаціи. Положеніе Англіи, какъ острова, особенно благопріятствовало въ эту эпоху ея экономическому развитію. Она занялась мореплаваніемъ, которое въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, при помощи колонизаціонной системы, повело къ ея быстрому обогащенію. Благодаря своему положенію, Англія освободилась отъ тягостей и опустошеній сухопутныхъ войнъ, которыя истощали континентальныя государства. Такимъ образомъ, Англія быстрѣе другихъ европейскихъ націй обогащалась въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и въ экономическомъ отношеніи стала во главѣ ихъ. Но когда въ какой-либо странѣ раньше, чѣмъ въ другихъ, выступаютъ новые классы, новыя классовыя противорѣчія и, черезъ это, новыя общественныя задачи, то самосознаніе новыхъ классовъ обыкновенно еще недостаточно развито, оно еще находится подъ сильнымъ вліяніемъ старыхъ формъ мышленія, такъ что и классовыя противорѣчія тоже проявляются въ недоразвитомъ видѣ. Благодаря этому, въ такой странѣ дѣло не доходитъ сразу до рѣшительныхъ стычекъ на почвѣ классовой борьбы, здѣсь не удается одержать верхъ надъ старыми классами, которые продолжаютъ еще неограниченно господствовать во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Новые классы въ такой странѣ еще неспособны къ единовластному господ-

ству, ибо еще не въ состояніи ориентироваться въ своемъ положеніи; испуганные новизной собственныхъ стремленій, они сами еще ищутъ опоры и точекъ соприкосновенія съ унаслѣдованными условіями.

Въ виду этого, можно считать, кажется, закономъ всеобщаго развитія, что страны, въ экономическомъ развитіи опережающія другія, обнаруживаютъ склонность ограничиваться компромиссами вмѣсто радикальныхъ рѣшеній.

Такъ, напр., Франція въ средніе вѣка стояла рядомъ съ Италіей во главѣ экономическаго развитія Европы. Вслѣдствіе этого Франція также одной изъ первыхъ встала въ оппозицію къ римскому папству, и ея правительственная власть первая выступила противъ папы. Но такъ какъ при этомъ Франція упустила случай, не стремилась къ тому, чтобы основать собственную государственную церковь, то она вынудила папскую власть лишь на компромиссъ, который съ ничтожными перерывами длится до нынѣшнихъ временъ. Зато два государства, выступившія позднѣе всѣхъ, напротивъ, оказались наиболѣе радикальными борцами противъ папской власти, хотя въ экономическомъ отношеніи они были наиболѣе отсталыми; я говорю о Шотландіи и Швеціи.

Со времени реформаціи на мѣсто Франціи и Италіи піонерами экономическаго развитія выступили Англія и вмѣстѣ съ ней Шотландія, благодаря чему компромиссъ сталъ для этихъ странъ формой разрѣшенія классовой борьбы. Именно потому, что въ XVII вѣкѣ капиталъ въ Англіи сильнѣе разрастался, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а также потому, что онъ тамъ раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, вступилъ въ борьбу съ феодальной аристократіей, борьба эта закончилась компромиссомъ, приведшимъ къ тому, что и понынѣ феодальная поземельная собственность въ Англіи сильнѣе, чѣмъ въ любой изъ европейскихъ странъ, за исключеніемъ, развѣ, Австро-Венгріи. Въ силу того же, слишкомъ быстраго экономическаго развитія, классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей вспыхнула въ Англіи впервые въ мірѣ. Борьба эта началась въ такое время, когда ни пролетаріатъ, ни промышленные капиталисты не отдѣлались еще отъ мелкобуржуазнаго міросозерцанія; въ ту эпоху многіе и даже проницательные наблюдатели обоихъ классовъ валили ихъ въ одну кучу, подъ именемъ «промышленныхъ»; въ ту эпоху не развился еще ни типъ пролетаріата, полнаго самосознанія, уповающаго на будущее своего класса, ни типъ неогра-

ниченно господствующихъ въ государствѣ промышленныхъ магнатовъ—капиталистовъ. Такимъ образомъ, борьба обоихъ классовъ, послѣ кратковременной бурной вспышки, завершилась компромиссомъ, который сдѣлалъ на цѣлые десятки лѣтъ господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ въ Англіи болѣе неограниченнымъ, чѣмъ въ любой странѣ съ современнымъ производствомъ.

Разумѣется, дѣйствія этого закона, какъ и всякаго другого, могутъ быть задержаны какими-нибудь, становящимися по пути побочными вліяніями или, наоборотъ, могутъ быть усилены благопріятными тенденціями. Но, во всякомъ случаѣ, вопросъ достаточно серьезенъ, чтобы остерегаться популярнаго пониманія историческаго матеріализма, который будто бы гласитъ, что въ странѣ, стоящей во главѣ экономическаго развитія, формы классовой борьбы, соотвѣтствующія ей, бываютъ наиболѣе рѣзко и рѣшительно выражены.

Матеріализмъ и атеизмъ, равно какъ и этика, тоже подчинились въ Англіи духу компромисса, господствовавшаго тамъ, начиная съ семнадцатаго столѣтія. Борьба пробудившихся демократическихъ классовъ противъ независимой отъ буржуазіи, преданной феодальному дворянству, монархической государственной власти съ ея придворной знатью и государственной церковью началась въ Англіи слишкомъ на цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ во Франціи, въ такое время, когда немногіе освободились отъ тисковъ христіанскаго мышленія. Если во Франціи борьба противъ государственной церкви приняла характеръ борьбы между христіанствомъ и атеистическимъ матеріализмомъ, то въ Англіи она была только борьбой демократическихъ христіанскихъ сектъ противъ секты, организованной въ государственную церковь. И если во Франціи въ вѣкъ просвѣщенія большинство интеллигенціи и классы, на которые она оказывала вліяніе, придерживались матеріалистическаго и атеистическаго образа мыслей, то англійская интеллигенція искала компромисса между матеріализмомъ и христіанствомъ. Правда, новѣйшій матеріализмъ впервые открыто былъ формулированъ въ Англіи *Томасомъ Гоббесомъ* (1588 г. до 1679 г.); правда, въ Англіи находились мыслители по вопросамъ этики, смѣлость которыхъ превосходила даже самыхъ смѣлыхъ французовъ, каковымъ былъ *Мандевиль* (1670 г. до 1733 г.), который разсматривалъ мораль, какъ орудіе господства, какъ средство къ угнетенію рабочихъ классовъ, и который въ порокѣ видѣлъ корень всякаго общественнаго блага,—но на мышленіе англійской

націи такія идеи оказывали мало вліянія. Христіанскій образъ мыслей остался признакомъ благопристойности, и лицемѣрно выказывать таковой, хотя бы онъ въ душѣ не находилъ сочувствія, стало задачей даже всякаго ученаго, если онъ только не хотѣлъ вступить въ конфликтъ съ обществомъ.

Такимъ образомъ, англичане стали въ критическое отношеніе къ той матеріалистической этикѣ, которая стремилась обосновать моральный законъ на себялюбіи, или удовольствіи, или пользѣ индивидуума. Правда, интеллигентные представители пробудившейся буржуазіи пытались также и въ Англіи разсматривать нравственный законъ, какъ естественное явленіе, но они признавали, что его принудительная сила не можетъ быть объяснена одними только мотивами пользы; на ихъ взглядъ слишкомъ искусственны были тѣ конструкціи, которыя нужно было соорудить, чтобы даже просто связать велѣнія нравственности съ побудительными мотивами пользы или удовольствія, не говоря уже о томъ, чтобы послѣднія считать исключительной побудительной силой первыхъ. Поэтому они тщательно различаютъ наряду съ эгоистическими и симпатическія побужденія человѣка, допускаютъ существованіе *моральнаго чувства*, которое побуждаетъ людей къ дѣятельности на благо своего ближняго. Послѣ шотландца *Гетчисона* (1694 г. до 1747 г.) представителемъ этого ученія выступилъ великій экономистъ *Адамъ Смитъ* (1723 г. до 1790 г.). Въ двухъ своихъ капитальныхъ сочиненіяхъ онъ изслѣдовалъ дѣйствіе обоихъ побудительныхъ мотивовъ человѣческихъ поступковъ. Въ «Теоріи моральныхъ чувствъ» (1759 г.) онъ исходитъ изъ симпатіи, какъ важнѣйшаго связующаго звена человѣческаго общества; его «Изслѣдованіе сущности и природы народнаго богатства» выдвигаетъ эгоизмъ, матеріальный интересъ побудительнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ. Книга появилась въ 1776 г., но принципы, содержащіеся въ ней, Смитъ устно изложилъ еще въ 1752 г. или 1753 г. въ Глазговѣ. Его теорія эгоизма и его теорія сочувствія не исключали, такимъ образомъ, но дополняли другъ друга.

Если англичане этого направленія противополагали другъ другу эгоизмъ и моральное чувство, то, въ противоположность матеріалистамъ, они такимъ путемъ приближались къ платонизму и христіанству. Но все же ихъ воззрѣнія рѣзко различались отъ воззрѣній того и другого. Ибо если, согласно христіанскому ученію, человѣче-

ская природа дурна, если, согласно платоновскому ученію, наши природныя побужденія по характеру своему безнравственны, а нравственность есть нѣчто сверхъестественное, подъестественное, то, по воззрѣніямъ англійской школы восемнадцатаго столѣтія, моральное чувство, хотя и стоитъ въ противорѣчіи съ эгоизмомъ, является такимъ же естественнымъ побужденіемъ, какъ и послѣдній. Кромѣ того, эгоизмъ не казался этимъ мыслителямъ дурнымъ, но вполнѣ полноправнымъ побужденіемъ, столь же необходимымъ для процвѣтанія человѣческаго общества, какъ и сочувствіе по отношенію къ ближнимъ. Моральное чувство было такимъ же чувствомъ, какъ и всякое другое человѣческое чувство—нѣкоторымъ образомъ, шестымъ чувствомъ.

Конечно, при допущеніи даже такого взгляда, затрудненіе, какъ и у французскихъ матеріалистовъ, было только отодвинуто, но не разрѣшено. На вопросъ, откуда же именно у человѣка взялось это своеобразное моральное чувство, англичане не находили отвѣта. Оно было свойственно, по ихъ мнѣнію, человѣку по природѣ. Такое объясненіе могло удовлетворить тѣхъ, которые еще придерживались взгляда о существованіи Міросоздателя, но безъ помощи послѣдняго имъ нельзя было бы обойтись въ своихъ толкованіяхъ.

Задача, которую слѣдуетъ себѣ поставить для дальнѣйшаго научнаго развитія этики, казалась, при такомъ положеніи вещей, ясной. Французская, равно какъ и англійская школы много поработали въ пользу психологическаго и историческаго толкованія отдѣльныхъ нравственныхъ ощущеній и воззрѣній. Но ни та, ни другая не дошли до того, чтобы признать нравственность продуктомъ причинъ, всецѣло лежащихъ въ предѣлахъ нашего опыта. Необходимо было переступить границы англійской школы и изслѣдовать причины моральнаго чувства; нужно было также перешагнуть границы французской школы и указать причины нравственнаго идеала.

Но развитіе идетъ не прямолинейно, оно идетъ путемъ діалектическимъ: оно движется противорѣчіями. Первые шаги философія дѣлала не въ этомъ направленіи, но въ противоположномъ. Вмѣсто того, чтобы еще больше прежняго заключить этическую природу человѣка въ рамки всеобщей естественной необходимости, философія снова совершенно уничтожила эти рамки.

Этотъ шагъ сдѣлала *нѣмецкая* философія, благодаря *Канту* (1724 г. до 1804 г.).

Нынѣ принято взывать: назадъ къ Канту! Но кто при этомъ имѣлъ въ виду кантовскую этику, могъ бы съ одинаковымъ правомъ воскликнуть: *назадъ къ Платону!*

III. Этика Канта.

1. Критика познанія.

Кантъ сталъ на ту же точку зрѣнія, что и матеріалисты. Онъ призналъ, что міръ внѣ насъ дѣйствительно существуетъ и что исходной точкой всякаго познанія является чувственный опытъ. Но наше эмпирическое познаніе есть нѣчто сложное, оно составляется изъ воспріятій, полученныхъ путемъ чувственныхъ впечатлѣній, и изъ того, что является продуктомъ одной только нашей познавательной способности; другими словами, наше познаніе природы обусловливается не только свойствами внѣшняго міра, но также свойствами нашей собственной познавательной способности. Для познанія вселенной поэтому столь же необходимо изслѣдованіе нашей познавательной способности, какъ изслѣдованіе внѣшняго міра. Изслѣдованіе первой является отнынѣ задачей философіи, этой науки наукъ.

Во всемъ вышесказанномъ нѣтъ ничего такого, подъ чѣмъ не подписался бы любой матеріалистъ, и что не было бы раньше высказано самими матеріалистами, за исключеніемъ развѣ послѣдняго положенія. Правда, матеріалисты высказывали это въ такой же формѣ, какъ отдѣльныя положенія матеріалистическаго пониманія исторіи, встрѣчающіяся у нихъ до Маркса, т.-е. какъ отдѣльныя замѣчанія, не имѣвшія дальнѣйшихъ плодотворныхъ результатовъ. Кантъ впервые положилъ ихъ въ основу всего своего ученія. Благодаря ему, философія дѣйствительно стала наукой наукъ, задачей которой было не созданіе опредѣленнаго философскаго ученія, но обученіе философствованію, освѣщенію процесса познанія, методическаго мышленія, путемъ критики познавательныхъ способностей.

Но Кантъ переступилъ эти границы, и его великая философская заслуга—изслѣдованіе познавательной способности—стала также его философскимъ грѣхопаденіемъ.

Такъ какъ нашъ чувственный опытъ не даетъ намъ представленія о мірѣ *въ себѣ*, но только о такомъ, каковъ онъ *есть для насъ*, какимъ онъ *является* намъ, благодаря особенностямъ нашей познавательной способности, то міръ въ себѣ долженъ быть инымъ,

чѣмъ онъ является намъ. Поэтому Кантъ различаетъ міръ явленій— «феномены» — отъ міра вещей въ себѣ — «нумены», «абстрактный міръ». Конечно, послѣдній не поддается нашему познанію, онъ лежитъ по ту сторону нашего опыта, а потому намъ нечего имъ и заниматься. Можно было бы только ограничиться констатированіемъ факта, что наше познаніе природы постоянно ограничивается самымъ характеромъ нашей познавательной способности, постоянно является ограниченнымъ, относительнымъ для насъ, не даетъ намъ абсолютныхъ истинъ, не есть нѣчто законченное, но представляетъ собою безконечный процессъ познанія.

Но на этомъ Кантъ не успокоился. Онъ почувствовалъ неутолимую жажду все же бросить взглядъ въ тотъ невѣдомый, неизслѣдованный міръ вещей въ себѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, хоть что-либо уловить отъ нихъ.

Дѣйствительно же онъ дошелъ до того, что сталъ объ этомъ мірѣ высказывать весьма опредѣленныя вещи. Путь къ этому онъ нашелъ въ самой критикѣ нашей познавательной способности [1]).

Такимъ образомъ онъ открылъ идеальность пространства и времени. Это не понятія, пріобрѣтенныя путемъ опыта, но простыя формы созерцанія природы, существующія только въ нашей познавательной способности. Только въ формѣ представленій пространства и времени мы можемъ познать міръ. Но внѣ нашей познавательной способности не существуетъ ни пространства, ни времени. Такимъ образомъ Кантъ дошелъ до того, что о мірѣ вещей въ себѣ, этомъ совершенно непознаваемомъ мірѣ, высказалъ нѣчто очень опредѣленное, а именно, что въ немъ не существуетъ *ни пространства, ни времени.*

Безъ сомнѣнія, это логическое открытіе является однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ построеній человѣческаго ума. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно стоитъ внѣ всякихъ возраженій. Напротивъ, противъ него можно чрезвычайно многое возражать, и, въ дѣйствительности, много вѣскаго было выдвинуто противъ кантовскаго открытія. Допущеніе идеальности пространства и времени ведетъ къ самымъ запутаннымъ противорѣчіямъ.

---

[1]) Выключая изъ опыта все то, что является продуктомъ чувственнаго воспріятія, наша познавательная способность должна дойти до представленія въ чистомъ видѣ формъ познанія и созерцанія, которыя съ самаго начала, а priori раньше всякаго опыта, заложены были въ нашей «душѣ».

Никто не сомнѣвается въ томъ, что наши представленія пространства и времени обусловливаются свойствами нашей познавательной способности; но я полагалъ бы, что достаточно было сказать, что мы въ состояніи познавать лишь тѣ взаимоотношенія въ природѣ, которыя укладываются въ нашей познавательной способности въ категоріи пространства и времени. Идеальность пространства и времени обозначаетъ въ такомъ случаѣ, какъ и вещь въ себѣ, только извѣстный предѣлъ нашего познанія. Соотношенія такого рода, которыя не укладываются въ форму представленій пространства и времени, если таковыя существуютъ въ дѣйствительности, чего мы не знаемъ,—недостижимы для насъ, подобно тому, какъ для нашего зрѣнія недоступны ультрафіолетовые и ультракрасные лучи.

Но не такъ себѣ представляетъ дѣло Кантъ. Такъ какъ пространство и время являются тѣми формами, въ которыхъ моя познавательная способность только и въ состояніи познавать міръ, то онъ пришелъ къ заключенію, что пространство и время суть формы, присущія лишь моей познавательной способности, для которыхъ не существуетъ никакихъ соотношеній въ дѣйствительномъ мірѣ. Въ своихъ «Пролегоменахъ ко всякой будущей метафизикѣ» Кантъ сравниваетъ представленія пространства съ представленіемъ цвѣтовъ. Это сравненіе намъ кажется очень подходящимъ, но оно никоимъ образомъ не доказываетъ того, что хочетъ доказать Кантъ. Если киноварь представляется мнѣ красной, то это несомнѣнно обусловливается особенностью моей зрительной способности. Внѣ ея не существуетъ цвѣтовъ. То, что для меня является въ формѣ цвѣта, вызывается волнами эфира опредѣленной длины, попадающими въ мой глазъ. Но если бы мы вздумали разсматривать эти волны въ отношеніи цвѣта, какъ вещь въ себѣ,—въ дѣйствительности, разумѣется, это не такъ,—то наша зрительная способность была бы не способностью видѣть вещи въ себѣ такими, каковы онѣ суть, но такими, каковы онѣ не суть; это была бы не способность *познанія*, но способность *самообмана*.

Но иначе обстоитъ дѣло, если мы разсматриваемъ не одинъ какой-либо цвѣтъ, но нѣсколько цвѣтовъ подрядъ, взаимно *различаемъ* ихъ. Каждый изъ этихъ цвѣтовъ вызывается различными волнами опредѣленной длины. Разницѣ въ цвѣтахъ соотвѣтствуетъ разница въ длинѣ эфирныхъ волнъ. Эти *различія* кроются не въ моей

зрительной способности, но во внѣшнемъ мірѣ. Моя зрительная способность содѣйствуетъ только тому, что эти различія доходятъ до моего сознанія въ опредѣленной формѣ—въ формѣ цвѣта. Какъ средство познавать эти различія, она является реальной зрительной способностью, не фиктивной. Различія эти не суть простыя явленія. То, что я вижу—и зеленый, и красный, и бѣлый цвѣтъ—обусловливается моей зрительной способностью. Но что зеленое есть нѣчто иное, чѣмъ красное—это указываетъ на что-то внѣ меня лежащее, на существованіе реальныхъ различій въ вещахъ.

Но, кромѣ того, своеобразіе моей зрительной способности содѣйствуетъ тому, что я ощущаю при ея посредствѣ колебанія эфира. Всякое другое впечатлѣніе внѣшняго міра я такимъ путемъ не могу воспринять.

Какъ со зрительной способностью, такъ обстоитъ дѣло со всякой познавательной способностью вообще. Способность эта помогаетъ мнѣ только воспринимать представленія пространства и времени, т.-е. она указываетъ мнѣ на такія соотношенія вещей, которыя въ состояніи вызывать въ моемъ мозгу представленія пространства и времени. На впечатлѣнія другого рода, если бы таковыя существовали, она не реагируетъ. А моя познавательная способность содѣйствуетъ тому, что до моего сознанія эти впечатлѣнія доходятъ въ особомъ видѣ. Въ этомъ отношеніи категоріи пространства и времени находятся въ связи со свойствами моей познавательной способности. Но *отношенія* и *различія* самихъ вещей, которыя познаются мною въ формѣ отдѣльныхъ представленій пространства и времени, при чемъ различныя вещи кажутся мнѣ большими и малыми, близкими и отдаленными, являются раньше или являются позже—все это *реальныя* отношенія и различія внѣшняго міра, они не обусловливаются способомъ моей познавательной способности.

Если мы и не можемъ познать отдѣльную вещь въ себѣ, если въ этомъ отношеніи наша способность познанія есть способность непознанія, то мы все же познаемъ *дѣйствительныя различія* вещей. Эти различія не представляютъ собою простыхъ явленій, хотя бы созерцаніе ихъ получалось въ видѣ явленій; они существуютъ внѣ насъ и могутъ быть познаваемы нами, конечно, только въ опредѣленной формѣ.

Кантъ, напротивъ, полагалъ, что не только пространство и время суть формы нашего созерцанія, но что также *различія* про-

странства и времени въ явленіяхъ коренятся только въ нашемъ умѣ, что они не указываютъ на нѣчто реальное. Если бы дѣло, дѣйствительно, такъ обстояло, то въ такомъ случаѣ всѣ явленія имѣли бы исходнымъ пунктомъ нашъ умъ, такъ какъ всѣ они принимаютъ форму пространства и времени, и тогда мы ничего не могли бы узнать о внѣшнемъ мірѣ, даже того, существуетъ ли онъ. Если же внѣ насъ существуетъ міръ, тогда, благодаря идеальности пространства и времени, наша познавательная способность представляла бы собою не только несовершенный, односторонній механизмъ, именно такой, при посредствѣ котораго мы получаемъ одностороннее познаніе міра, но она являлась бы, напротивъ, въ своемъ родѣ совершеннымъ механизмомъ, именно прекрасно приспособленнымъ для того, чтобы исключить какое бы ни было познаніе міра; во всякомъ случаѣ, это былъ бы механизмъ, которому названіе: *познавательная* способность совсѣмъ уже не подобало бы.

Пусть Кантъ отворачивается съ особой энергіей отъ «мистическаго» идеализма Беркли, котораго онъ думалъ побить своимъ «критическимъ» идеализмомъ. Его критика принимаетъ такое направленіе, при которомъ предпосылка, что міръ дѣйствительно существуетъ и можетъ быть познанъ путемъ опыта, совершенно теряетъ свое значеніе; покончивъ, съ одной стороны, съ мистицизмомъ, Кантъ при посредствѣ той же критики торжественно раскрываетъ для того же мистицизма ворота, черезъ которыя тотъ снова въѣзжаетъ подъ трубные звуки.

2. Нравственный законъ.

Кантъ исходилъ изъ того положенія, что міръ дѣйствительно существуетъ внѣ насъ, не только въ нашей головѣ, и что познаніе его можетъ происходить только эмпирическимъ путемъ. Его философской задачей, казалось, было изслѣдованіе условій опыта, границъ нашего познанія. Но это именно изслѣдованіе послужило для него ступенью, прыгая черезъ которую, онъ переступилъ границы и открылъ непознаваемый міръ; о немъ онъ въ точности узналъ, что онъ совсѣмъ другого рода, чѣмъ міръ нашихъ явленій, что онъ внѣ пространства и времени, а въ силу этого и безъ начала.

Но къ чему понадобился Канту этотъ головоломный salto mortale за предѣлы нашего познанія, благодаря чему онъ потерялъ

почву подъ ногами? Это было вызвано не причиной логическаго характера, ибо, благодаря именно своему скачку, Кантъ впалъ въ противорѣчія, которыя опровергли его собственную исходную точку зрѣнія. Здѣсь въ основѣ лежала скорѣе подкладка историческаго характера; она-то и пробудила въ Кантѣ потребность въ допущеніи существованія сверхчувственнаго міра, эту-то потребность Кантъ во что бы то ни стало хотѣлъ удовлетворить.

Если въ восемнадцатомъ столѣтіи Франція на сто лѣтъ отстала отъ Англіи, то настолько же Германія отстала отъ Франціи. Если англійская буржуазія не нуждалась больше въ матеріализмѣ, такъ какъ она безъ его содѣйствія справилась съ феодально-абсолютической государственной властью и ея церковью, то нѣмецкая буржуазія не чувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобы вступить въ открытую борьбу съ государственной властью и церковью. Въ силу этого, она пугалась также и матеріализма. Послѣдній проникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи въ Германію, равно какъ и въ Россію, не какъ философія *борьбы*, но какъ философія *наслажденія*, въ формѣ, приспособленной къ потребностямъ «просвѣщеннаго деспотизма». Онъ процвѣталъ при княжескихъ дворахъ бокъ-о-бокъ съ самой ограниченной ортодоксіей. Но въ душѣ мѣщанства, даже у самыхъ смѣлыхъ и независимыхъ его борцовъ обыкновенно оставался еще слѣдъ христіанскаго образа мысли, отъ котораго они не могли отдѣлаться.

Это именно и привлекло симпатіи нѣмецкихъ философовъ на сторону англійской философіи. На Канта англійская философія тоже фактически оказала большое вліяніе. Я не припомню, чтобы у него гдѣ-либо упоминался по имени какой-нибудь изъ французскихъ матеріалистовъ восемнадцатаго столѣтія. Зато англичанъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ онъ, напротивъ, цитируетъ съ любовью— именно: Локка, Юма, Беркли Пристлея.

Но все же между нѣмецкой и англійской философіей существовала большая разница. Англичане создавали свою философію въ эпоху наиболѣе быстраго практическаго подъема, въ эпоху великой практической борьбы. Практика захватила всѣ ихъ умственныя силы, и въ философіи англичанъ тоже господствовала практическая точка зрѣнія. Англійскіе философы дали болѣе значительные труды въ области экономіи, политики, естествознанія, чѣмъ философіи.

Для нѣмецкихъ философовъ не существовало такой практической дѣятельности, которая мѣшала бы имъ сосредоточить всю силу своего мышленія на глубочайшихъ, абстрактныхъ проблемахъ науки. Въ этой области у нихъ не было соперниковъ за предѣлами Германіи. Это вызывалось не какими-нибудь особыми германскими расовыми качествами, но условіями времени. Въ шестнадцатомъ и въ первыя двѣ трети семнадцатаго столѣтій самыхъ глубокихъ философскихъ мыслителей давали Италія, Франція, Голландія, Англія, но не Германія. Только политическое затишье, наступившее послѣ тридцатилѣтней войны, дало перевѣсъ Германіи въ области философіи, подобно тому, какъ «Капиталъ» Маркса былъ созданъ въ періодъ реакціи, наступившей послѣ 1848 г.

Но такого человѣка, какъ Кантъ, несмотря на всѣ его симпатіи къ англичанамъ, не могла удовлетворить нѣмецкая философія; точно такъ же критически онъ отнесся и къ матеріализму.

Какъ въ той, такъ и другой философіи наиболѣе слабымъ пунктомъ, однако, показалась ему *этика*. Онъ находилъ совершенно невозможнымъ провести необходимую связь между нравственнымъ закономъ и природой, т.-е. «міромъ явленій»... Объясненіе перваго нуждалось въ другомъ мірѣ, лежащемъ внѣ пространства и времени, мірѣ чистаго Духа, въ предполагаемомъ мірѣ свободы—въ противоположность міру явленій, надъ которыми господствуетъ необходимое сцѣпленіе причинъ и дѣйствій. Съ другой стороны, однако, и христіанскія чувства должны были также пробудить въ Кантѣ, воспитанномъ въ благочестіи, потребность признать существованіе такого міра, въ которомъ возможно было бы бытіе Бога и безсмертіе [1]).

---

[1]) Какъ курьезъ, слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что бернштейновская острота—«Kant противъ Cant» подходитъ къ тому факту, что Кантъ самъ былъ «Cant» (писался черезъ C)—его прадѣды были шотландцами по происхожденію... «Его отецъ, по ремеслу сѣдельникъ, писалъ еще свою фамилію на шотландскій манеръ—Cant; только нашъ философъ перемѣнилъ заблаговременно начальную букву, чтобы предупредить ошибочное произношеніе имени (Zant)» (Куно Фишеръ, «Исторія новѣйшей философіи». III, стр. 52). Семья Канта была строго благочестивая, и отъ этого вліянія Кантъ никогда не могъ отдѣлаться. Въ такой же мѣрѣ, какъ самъ Кантъ, слово «Cant» тоже имѣетъ отношеніе къ пуританскому святошеству. Слово это обозначаетъ пуританскую манеру пѣть, затѣмъ пуританскую религіозность и, наконецъ, всякую, вошедшую въ привычку, безсмысленную, на одинъ ладъ повторяемую фразу, которая овладѣваетъ нами. Бернштейнъ въ своихъ «Предпосылкахъ» взываетъ къ Канту, ища его помощи противъ матеріалистическаго «партійнаго напѣва».

Такъ какъ Кантъ былъ вынужденъ признать, что Богъ и безсмертіе совершенно излишни въ нашемъ мірѣ, подлежащемъ опыту, то ему оставалось искать для ихъ пребыванія міръ по ту сторону опыта; вотъ этотъ-то міръ вещей въ себѣ, лежащихъ внѣ пространства и времени, «абстрактный» міръ, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовалъ тому, что требовалось Канту.

Лучшимъ доказательствомъ существованія Бога и безсмертія въ потустороннемъ мірѣ служилъ для Канта нравственный законъ. Такимъ образомъ, мы у него, какъ и у Платона, снова встрѣчаемъ, что выведеніе естественно-научнымъ путемъ происхожденія нравственнаго закона и допущеніе особаго міра духовныхъ существъ или, если угодно, духовнаго міра—необходимы и взаимно поддерживаютъ другъ друга.

Но какъ ухитрился Кантъ заглянуть въ этотъ духовный міръ? Критика чистаго разума помогла ему лишь въ опредѣленіи этого міра, какъ лежащаго внѣ пространства и времени. Теперь нужно было наполнить эту безпространственность какимъ-нибудь содержаніемъ. И здѣсь Кантъ тоже нашелся.

Непознаваемый міръ вещей въ себѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, поддается познанію, если удается овладѣть хоть одной вещью въ себѣ, а такую именно вещь мы находимъ у Канта: *это—личность человѣка.* Я для самого себя представляю одновременно и явленіе и вещь въ себѣ. Мой чистый разумъ есть вещь въ себѣ. Какъ часть чувственнаго міра, я являюсь звеномъ цѣпи причинъ и слѣдствій и, такимъ образомъ, подверженъ закону необходимости, но какъ вещь въ себѣ, я свободенъ, т.-е. мои поступки, какъ таковой вещи, не опредѣляются причинностью чувственнаго міра, но скрытымъ во мнѣ нравственнымъ закономъ; законъ этотъ имѣетъ своей исходной точкой чистый разумъ, онъ не говоритъ мнѣ: «тебѣ необходимо», но—«ты долженъ». Однако это «долженъ» не имѣло бы значенія, если бы за нимъ не скрывалось возможности, если бы я не былъ свободенъ.

Нравственная свобода человѣка, поистинѣ, запутанная вещь. Она влечетъ за собой не меньше противорѣчій, чѣмъ идеальность пространства и времени, ибо эта свобода проявляется въ поступкахъ, причастныхъ міру явленій, а, какъ таковые, они подлежатъ сцѣпленію причинъ и слѣдствій, т.-е. необходимы. Одни и тѣ же поступки, такимъ образомъ, одновременно и свободны и необхо-

димы. Но, кромѣ того, свобода имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ «абстрактный» (intelligible) міръ, внѣ времени лежащій, причина же и дѣйствіе, напротивъ, постоянно вращаются въ опредѣленномъ *пространствѣ*. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же во времени опредѣленный поступокъ вызывается причиной временной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣ времени лежащей.

Какова, однако же, сущность этого нравственнаго закона, который изъ потусторонняго міра вещей въ себѣ, «міра разсудка», оказываетъ дѣйствіе на міръ явленій, «чувственный міръ», и подчиняетъ себѣ его? Такъ какъ законъ этотъ имѣетъ своимъ первоисточникомъ міръ разсудка, то причина его дѣйствій должна быть заложена исключительно въ чистомъ разумѣ. Законъ нравственный—чисто формальнаго свойства, ибо онъ долженъ быть вполнѣ свободенъ отъ всякаго отношенія къ чувственному міру, иначе это тотчасъ же повлекло бы за собою отношеніе причины и слѣдствія, создало бы мотивъ для проявленія воли и нарушило бы свободу.

«Однако», говоритъ Кантъ въ «Критикѣ практическаго разума», «помимо содержанія, законъ заключаетъ въ себѣ только законодательную форму. Такимъ образомъ законодательная форма, поскольку она заключается въ правилѣ, представляетъ собою единственный мотивъ дѣйствія свободной воли».

Отсюда Кантъ выводитъ слѣдующій «основный законъ чистаго практическаго разума»:

«Поступай такъ, чтобы правила, которыми руководится твоя воля, могли во всякое время послужить принципомъ всеобщаго законодательства».

Поразительнаго въ этомъ основномъ положеніи нѣтъ ничего. Оно представляетъ собою только философскій переводъ старой сентенціи: чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ, того не дѣлай также другимъ. Ново во всемъ этомъ только заявленіе, что эта сентенція есть откровеніе «абстрактнаго» (intelligible) міра, откровеніе, которое, послѣ громадной траты философскаго глубокомыслія, удалось открыть въ качествѣ принципа, пригоднаго не только для людей, но и для всѣхъ смертныхъ существъ, обладающихъ разумомъ и волей, и даже для «Безконечнаго Существа, какъ высшаго интеллекта».

Къ сожалѣнію, обоснованіе этого, даже для высшаго интеллекта подходящаго принципа заключаетъ въ себѣ порядочную прорѣху. Принципъ этотъ «долженъ быть независимъ отъ всѣхъ усло-

вій», «присущихъ чувственному міру», но это легче сказать, чѣмъ выполнить—это такъ же недостижимо, какъ недостижима возможность полученія безвоздушнаго пространства подъ воздушнымъ насосомъ; какъ это пространство всегда должно заключать въ себѣ воздухъ, хотя бы въ видѣ незначительнѣйшаго количества газа, который неощутимъ для насъ, точно такъ же невозможно уловить мысль, независимую отъ всѣхъ условій, присущихъ чувственному міру. Этой судьбы не можетъ избѣгнуть и нравственный законъ.

Уже самое понятіе—нравственный законъ—заключаетъ въ себѣ условія, имѣющія отношеніе къ чувственному міру. Это не есть законъ «чистой воли» въ себѣ, но законъ дѣйствій моей воли по отношенію къ *ближнему;* послѣднее предполагается; но для меня эти явленія суть части чувственнаго міра.

Еще больше предполагаетъ понятіе нравственнаго закона, гласящаго: «поступай такъ, чтобы правила, которыми руководится твоя воля, могли во всякое время послужить принципомъ всеобщаго законодательства». Это предполагаетъ не только существованіе ближнихъ, помимо меня, но также и желаніе, чтобы эти ближніе вели себя извѣстнымъ образомъ. *Они* должны поступать такъ, какъ поступаю *я,* слушаясь велѣній нравственнаго закона.

Этимъ не только предполагается желательнымъ для меня существованіе общества, но даже *опредѣленнаго общественнаго строя.*

Что фактически потребность въ таковомъ кроется въ основѣ «практическаго разума» и опредѣляетъ его чистый нравственный законъ, пребывающій внѣ времени и пространства,—это у Канта проскальзываетъ и въ его «Критикѣ практическаго разума», въ полемикѣ противъ взгляда, выводящаго нравственный законъ изъ удовольствія: «Удивительно, какимъ образомъ разумнымъ людямъ могло притти на умъ изъ факта всеобщности жажды счастья и правила, согласно которому каждый дѣлаетъ это счастье опредѣлительнымъ мотивомъ своей жизни, сдѣлать выводъ, что это-то и есть общій практическій законъ. Общій законъ долженъ всегда приводить къ гармоніи. Если же бы эта максима была признана всеобщимъ закономъ, возникло бы противорѣчіе всякой гармоніи, самый рѣзкій раздоръ. Ибо въ этомъ случаѣ воля всѣхъ не имѣла бы одного и того же объекта, но у каждаго былъ бы свой собственный (собственное благополучіе); случайно данный объектъ воли можетъ оказаться въ согласіи съ намѣреніями другихъ, которые тоже имѣютъ въ виду

только себя самихъ, но этого далеко недостаточно для наличности закона, ибо исключенія, которыя мы принуждены будемъ сдѣлать, безконечны и вовсе не могутъ быть опредѣленно обобщены въ правило. Такимъ путемъ устанавливается «*гармонія*», аналогичная съ той, о которой поется въ извѣстномъ сатирическомъ стихотвореніи, написанномъ на тему о душевномъ согласіи двухъ губящихъ другъ друга супруговъ: «О чудная гармонія, чего хочетъ онъ, того хочетъ и она» (Изд. Кирхманна, 1869, стр. 31).

Итакъ, удовольствіе потому не можетъ лечь принципомъ въ основу всеобщаго моральнаго законодательства, что оно способно вызвать соціальныя дисгармоніи. Нравственный законъ посему имѣетъ цѣлью созданіе гармоническаго общества, а таковое, очевидно, признается возможнымъ, иначе было бы нелѣпо стремиться къ его созданію.

Кантовскій нравственный законъ предполагаетъ, такимъ образомъ, желательность существованія гармоническаго общества, а также и возможность его. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагаетъ, что нравственный законъ является средствомъ, при помощи котораго можно создать подобнаго рода общество, и что этого результата можно добиться путемъ правила, могущаго служить руководствомъ для отдѣльнаго индивидуума. Изъ сказаннаго мы видимъ, какъ основательно ошибается Кантъ, если думаетъ, что его нравственный законъ независимъ отъ всѣхъ условій чувствующаго міра и является основнымъ положеніемъ, имѣющимъ значеніе для всѣхъ духовныхъ существъ, внѣ времени и пространства обрѣтающихся, включая сюда и Господа Бога.

Въ дѣйствительности, кантовскій нравственный законъ представляетъ собою продуктъ весьма конкретныхъ общественныхъ условій. Разумѣется, разъ источникомъ его является желаніе создать гармоническое общество, то изъ него можно также вывести идеалъ гармоническаго общества, и такимъ путемъ дошли до того, что возвели Канта въ основателя соціализма. Когенъ вновь повторяетъ это въ своемъ послѣднемъ произведеніи—«Этика чистой воли» (1905 г.). Въ дѣйствительности же, Кантъ стоитъ дальше отъ соціализма, чѣмъ французскій матеріализмъ восемнадцатаго столѣтія. Въ то время, какъ, согласно французскому матеріализму, нравственность обусловливается состояніемъ государства и общества, такъ что реформа нравственности предполагала собою реформу государства, а борьба съ поро-

комъ приводила къ борьбѣ съ господствующими классами,—у Канта общество, зависимое отъ условій пространства и времени, опредѣляется нравственнымъ закономъ, внѣ пространства и времени находящимся, и свои требованія законъ этотъ предъявляетъ не къ обществу, но къ индивиду. Если нравственность индивидуумовъ несовершенна, то виновато въ этомъ не государство или общество, но то обстоятельство, что человѣкъ, по природѣ своей, полуангелъ, полуживотное, и что его животная натура тянетъ его постоянно внизъ, противъ чего онъ можетъ бороться только путемъ внутренняго возвышенія и очищенія. Совершенствованіе общества можетъ произойти только путемъ совершенствованія индивида.

Мы видимъ, что соціализмъ принимаетъ своеобразныя формы, если разсматривать Канта, какъ его основателя; своеобразность эта не умаляется, если мы прослѣдимъ за дальнѣйшимъ развитіемъ нравственнаго закона, изложеннаго Кантомъ. Изъ нравственнаго закона проистекаетъ сознаніе *личности* и *достоинства* человѣка и тезисъ:

«Поступай такъ, чтобы человѣчество какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого служило для тебя во всякое время также и цѣлью, и никогда не средствомъ только».

«Въ этихъ словахъ», говоритъ Когенъ (А. а. О., стр. 303, 304), «заключается самый глубокій и мощный смыслъ категорическаго императива; въ нихъ выражена моральная программа *новаго времени и какого бы то ни было будущаго міровой исторіи*... Идея о томъ, что человѣчество, какъ цѣль, должно имѣть преимущество передъ всякими другими цѣлями, приводитъ, въ силу этого, къ идеѣ соціализма, гласящей, что всякій человѣкъ представляетъ собою конечную цѣль, самоцѣль».

Программа «какого бы то ни было будущаго міровой исторіи» здѣсь нѣсколько узко понята. «Независимый отъ времени» нравственный законъ, гласящій, что человѣкъ во всякое время долженъ быть цѣлью, а не простымъ средствомъ, самъ имѣетъ смыслъ лишь въ такомъ обществѣ, въ которомъ одни люди могутъ быть употребляемы другими въ качествѣ только средствъ. Въ коммунистическомъ обществѣ что-либо подобное невозможно, а потому исчезаетъ необходимость въ кантовской программѣ «какого бы то ни было будущаго міровой исторіи». Что же съ ней станется? Такимъ образомъ мы либо не будемъ имѣть соціализма, либо никакой міровой исторіи.

Кантовскій нравственный законъ былъ протестомъ противъ очень конкретнаго феодальнаго общества, условія котораго создавали личную зависимость. Такъ называемый «соціалистическій» тезисъ, возстановляющій личность и достоинство человѣка, въ сущности столь же хорошо мирится съ либерализмомъ и анархизмомъ, какъ и съ соціализмомъ, и въ немъ такъ же мало новаго, какъ въ вышеупомянутомъ тезисѣ о всеобщемъ законодательствѣ. Это есть философская формулировка идеи «свободы, равенства и братства», которая была уже развита Руссо и которая къ тому же встрѣчается еще въ ученіи первобытнаго христіанства. Своеобразно и здѣсь чисто кантовское обоснованіе тезиса.

Достоинство личности человѣка выводится именно изъ того, что человѣкъ есть часть сверхчувственнаго міра, что онъ, какъ нравственное существо, стоитъ внѣ природы и надъ природой. Личность— это «свобода и независимость отъ механизма всей природы», такъ что лицо, какъ нѣчто, принадлежащее чувственному міру, подчиняется своей собственной личности, поскольку она въ то же время принадлежитъ интеллижибельному міру.

Въ такомъ случаѣ, нечего удивляться, что «человѣкъ, принадлежа *обоимъ мірамъ*, долженъ относиться къ своей собственной сущности, принимая во вниманіе свое второе и высшее назначеніе не иначе, какъ съ благоговѣніемъ» (А. а. О., стр. 104, 105).

Такимъ путемъ мы очень благополучно добрались бы до проистекающаго отсюда стараго христіанскаго обоснованія равенства всѣхъ людей, какъ дѣтей Божіихъ.

3. Свобода и необходимость.

Между тѣмъ, сколь необходимымъ ни считаемъ мы отклонить идею о двухъ мірахъ, къ которымъ, согласно Платону и Канту, принадлежитъ человѣкъ, мы все-таки не можемъ не согласиться, что человѣкъ живетъ одновременно въ двухъ разныхъ мірахъ, и что нравственный законъ существуетъ въ одномъ изъ нихъ и не въ томъ, который познается путемъ опыта, хотя, тѣмъ не менѣе, это все же не сверхчувственный міръ.

Тѣ два міра, въ которыхъ живетъ человѣкъ, суть *міръ прошлаго и міръ будущаго*, настоящее образуетъ границу между ними. Весь опытъ человѣка коренится въ прошломъ, всякій опытъ есть нѣчто прошлое, и всѣ взаимоотношенія, на которыя указываетъ ему

прошлый опытъ, лежатъ съ неотвратимой необходимостью передъ нимъ или, скорѣе, позади него. Въ нихъ нельзя измѣнить даже самаго малаго, въ нихъ человѣкъ можетъ лишь констатировать необходимость. Такимъ образомъ, міръ опыта есть міръ познанія, а также и міръ необходимости.

Иначе, напротивъ, обстоитъ дѣло съ будущимъ. О немъ я ничего не знаю. Оно рисуется предо мною, повидимому, свободнымъ, какъ міръ, не поддающійся познанію, но въ которомъ я вижу себя *дѣйствующимъ лицомъ*. Разумѣется, я могу рядъ опытовъ, произведенныхъ въ прошломъ, примѣнить къ будущему, сдѣлавъ отсюда выводъ, что оно столь же необходимо, какъ и прошлое; но если познавать міръ я могу лишь при условіи допущенія необходимости, то дѣйствовать въ немъ я могу, лишь предположивъ извѣстную свободу. Даже тогда, когда мои дѣйствія вызываются извѣстнымъ принужденіемъ, мнѣ остается выборъ—подчиниться ему или нѣтъ, мнѣ еще остается крайнее средство — избѣгнуть принужденія путемъ добровольной смерти. Дѣйствовать — значитъ постоянно выбирать между различными возможностями, и если эти возможности относятся къ дѣйствію или недѣйствію, то дѣйствовать—значитъ принять или отклонить, защищать и бороться. Но процессъ выбора предполагаетъ возможность выбора между пріемлемымъ и отвергаемымъ, между добромъ и зломъ.

Нравственное сужденіе, которое есть нелѣпость въ мірѣ прошлаго, въ мірѣ опыта, гдѣ ничего нельзя выбирать, гдѣ господствуетъ желѣзная необходимость, является неизбѣжнымъ въ мірѣ неизвѣданнаго будущаго, въ мірѣ свободы.

Но не только чувство свободы предполагается въ нашихъ дѣйствіяхъ, но также опредѣленныя цѣли. Если въ мірѣ прошлаго господствуетъ послѣдствіе причинъ и дѣйствій (причинность), то въ мірѣ поступковъ—цѣлесообразность (телеологія).

Для дѣйствія чувство свободы является непремѣнной психологической предпосылкой, которую не можетъ уничтожить въ насъ никакое познаніе. Даже самый строгій фатализмъ, даже самое глубочайшее убѣжденіе, что человѣкъ есть необходимый продуктъ условій своей жизни, не могутъ повліять на то, чтобы мы перестали любить и ненавидѣть, защищать и бороться.

Но все это не есть монополія человѣка, все это относится также и къ животному. И животное обладаетъ свободой воли въ томъ

смыслѣ, какъ ею обладаетъ человѣкъ, именно—субъективнымъ, неотвратимымъ чувствомъ свободы, которое проистекаетъ изъ незнакомства съ будущимъ и изъ необходимости активно на него вліять. Животное также имѣетъ нѣкоторое представленіе о связи причинъ и дѣйствій. Наконецъ, и постановка цѣлей ему тоже не чужда. Въ отношеніи взгляда на прошлое и необходимости въ природѣ, съ одной стороны, а съ другой—въ отношеніи предвидѣнія будущаго и постановки цѣлей для своихъ поступковъ самый глубокомысленный дикарь гораздо меньше отличается отъ животнаго, чѣмъ отъ культурнаго человѣка.

Но постановка цѣли не есть нѣчто такое, что стоитъ внѣ сферы необходимости, внѣ связи причинъ и дѣйствій. Если я даже ставлю себѣ цѣли только для будущаго, для царства кажущейся свободы, то самый фактъ постановки цѣли съ того момента, какъ я себѣ ее ставлю, какъ и всякая мысль, доходящая до моего сознанія, относится уже къ области прошлаго, и цѣль эта поэтому въ своей необходимости познается какъ слѣдствіе опредѣленныхъ причинъ. Это ни на іоту не мѣняетъ того обстоятельства, что *достиженіе* цѣли лежитъ въ будущемъ, лежитъ еще въ области неизвѣстнаго, такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ, въ области свободы. Но если можно еще достиженіе поставленной цѣли относить къ свободѣ, то самый фактъ постановки цѣли относится всецѣло къ области прошлаго. Въ царствѣ свободы находятся только тѣ цѣли, которыя еще не были поставлены нами, о которыхъ мы еще ничего не знаемъ.

Итакъ, міръ установленныхъ уже цѣлей не есть міръ свободы въ противоположность міру необходимости. Для каждой поставленной нами себѣ цѣли, равно какъ и для каждаго средства, употребляемаго нами для ея достиженія, причины уже даны и при извѣстныхъ обстоятельствахъ поддаются нашему познанію, какъ съ необходимостью вызвавшія постановку этой цѣли и ея осуществленіе.

Нельзя, однако, различать царство необходимости и царство свободы только какъ прошедшее и будущее: ихъ различіе совпадаетъ также во многомъ съ различіемъ, существующимъ между природой и обществомъ, или, точнѣе выражаясь, между обществомъ и прочей природой, особенную, своеобразную часть которой общество составляетъ.

Если мы станемъ разсматривать природу съ болѣе узкой точки зрѣнія, какъ нѣчто отдѣльное отъ общества, а природу и общество

въ ихъ отношеніи къ будущему, то мы тотчасъ же найдемъ большую разницу между ними. Природныя условія мѣняются гораздо медленнѣе, чѣмъ общественныя. Послѣднія же въ эпоху, когда люди начинаютъ философствовать, въ эпоху товарнаго производства, обнаруживаютъ крайне запутанный характеръ, между тѣмъ какъ въ природѣ существуетъ громадный рядъ простыхъ фактовъ, закономѣрность которыхъ относительно легко постичь.

Изъ этого вытекаетъ, что, несмотря на нашу кажущуюся свободу дѣйствія въ будущемъ, это дѣйствіе по отношенію къ природѣ очень рано начинаетъ представляться намъ какъ нѣчто необходимое. Какимъ бы мракомъ неизвѣстности ни было для меня покрыто будущее, все же я съ увѣренностью знаю, что за зимой послѣдуетъ лѣто, что завтра взойдетъ солнце, что завтра я почувствую голодъ и жажду, что зимой у меня будетъ потребность въ теплѣ и т. д.; мои поступки никогда не будутъ направлены къ тому, чтобы уйти отъ этой естественной необходимости, но я буду стараться считаться съ нею. Такимъ образомъ, при всей кажущейся свободѣ моихъ дѣйствій въ отношеніи природы, я познаю ихъ необходимость. Свойства внѣшней природы и свойства моего собственнаго организма создаютъ рядъ необходимостей, которыя навязываютъ мнѣ опредѣленныя, сообразныя съ опытомъ и, такимъ образомъ, заранѣе познаваемыя желанія и поступки.

Но совсѣмъ другимъ характеромъ обладаетъ мое поведеніе относительно моихъ ближнихъ, мое общественное поведеніе. Здѣсь не такъ легко постичь тѣ внутреннія и внѣшнія необходимости, которыя опредѣляютъ мои дѣйствія. Здѣсь я наталкиваюсь не на непреоборимыя естественныя силы природы, которымъ я вынужденъ подчиниться, но на аналогичные мнѣ факторы, на такихъ же людей, какъ и я, которые по природѣ своей обладаютъ одинаковой со мною силой. Въ отношеніи къ нимъ я себя чувствую свободнымъ, но они мнѣ тоже кажутся свободными въ отношеніи къ другимъ. Къ нимъ я чувствую любовь и ненависть ихъ, и мои отношенія къ нимъ я обсуждаю съ нравственной точки зрѣнія.

Міръ свободы и нравственнаго закона, такимъ образомъ, нѣчто другое, чѣмъ міръ познанной мною необходимости, но онъ отнюдь не лежитъ внѣ пространства и времени, онъ не является сверхчувственнымъ міромъ; это есть только своеобразный уголокъ чувственнаго міра, разсматриваемый съ особенной точки зрѣнія. Это есть

міръ, видимый въ періодѣ своего приближенія, міръ, на который мы хотимъ повліять, который мы хотимъ преобразовать—прежде всего міръ общественныхъ отношеній. Но то, что сегодня представляется какъ будущее, завтра будетъ прошедшимъ, такъ что сегодняшняя свобода дѣйствій завтра будетъ признана необходимостью. Нравственный законъ, внутри насъ ощущаемый, который регулировалъ эти дѣйствія, перестаетъ, въ силу этого, казаться намъ безпричинной причиной; онъ попадаетъ въ царство опыта, познается, какъ необходимое слѣдствіе причины, и только какъ таковое онъ и можетъ быть вообще познанъ, какъ таковое онъ только и можетъ стать предметомъ науки. Перенося нравственный законъ изъ области чувственнаго міра по ту сторону сверхчувственнаго, Кантъ не содѣйствовалъ его научному познанію, но, наоборотъ, преградилъ всѣ пути къ этому.

Это препятствіе нужно, прежде всего, устранить, нужно перешагнуть черезъ Канта, если хотятъ разрѣшить загадку, кроющуюся въ нравственномъ законѣ.

4. Философія примиренія.

Этика составляетъ слабую сторону кантовской философіи. И тѣмъ не менѣе, только благодаря этикѣ, философія эта пользовалась такимъ громаднымъ историческимъ успѣхомъ, ибо она въ высшей степени соотвѣтствовала потребностямъ времени.

Французскій матеріализмъ былъ философіей *борьбы* противъ всѣхъ унаслѣдованныхъ формъ мышленія, а черезъ это—и противъ тѣхъ учрежденій, которыя скрывались за ними. Непримиримая вражда матеріализма къ христіанству сдѣлала его паролемъ борьбы не только съ церковью, но также со всѣми соціальными и политическими силами, находившимися въ связи съ послѣдней. Кантовская критика чистаго разума также выкидываетъ все христіанство за порогъ храма, но открытіе первоисточника нравственнаго закона, которое сдѣлано практическимъ разумомъ, снова благоговѣйно раскрываетъ передъ христіанствомъ двери. Такимъ образомъ, у Канта философія изъ орудія борьбы съ существующими формами мышленія и общественными формами превращается въ средство *примиренія* противорѣчій.

Но борьба служитъ орудіемъ развитія. Примиреніе противорѣчій обозначаетъ собою застой въ развитіи. Вотъ почему кантовская философія явилась факторомъ консервативнымъ.

Наибольшія выгоды изъ этой философіи прежде всего извлекла *теологія*; благодаря кантовской философіи, послѣдняя вышла изъ того затруднительнаго положенія, въ которое унаслѣдованная религія попала вслѣдствіе развитія науки, ибо кантовская философія содѣйствовала примиренію науки и религіи.

«Никакая другая наука», говоритъ Целлеръ, «не испытала на себѣ въ большей степени вліянія кантовской философіи, какъ *теологія*. Здѣсь именно почва была наиболѣе благопріятная для насажденія кантовскихъ принциповъ; при этомъ онъ содѣйствовалъ углубленію и усовершенствованію выработанныхъ доселѣ формъ мышленія, въ которыхъ теологи крайне нуждались» («Исторія нѣмецкой философіи со времени Лейбница», 1873 г., стр. 519).

Именно, послѣ взрыва Французской революціи возникла сильная потребность въ теологіи, которая въ состояніи была бы помѣриться съ матеріализмомъ и занять его мѣсто въ средѣ образованныхъ людей. Целлеръ пишетъ, поэтому, далѣе:

«Кантовскія религіозныя воззрѣнія какъ разъ пошли навстрѣчу моральнымъ и интеллектуальнымъ потребностямъ времени: лицамъ просвѣщеннымъ они зарекомендовывали себя своимъ соотвѣтствіемъ разуму, своей независимостью отъ положительныхъ религій, своимъ чисто практическимъ направленіемъ; людямъ же религіознымъ—своей нравственной строгостью и своимъ достойнымъ взглядомъ на христіанство и его основателя». Нѣмецкая философія отнынѣ стала на точку зрѣнія Канта; его моральная теологія, спустя нѣсколько лѣтъ, послужила основой, которая привела въ движеніе почти всю протестантскую теологію въ Германіи, въ значительной мѣрѣ даже *католическую* теологію... Вслѣдствіе того, что большинство нѣмецкихъ теологовъ почти цѣлыхъ полстолѣтія подрядъ исходило изъ философіи Канта, послѣдняя оказала крайне задерживающее и очень глубокое вліяніе на всеобщее образованіе.

Форлендеръ въ свой исторіи философіи цитируетъ слова новѣйшаго нѣмецкаго теолога, Ричля, который говоритъ:

«Дальнѣйшее развитіе метода познанія этики, сдѣланное Кантомъ, сыграло въ то же время роль въ дѣлѣ возстановленія протестантизма» (II, стр. 476).

Великая революція подготовила почву для вліянія Канта, которое возросло до высшей степени два десятилѣтія спустя послѣ господства террора. Затѣмъ это вліяніе стало ослабѣвать. Начиная съ

тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, и нѣмецкая буржуазія почувствовала въ себѣ достаточно силы и мужества, чтобы вступить въ рѣшительную борьбу противъ существующихъ формъ государственныхъ и формъ мышленія, чтобы признать категорически единственно реальнымъ міромъ міръ чувственный. Такимъ образомъ, послѣ гегеліанской философіи опять всплыли новыя формы матеріализма, притомъ наиболѣе энергично именно въ Германіи, потому что буржуазія послѣдней была болѣе отсталой, чѣмъ французская и англійская, и не одержала еще побѣды надъ существующей государственной властью—словомъ, буржуазія эта нуждалась въ философіи борьбы, а не примиренія.

Но въ послѣднія десятилѣтія потребность борьбы среди буржуазіи снова сильно упала. Если она не добилась всего, чего желала, то все же получила все то, что требовалось для ея процвѣтанія. Дальнѣйшая сильная борьба, энергическія нападки на существующій порядокъ вещей ей гораздо меньше нужны, чѣмъ ея великому врагу—пролетаріату, силы котораго угрожающе растутъ, и который, въ свою очередь, нуждается теперь въ философіи борьбы. Пролетаріату тѣмъ болѣе доступно ученіе матеріализма, чѣмъ болѣе развитіе чувственнаго міра доказываетъ непрочность существующаго строя и необходимость побѣды пролетаріата.

Буржуазія же, напротивъ, все болѣе начинаетъ склоняться къ философіи примиренія: вотъ почему она снова пробуждаетъ къ жизни кантіанство. Возрожденіе послѣдняго возникло въ эпоху реакціи 1848 г., и начало ему положено было *Шопенгауэромъ*, пріобрѣвшимъ тогда сильное вліяніе.

Но въ послѣднія десятилѣтія кантовская этика стала проникать также и въ политическую экономію, и въ соціализмъ.

Такъ какъ законы буржуазнаго общества, которые были открыты классической экономіей, все больше развертываются въ видѣ законовъ, указывающихъ на неизбѣжность классовой борьбы и крушенія капиталистическаго порядка, то буржуазная экономія бѣжала подъ сѣнь кантовскаго нравственнаго закона; законъ этотъ, стоя внѣ пространства и времени, долженъ привести къ тому, чтобы примирить классовыя противорѣчія и воспрепятствовать революціямъ, происходящимъ въ предѣлахъ пространства и времени.

Рядомъ съ этической школой политической экономіи на сцену выступилъ также этическій соціализмъ; это началось тогда, когда

въ нашихъ собственныхъ рядахъ всплыли стремленія, проповѣдующія ослабленіе классовой борьбы и соглашеніе, по крайней мѣрѣ, хоть съ частью буржуазіи. И эта политика примиренія началась зовомъ: назадъ къ Канту!—и отреченіемъ отъ матеріализма, не признающаго свободы воли.

Несмотря на категорическій императивъ, которымъ кантовскій нравственный законъ взываетъ къ отдѣльному индивидууму, его *историческая, общественная* тенденція была съ самаго начала и остается донынѣ тенденціей притупленія, примиренія противорѣчій, а не преодолѣнія ихъ путемъ борьбы.

IV. Этика дарвинизма.

1. Борьба за существованіе.

Кантъ, равнымъ образомъ и Платонъ раскололи человѣка на двѣ части, на естественную и сверхъестественную, животную и ангелоподобную. Но стремленіе разсматривать весь міръ, включая сюда и наши духовныя функціи, какъ нѣчто реальное и единое, при чемъ всякіе сверхъестественные факторы исключались отсюда, или, другими словами, матеріалистическій характеръ мышленія былъ слишкомъ глубоко обоснованъ условіями жизни, чтобы Канту удалось надолго его парализовать. И грандіозный подъемъ естественныхъ наукъ, который пошелъ быстрымъ темпомъ именно ко времени смерти Канта, привелъ къ цѣлому ряду новыхъ открытій, все больше заполнявшихъ пропасть между человѣкомъ и остальной природой; эти открытія, между прочимъ, содѣйствовали признанію, что все «ангелоподобное» въ человѣкѣ наблюдается также и въ животномъ мірѣ, и что оно, по своей сущности, животнаго происхожденія.

Между тѣмъ, этика матеріализма девятнадцатаго столѣтія, поскольку она носила чисто естественно-научный характеръ, ни въ своихъ открытыхъ, смѣлыхъ нѣмецкихъ формахъ, ни въ болѣе замкнутыхъ и робкихъ англійскихъ, а теперь также и французскихъ, не пошла дальше того, что уже проповѣдывалось въ восемнадцатомъ столѣтіи. Такимъ образомъ *Фейербахъ* обосновалъ мораль на стремленіи къ счастью, *Огюстъ Контъ*, основатель позитивизма, допускаетъ, напротивъ того, какъ и англичане, различіе между эгоистическими

и моральными, или «альтруистическими», чувствами, при чемъ, на его взглядъ, основаніе обоихъ этихъ чувствъ кроется въ человѣческой природѣ.

Большаго и рѣшительнаго успѣха въ этомъ отношеніи добился *Дарвинъ*, который въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка доказалъ, что альтруистическія чувства не составляютъ какой-нибудь особенности человѣческой природы, что мы встрѣчаемъ ихъ также и въ животномъ мірѣ и что какъ тамъ, такъ и тутъ они проистекаютъ изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ; источники же эти суть тѣ самые, которые вызвали къ жизни всѣ способности существъ, одаренныхъ движеніемъ, и содѣйствовали ихъ дальнѣйшему развитію. Этимъ ученіемъ была почти уничтожена послѣдняя грань между человѣкомъ и животнымъ. Дарвинъ не развилъ далѣе этихъ своихъ открытій, но тѣмъ не менѣе они принадлежатъ къ величайшимъ и плодотворнѣйшимъ открытіямъ человѣческаго генія; открытія эти содѣйствовали также развитію новой критики познанія.

Разсматривая органическій міръ, мы видимъ, что разница между нимъ и неорганическимъ прежде всего сказывается въ одной особенности: мы наталкиваемся въ органическомъ мірѣ на *цѣлесообразность*. Всѣ органическія существа болѣе или менѣе цѣлесообразно устроены, при чемъ цѣль, которой отвѣчаютъ эти существа, отнюдь не лежитъ внѣ ихъ; цѣль эта заложена, наоборотъ, внутри каждаго индивида; его части устроены такъ, чтобы служить цѣлому— индивиду. Цѣль и раздѣленіе труда совокупно проистекаютъ изъ одного и того же начала. Сущность организма есть раздѣленіе труда, въ такой же мѣрѣ сущностью этой является и цѣлесообразность; одно обусловливаетъ другое. Раздѣленіе труда кладетъ грань между организмомъ и неорганическимъ индивидомъ, напримѣръ, кристалломъ. И кристаллы сами по себѣ тоже индивиды, которымъ присуща опредѣленная форма; они растутъ, если находятъ необходимое для этого вещество, при наличности необходимыхъ условій, но они съ начала до конца однообразны. Самый низшій организмъ, напротивъ того, это—пузырекъ, который гораздо менѣе замѣтенъ и менѣе сложенъ съ виду, чѣмъ кристаллъ, но въ пузырькѣ этомъ внѣшняя сторона иная, имѣетъ другія функціи, чѣмъ внутренняя.

Цѣлесообразность раздѣленія труда, его польза для организма и помощь, которую оно оказываетъ существованію организма, кажется удивительной. Но болѣе удивительнымъ, напротивъ, было бы, если

бы индивиды поддерживали свое существованіе, процвѣтали бы при нецѣлесообразномъ раздѣленіи труда, которое затруднило бы ихъ существованіе или дѣлало бы его невозможнымъ.

Какова, однако, та работа, которую приходится выполнять органамъ организма? Эта работа есть *борьба за существованіе*, т.-е. не борьба съ другими организмами того же вида, какъ это слово иногда понимается, но борьба со всей природой въ совокупности. Природа находится въ постоянномъ движеніи, въ состояніи постоянной смѣны формъ; только такіе индивиды смогутъ въ этой постоянной смѣнѣ сохранить въ теченіе извѣстнаго промежутка времени свою форму, которые въ состояніи развить особые органы для *защиты* противъ внѣшнихъ вліяній, угрожающихъ индивиду, а также для *возмѣщенія* тѣхъ составныхъ частей, которыя индивидъ долженъ постоянно отдавать внѣшнему міру. Прежде всего и лучше всего сохранятся тѣ индивиды и группы, *орудія защиты* которыхъ наиболѣе приспособлены къ пріобрѣтенію *пищи*, т.-е. наиболѣе *приспособлены* къ внѣшнему міру, въ цѣляхъ отстраненія грозящихъ индивиду опасностей и извлеченія жизненныхъ источниковъ. Непрерывный процессъ приспособленія и подбора индивидовъ наиболѣе цѣлесообразныхъ, путемъ борьбы за существованіе, вызываетъ при условіяхъ, обыкновенно существующихъ на землѣ съ тѣхъ поръ какъ на ней развились организмы, все растущее раздѣленіе труда. Чѣмъ дальше прогрессировало раздѣленіе труда, тѣмъ совершеннѣе становился организмъ. Постоянное совершенствованіе органическаго міра было, такимъ образомъ, до сихъ поръ результатомъ борьбы за существованіе среди организмовъ и такъ будетъ, быть можетъ, на долгіе вѣка и въ будущемъ, пока условія нашей планеты не измѣнятся въ существенномъ. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права считать совершенствованіе необходимымъ закономъ на вѣчныя времена. Это значило бы вносить во вселенную цѣль, которой мы въ ней не находимъ.

Развитіе также не идетъ съ одинаковой быстротой. Временами наступаютъ періоды, когда различные организмы, каждый въ своемъ родѣ, достигаютъ наивысшей, при существующихъ условіяхъ, степени совершенства, бываютъ наиболѣе приспособлены къ даннымъ условіямъ. Пока эти условія существуютъ, организмы не будутъ далѣе развиваться, но запечатлѣютъ достигнутую форму въ постоянный типъ, который продолжаетъ неизмѣнно процвѣтать. Дальнѣйшее раз-

витіе наступитъ только тогда, когда среда значительно измѣнится, когда неорганическая природа подвергнется измѣненіямъ, нарушающимъ состояніе равновѣсія органической. Но такія измѣненія отъ времени до времени наступаютъ; они являются то единичными, внезапными и могучими, то многочисленными, хотя незамѣтными, но, въ конечномъ счетѣ, также создающими новое положеніе, какъ, напр., измѣненіе морскихъ теченій, уровня почвы, быть можетъ, также положенія планетъ въ міровомъ пространствѣ; всѣ эти измѣненія отзываются на климатѣ, превращаютъ густые лѣса въ высохшія песчаныя пустыни, тропическіе ландшафты—въ глетчеры и наоборотъ; они влекутъ за собою необходимость новыхъ приспособленій къ новымъ условіямъ, они порождаютъ переселенія, благодаря чему организмы также переносятся въ иныя условія, гдѣ возникаетъ борьба за существованіе между старыми обитателями и новыми переселенцами; въ этой борьбѣ дурно приспособленные и неспособные къ приспособленію индивидуумы и типы истребляются, и создается новое дѣленіе труда, новыя функціи, новые органы или же измѣняются старые. Каждое раздѣленіе труда обусловливаетъ извѣстную односторонность. Высоко развитые органы, приспособленные къ особенному образу жизни, менѣе подходятъ къ измѣнившемуся, чѣмъ органы не столь развитые, которые, при прежнемъ образѣ жизни, играли меньшую роль, но зато обладаютъ большей всесторонностью, легче приспособляются. Такимъ образомъ, мы неоднократно находимъ, что болѣе высоко развитые животные и растительные организмы вымираютъ, а ниже стоящіе берутъ на себя дальнѣйшее развитіе новыхъ, еще болѣе высокихъ организмовъ. Вѣроятно, человѣкъ тоже происходитъ не отъ наиболѣе высоко развитыхъ обезьянъ, т.-е. человѣкообразныхъ обезьянъ, которыя находятся въ состояніи вымиранія, но отъ какого-либо ниже стоящаго вида четвероногихъ.

2. Самопроизвольное движеніе и познавательная способность.

Уже на очень ранней ступени развитія организмы раскололись на двѣ группы: группу, развившую въ себѣ органы движенія, и группу, которой таковыхъ недоставало: животныя и растенія. Ясно, что самопроизвольное движеніе было могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Оно давало возможность отправляться на

поиски за пищей, избѣгать опасности, переносить потомство въ безопасныя мѣста, снабженныя обильной пищей.

Произвольное движеніе, однако, необходимымъ образомъ предполагаетъ познавательную способность и наоборотъ. Одинъ изъ этихъ факторовъ безъ другого совершенно безполезенъ. Только въ своей связи они становятся орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Способность къ самопроизвольному движенію совершенно безполезна, если она не идетъ объ руку со способностью познавать міръ, въ которомъ я двигаюсь. Какая была бы оленю польза отъ его ногъ, если бы онъ не обладалъ способностью познавать своихъ враговъ и познавать мѣста, снабженныя пригодной пищей? Съ другой стороны, для растенія познавательная способность была бы безполезна. Если бы травяной стебелекъ даже могъ видѣть, слышать, нюхать, то это все-таки не могло бы заставить его удержаться отъ процесса питанія.

Итакъ, самопроизвольное движеніе и духъ необходимо обусловливаютъ другъ друга; одно безъ другого безполезно. Откуда бы ни проистекали эти способности, онѣ постоянно выступаютъ вмѣстѣ и взаимно развиваются. Не существуетъ самопроизвольнаго движенія безъ познанія, нѣтъ познанія безъ такого движенія. И взаимно они служатъ одной и той же цѣли—сохраненію и облегченію существованія индивидуума.

Какъ средство къ сохраненію существованія, сами эти способности и органы ихъ развиваются и совершенствуются путемъ борьбы за существованіе, *но именно только какъ средство къ этому.* Даже самая высокоразвитая познавательная способность приспособлена къ тому, чтобы служить орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Этимъ и объясняются односторонность и своеобразіе нашей познавательной способности.

Познавать вещи въ себѣ—это, быть можетъ, для иныхъ философовъ чрезвычайно важная задача, но для нашего существованія совершенно безразлично, что именно должно понимать подъ вещью въ себѣ. Зато, напротивъ, для каждаго существа, одареннаго способностью къ движенію, чрезвычайно важно умѣть правильно *различать* вещи, вѣрно познавать ихъ взаимныя *отношенія.* Чѣмъ рѣзче выражена въ этомъ отношеніи его познавательная способность, тѣмъ лучшія услуги она ему окажетъ. Для существованія пѣвчихъ птицъ совершенно не важно знать, что представляютъ въ себѣ тѣ предметы, которые являются для нихъ въ формѣ ягодъ, ястребовъ,

грозовыхъ тучъ. Но крайне необходимо для ихъ существованія умѣть точно различать ягоды, ястребовъ и тучи отъ другихъ предметовъ окружающей ихъ обстановки, ибо только это даетъ имъ возможность отыскивать свою пищу, уйти отъ врага, своевременно устремиться подъ защиту листвы. Такимъ образомъ, познавательная способность животныхъ необходимо является способностью различать предметы въ пространствѣ.

Но не менѣе нобходимо познавать слѣдованіе предметовъ другъ за другомъ во времени и именно ихъ неотвратимое слѣдованіе, какъ причины и слѣдствія. Вѣдь движеніе, какъ причина, только тогда въ состояніи оказать всеобщее дѣйствіе на сохраненіе существованія, когда оно имѣетъ въ виду особенныя, болѣе близкія или отдаленныя слѣдствія, которыя тѣмъ легче достижимы, чѣмъ лучше индивидуумъ познаетъ сцѣпленіе этихъ слѣдствій съ ихъ причинами. Возвращаясь къ примѣру съ птицей, мы должны замѣтить, что птицѣ этой недостаточно умѣть распознавать ягоды, ястребовъ и тучи отъ другихъ предметовъ; она должна также знать, что клеваніе ягодъ влечетъ за собою насыщеніе, появленіе ястреба приводитъ къ тому, что первая попавшаяся птица служитъ ему пищей, что послѣдствіемъ покрывающихъ небо грозовыхъ тучъ являются буря, дождь, градъ.

Даже стоящія на самой низкой ступени животныя, какъ только у нихъ появляется въ зародышѣ способность различенія и произвольныя движенія, сейчасъ же пріобрѣтаютъ какъ бы предчувствіе существованія причинности. Начинающееся сотрясеніе почвы служитъ для земляного червя предзнаменованіемъ, что грозитъ опасность, и поводомъ къ бѣгству. Если, такимъ образомъ, познавательная способность должна оказывать животному пользу при его движеніяхъ, то она должна быть такого рода, чтобы при ея помощи животное могло различать въ пространствѣ и времени и могло бы устанавливать причинную связь.

Но отъ этой способности требуется еще больше. Всѣ части организма служатъ *одному* индивидууму, *одной* цѣли—сохраненію индивидуума. Раздѣленіе труда никогда не должно такъ далеко заходить, чтобы отдѣльныя части стали совершенно самостоятельными, это повело бы къ распаденію индивида. Раздѣленіе это будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ тѣснѣе связь между частями, чѣмъ больше единства въ командѣ. Изъ этого слѣдуетъ необходимость единства сознанія. Если бы каждая часть организма обладала своей собственной

познавательной способностью, или если бы каждое изъ чувствъ, при посредствѣ котораго мы познаемъ внѣшній міръ, обладало своимъ собственнымъ сознаніемъ, то каждый разъ было бы затруднено какъ познаніе этого міра, такъ и взаимодѣйствіе отдѣльныхъ частей организма; тогда преимущества раздѣленія труда были бы уничтожены или послужили бы во вредъ, а взаимная поддержка между чувствами или органами движенія исчезла бы, и вмѣсто этого наступило бы взаимное истребленіе.

Наконецъ, познавательная способность должна быть также приспособлена къ тому, чтобы накоплять опытъ и умѣть сравнивать. Вернемся лишній разъ къ нашей пѣвчей птицѣ; для нея существуютъ два пути, по которымъ она можетъ распознать, какая пища наилучшая для нея и гдѣ ее скорѣе всего можно найти, какіе враги для нея опасны и какъ отъ нихъ уйти: во-первыхъ, собственный опытъ, а затѣмъ—наблюденіе за практикой болѣе старыхъ птицъ, имѣющихъ за собою опытъ. Никто, разумѣется, не рождается мастеромъ. Каждый индивидуумъ тѣмъ легче можетъ удержаться въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ больше у него накопилось опыта и чѣмъ лучше онъ приспособленъ; все это дѣлается при помощи дара *памяти* и способности сравнивать болѣе раннія впечатлѣнія съ болѣе поздними и выводить изъ нихъ общее, имъ обоимъ присущее, различать между существеннымъ и несущественнымъ, т.-е. *мыслить*. Если *наблюденіе* при помощи чувствъ научаетъ насъ дѣлать *различія*, распознавать особенности, то *мышленіе* отмѣчаетъ обычное, общее въ вещахъ.

«Общее», говоритъ Дицгенъ, «это—содержаніе понятій, всякаго познанія, науки, всякаго процесса мышленія. Вотъ почему анализъ способности мышленія опредѣляетъ послѣднюю, какъ даръ выводить изъ частнаго общее».

Всѣ эти свойства познавательной способности мы уже встрѣчаемъ развитыми въ животномъ мірѣ, хотя и не въ такой высокой степени, какъ у человѣка, и въ формахъ, трудно для насъ познаваемыхъ; вѣдь не всегда легко отличить сознательныя дѣйствія, проистекающія изъ познанія, отъ непроизвольныхъ и безсознательныхъ, отъ простыхъ рефлекторныхъ и инстинктивныхъ движеній, играющихъ и у человѣка еще довольно большую роль.

Но если всѣ эти свойства познавательной способности являются необходимыми придатками самопроизвольнаго движенія еще въ животномъ мірѣ, то, съ другой стороны, въ этихъ свойствахъ кроются и

границы, которыя не можетъ перешагнуть даже самый всеобъемлющій и глубокій разсудокъ наиболѣе высокоразвитыхъ культурныхъ людей.

Силы и способности, пріобрѣтенныя нами, какъ орудія борьбы за существованіе, могутъ, разумѣется, служить также и другимъ цѣлямъ, когда организмъ высоко развилъ самоопроизвольное движеніе и способность познанія, равно какъ свои инстинкты, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Индивидуумъ можетъ употреблять мускулы которые развиты у него для схватыванія добычи, также и для отраженія врага, для игры и танцевъ. Но свой особенный характеръ эти силы и способности получаютъ путемъ борьбы за существованіе, которая содѣйствовала ихъ развитію. Игра и танцы не создаютъ особенныхъ мускуловъ.

То же самое примѣнимо къ духовнымъ силамъ и способностямъ. Развиваясь, какъ необходимое дополненіе самопроизвольнаго движенія въ борьбѣ за существованіе для того, чтобы помочь организму въ выработкѣ возможно болѣе цѣлесообразныхъ движеній въ окружающемъ мірѣ, необходимыхъ для самосохраненія индивида, силы эти могутъ послужить и для осуществленія другихъ цѣлей. Сюда относится чистое познаніе, не преслѣдующее никакой практической цѣли, равнодушное къ тѣмъ практическимъ послѣдствіямъ, которыя могутъ отсюда проистечь. Но цѣлью развитія нашей духовной способности, благодаря борьбѣ за существованіе, было не созданіе органа чистаго познанія, но такого, который путемъ познанія содѣйствовалъ бы цѣлесообразности нашихъ движеній.

Насколько эта способность въ совершенствѣ функціонируетъ въ первомъ отношеніи, настолько она несовершенна во второмъ. Связанная съ самаго начала тѣснѣйшимъ образомъ съ движеніемъ, она совершенствуется только въ связи съ нимъ и въ этой связи только и можетъ достигнуть своего совершенства. Усовершенствованіе человѣческой познавательной способности и человѣческаго познанія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ усовершенствованіемъ человѣческой практики, какъ мы еще увидимъ.

Но именно благодаря практикѣ мы можемъ поручиться за надежность нашего познанія. Разъ мое познаніе содѣйствуетъ тому, что я могу увѣренно вызвать опредѣленныя явленія, воспроизведеніе которыхъ въ моей власти, то отношеніе причины и слѣдствія перестаетъ для меня быть простой случайностью, одной только видимостью, чистой формой познанія, какъ ихъ аттестуетъ чистое созер-

цаніе и мышленіе. Познаніе этого отношенія становится, благодаря практикѣ, познаніемъ чего-то реальнаго, *достовѣрнымъ* познаніемъ.

Границы практики, конечно, указываютъ также на границы нашего достовѣрнаго познанія.

Что теорія и практика всецѣло сводятся другъ къ другу и только путемъ взаимнаго проникновенія приводятъ къ наивысшему результату, вообще достижимому, это необходимо вытекаетъ изъ того обстоятельства, что движеніе и познавательная способность съ самаго начала должны были итти вмѣстѣ. Въ періодъ развитія человѣческаго общества раздѣленіе труда привело къ тому, что разорвало естественную связь обоихъ факторовъ, создало классы, изъ которыхъ на долю однихъ выпало преимущественно движеніе, а на долю другихъ—преимущественно познаніе. Мы уже указывали на то, какъ отраженіе этого факта сказалось въ философіи въ видѣ дѣленія на два міра: духовный—высшій и тѣлесный—низшій. Но всецѣло эти двѣ функціи не раздѣлились, разумѣется, ни у одного индивида, и нынѣшнее пролетарское движеніе энергично содѣйствуетъ тому, чтобы положить конецъ такому дѣленію на классы, а слѣдовательно—и дуалистической философіи, философіи чистаго познанія. Даже самое глубокое, абстрактное познаніе, которое, повидимому, наиболѣе далеко отъ практики, оказываетъ вліяніе на послѣднюю, подвергаясь, въ свою очередь, ея вліянію, и задача критики человѣческаго познанія состоитъ именно въ томъ, чтобы довести до нашего сознанія это вліяніе. Какъ бы то ни было, въ конечномъ счетѣ, наше познаніе постоянно остается орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, средствомъ придать нашимъ движеніямъ наиболѣе цѣлесообразныя формы и направленія, будь то движеніе въ природѣ или обществѣ.

«Философы только на разные лады *истолковывали* міръ», говоритъ Марксъ, «теперь пришло время его *измѣнить*».

3. Инстинкты самосохраненія и размноженія.

Объ способности—произвольнаго движенія и познавательная—неразрывно, такимъ образомъ, связаны между собою, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе. Одна развилась рядомъ съ другой, и по мѣрѣ того, какъ эти орудія начинали играть все бо́льшую роль въ организмѣ, значеніе другихъ, болѣе первоначальныхъ, теперь менѣе нужныхъ, умалялось; такъ было, напр., съ плодовитостью и жизнен-

ной стойкостью организма. Съ другой стороны, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ эти факторы теряли свое значеніе, первые факторы начинали играть все бо́льшую роль въ борьбѣ за существованіе.

Но произвольное движеніе и познаніе никоимъ образомъ не образуютъ еще сами по себѣ достаточнаго орудія въ борьбѣ за существованіе. Какая для меня польза въ этой борьбѣ отъ имѣющихся у меня сильнѣйшихъ мускуловъ, отъ необычайно гибкихъ суставовъ, отъ самыхъ острыхъ чувствъ, отъ величайшаго разсудка, если я не чувствую въ себѣ сильнаго желанія пользоваться ими для своего самосохраненія, если видъ пищи, сознаніе опасности для меня безразличны и не наталкиваютъ меня на какое-либо движеніе? Произвольное движеніе и познавательная способность только тогда становятся орудіями въ борьбѣ за существованіе, если рядомъ съ ними выступаетъ стремленіе къ самосохраненію организма; стремленіе это содѣйствуетъ тому, что всякое, важное для существованія организма познаніе тотчасъ же вызываетъ желаніе воспроизвести необходимое для организма движеніе, послѣ чего движеніе это и воспроизводится.

Движеніе и познавательная способность не имѣютъ значенія для существованія индивидуума, при отсутствіи инстинкта самосохраненія; равнымъ образомъ, инстинктъ этотъ опять-таки не достигаетъ цѣли при отсутствіи этихъ двухъ факторовъ. Всѣ три фактора тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, взаимно обусловливаются и вмѣстѣ растутъ. Инстинктъ самосохраненія есть одинъ изъ самыхъ первичныхъ животныхъ инстинктовъ и одинъ изъ необходимѣйшихъ. Безъ наличности этого инстинкта не могъ бы сохраниться ни одинъ видъ животныхъ, въ какой-либо степени одаренныхъ самопроизвольнымъ движеніемъ и познавательной способностью. Инстинктъ самосохраненія господствуетъ надъ всей жизнью животнаго. То самое общественное развитіе, которое культъ познавательной способности относитъ на счетъ однихъ классовъ, а практическое движеніе на счетъ другихъ, и которое въ первыхъ порождаетъ воспареніе чистаго «духа» надъ грубой «матеріей»,—заходитъ иногда такъ далеко въ изоллированіи познавательной способности, что послѣдняя отъ презрѣнія къ жалкой практикѣ, служащей на пользу самосохраненія жизни, приходитъ къ презрѣнію самой жизни. Но такому «познанію» еще нигдѣ не удавалось преодолѣть инстинктъ самосохраненія и задержать служащую жизненному самосохраненію практику. Пусть иное самоубійство будетъ философски обосновано, но, въ концѣ концовъ,

при каждомъ осуществляемомъ на практикѣ актѣ наталкиваешься на болѣзнь или затруднительныя общественныя отношенія, какъ на причину самоубійства, но не на философское ученіе. Однимъ только философствованіемъ не преодолѣешь инстинкта самосохраненія.

Но если этотъ инстинктъ есть одинъ изъ первоначальныхъ и наиболѣе распространенныхъ, возникшихъ въ насъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, то онъ все же не единственный. Онъ служитъ только самосохраненію *индивидуума*. Какъ бы долго послѣдній ни существовалъ, въ концѣ концовъ, онъ исчезаетъ, не оставляя слѣдовъ своей индивидуальности, если онъ не размножается. Только тѣ виды организмовъ сохраняются въ борьбѣ за существованіе, которые оставляютъ потомство.

У растеній и низшихъ животныхъ размноженіе есть такой актъ, который не требуетъ ни произвольнаго движенія, ни познавательной способности. Дѣло, однако, мѣняется у животныхъ, разъ только размноженіе становится половымъ, въ которомъ принимаютъ участіе два существа, соединяющіяся, чтобы либо вывести яйца и сѣмена изъ организма въ одно и то же мѣсто, либо ввести сѣмя въ тѣло индивидуума, носящаго яйца. Это вызываетъ желаніе, стремленіе встрѣтиться, соединиться. Безъ этого стремленія не можетъ совершиться половое размноженіе; чѣмъ сильнѣе оно ощущается въ періоды, благопріятные для размноженія, тѣмъ раньше оно совершается, тѣмъ благопріятнѣе будутъ перспективы для достиженія потомства, для сохраненія вида. Эти перспективы, напротивъ, плохо обстоятъ для тѣхъ индивидовъ и родовъ, у которыхъ инстинктъ размноженія слабо развитъ. Исходя изъ данной степени развитія, естественный подборъ долженъ поэтому путемъ борьбы за существованіе развить въ животномъ мірѣ ярко выраженный инстинктъ размноженія и все болѣе его укрѣплять.

Но этого инстинкта не всегда достаточно для достиженія многочисленнаго потомства. Мы уже видѣли, что, по мѣрѣ того, какъ растетъ способность движенія и познанія, число зародышей, производимыхъ индивидуумомъ, равно какъ ихъ жизненная стойкость обнаруживаютъ тенденцію уменьшаться. Съ другой стороны, чѣмъ больше раздѣленіе труда, чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ большій промежутокъ времени требуется для его развитія и созрѣванія. Если даже часть этого времени организмъ остается въ материнской утробѣ, то это все же имѣетъ свои границы. Уже по чисто про-

странственнымъ соображеніямъ материнское тѣло не въ состояніи нести въ себѣ организмъ, по величинѣ равный взрослому. Оно выталкиваетъ изъ себя дѣтеныша гораздо раньше, чѣмъ онъ достигъ этой стадіи. Но въ юномъ животномъ позднѣе всего развивается способность произвольнаго движенія и познанія; и животное это, по большей части, находится еще въ низкой стадіи развитія, когда покидаетъ защищающую его оболочку яйца или материнской утробы. Само же яйцо, вытолкнутое матерью, совершенно лишено способности двигаться и познавать. Поэтому забота о потомствѣ дѣлается одной изъ важныхъ материнскихъ функцій: сохраненіе въ укромномъ мѣстѣ и защита яицъ и дѣтенышей, кормленіе послѣднихъ и т. д. Подобно инстинкту размноженія, въ животномъ мірѣ развивается также любовь къ потомству, а именно материнская любовь, какъ необходимое съ извѣстнаго времени средство для обезпеченія дальнѣйшаго существованія вида. Съ инстинктомъ индивидуальнаго самосохраненія перечисленные нами инстинкты не имѣютъ ничего общаго; часто они, напротивъ того, приходятъ съ нимъ въ столкновеніе и могутъ достичь такой силы, что преодолѣваютъ самосохраненіе. Ясно, конечно, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣ индивидуумы и роды имѣютъ больше всего шансовъ дальше размножаться и передавать въ наслѣдство свои качества и инстинкты, въ которыхъ инстинктъ самосохраненія не идетъ во вредъ размноженію и защитѣ потомства.

4. Соціальные инстинкты.

Наряду съ вышеуказанными инстинктами, свойственными высшимъ животнымъ, борьба за существованіе развила въ отдѣльныхъ животныхъ видахъ еще другіе, особенные, обусловленные своеобразіемъ ихъ образа жизни—напримѣръ, инстинктъ странствованія; всѣхъ этихъ инстинктовъ мы не станемъ разсматривать. Здѣсь насъ только интересуетъ еще одинъ видъ инстинктовъ, имѣющихъ наибольшее значеніе для нашего предмета: *соціальный инстинктъ*.

Совмѣстная жизнь одинаковыхъ организмовъ большими массами есть явленіе, которое мы открываемъ уже въ ничтожныхъ зачаткахъ жизни — микробахъ. Явленіе это объясняется уже самымъ фактомъ размноженія. Если организмы лишены произвольнаго движенія, то естественно, что потомство соберется вокругъ производи-

телей, если только движенія внѣшняго міра, водныя теченія, вѣтры и тому подобное не унесутъ зародышей въ даль. Яблоко, какъ извѣстно, не далеко падаетъ отъ ствола, и если оно не будетъ съѣдено и упадетъ на плодородную почву, то изъ его зернышекъ вырастутъ молодыя деревца, которыя доставятъ общество старому дереву. Но и у животныхъ, надѣленныхъ способностью къ движенію, бываетъ, что молодые остаются у старыхъ, если внѣшнія обстоятельства не вынуждаютъ ихъ удалиться. Совмѣстная жизнь индивидуумовъ одинаковаго вида, самая первобытная форма общественной жизни, есть также самая первобытная форма жизни вообще. Дѣленіе организмовъ, имѣющихъ одинаковое происхожденіе, есть позднѣйшій актъ. Это дѣленіе можетъ быть вызвано самыми различными причинами. Наиближайшей и обыкновенно наиболѣе дѣйствительной является недостатокъ пищи. Всякая мѣстность можетъ доставить опредѣленное количество пищи. Въ случаѣ, если бы какой-нибудь опредѣленный животный видъ въ данной мѣстности размножился болѣе, чѣмъ можетъ прокормить данная мѣстность, то избытокъ размножившагося вида долженъ либо погибнуть съ голоду, либо переселиться. Количество совмѣстно живущихъ въ данной мѣстности организмовъ одного и того же вида не можетъ превышать опредѣленнаго числа.

Но имѣются животные виды, для которыхъ изоляція раздѣленій индивидовъ или паръ, живущихъ только для себя, представляетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напримѣръ, обстоитъ дѣло для кошачьихъ породъ, которыя выжидаютъ добычу, схватываютъ ее неожиданнымъ прыжкомъ. Этотъ способъ добыванія пищи былъ бы для нихъ затрудненъ, даже невозможенъ, если бы онѣ жили большими стаями. Первый прыжокъ за добычей разогналъ бы дичь, и всѣ другіе ея лишились бы. Для волковъ, которые не нападаютъ неожиданно на добычу, но загоняютъ ее до смерти, напротивъ, можетъ получиться выгода отъ скопленія стаями: одинъ загоняетъ добычу по направленію къ другому, который преграждаетъ ей путь. Кошка же наиболѣе успѣшно охотится одна.

Съ другой стороны, опять-таки бываютъ животныя, ищущія уединенія, ибо такимъ путемъ они меньше всего бросаются въ глаза, легче могутъ укрыться, скорѣе убѣжать отъ враговъ. Преслѣдованія человѣка, напримѣръ, привели къ тому, что иныя животныя, которыя раньше жили обществами, встрѣчаются еще только

уединенными, какъ, напримѣръ, бобръ въ Европѣ. Это—единственный путь для него, чтобы остаться незамѣченнымъ.

Но есть, напротивъ, многочисленныя животныя, которыя извлекаютъ однѣ выгоды изъ своего общественнаго положенія. Рѣдко такія животныя принадлежатъ къ породѣ хищныхъ. Мы упомянули выше о волкахъ... Но и они охотятся стаями только тогда, когда пищи мало, зимой. Лѣтомъ, когда пищу легче достать, они живутъ парами. Хищное животное, по своей природѣ, склонно къ борьбѣ и насилію, а потому оно обнаруживаетъ неуживчивость съ другими, себѣ подобными.

Болѣе миролюбивымъ характеромъ, благодаря способу добыванія пищи, обладаютъ травоядныя животныя. Уже это миролюбіе облегчаетъ для нихъ совмѣстную жизнь, а еще болѣе возможность для ихъ потомства оставаться вмѣстѣ. Но также побуждаетъ собираться вмѣстѣ и то, что они болѣе безоружны, а большимъ числомъ своимъ пріобрѣтаютъ новое орудіе въ борьбѣ за существованіе. Соединеніе многихъ болѣе слабыхъ силъ для общаго дѣла можетъ создать новую, большую силу. Тогда и выдающіяся силы отдѣльныхъ могутъ всѣмъ принести пользу. Если сильнѣйшіе борются теперь за себя, они борются вмѣстѣ съ тѣмъ за слабѣйшихъ; если опытнѣйшіе заботятся о своей безопасности, ищутъ для себя пастбищъ, то они это дѣлаютъ также для менѣе опытныхъ. Теперь становится также возможнымъ ввести среди объединенныхъ индивидуумовъ раздѣленіе труда, которое, какъ бы мимолетно оно ни было, все-таки повышаетъ ихъ силы и безопасность. Невозможно наблюдать за мѣстностью съ полнѣйшимъ вниманіемъ и въ то же время насыщаться съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ. Во время сна какое бы то ни было наблюденіе становится, разумѣется, невозможнымъ. Но живя въ союзѣ, достаточно одного сторожа, чтобы остальнымъ доставить безопасность при ѣдѣ или снѣ.

Благодаря раздѣленію труда, союзъ индивидовъ превращается въ тѣло съ различными органами, приспособленными для цѣлесообразнаго взаимодѣйствія, а цѣлью является сохраненіе общественнаго тѣла—тѣло это дѣлается *организмомъ*. Этимъ, однако, не сказано, что новый организмъ—общество — является тѣломъ въ томъ же смыслѣ, что животное или растеніе; оно есть организмъ особаго рода, гораздо болѣе отличающійся отъ животнаго или растенія, чѣмъ они между собою. Животный и растительный организмы состоятъ изъ

клѣтокъ, лишенныхъ произвольнаго движенія и самосознанія; общество, напротивъ, изъ индивидовъ, способныхъ двигаться и сознавать. Но если животный организмъ, какъ цѣлое, надѣленъ движеніемъ и сознаніемъ, то таковыхъ недостаетъ обществу, чѣмъ оно уподобляется растенію. Однако, индивиды, образующіе общество, надѣляютъ отдѣльныхъ своихъ членовъ такими функціями, при посредствѣ которыхъ они подчиняютъ общественныя силы единой волѣ и вызываютъ единодушныя движенія общества.

Съ другой стороны, индивидуумы и общество находятся въ гораздо болѣе слабой связи, чѣмъ клѣтки организма растительнаго и животнаго. Индивидуумъ можетъ порвать связь съ однимъ обществомъ и примкнуть къ другому, какъ доказываетъ переселеніе. Это невозможно для клѣтки: для послѣдней разрывъ связи съ цѣлымъ обозначаетъ отмираніе, исключая только отдѣльныхъ клѣтокъ особаго рода, какъ сѣмена и яйца при процессахъ оплодотворенія. Съ другой стороны, общество также можетъ непосредственно включить въ свой составъ новыхъ индивидовъ, безъ какого бы то ни было обмѣна веществъ, безъ какого-либо измѣненія формы, что для животнаго организма совершенно невозможно. Наконецъ, индивидуумы, образующіе общество, могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ измѣнить органы и организацію общества, между тѣмъ какъ что-либо подобное недопустимо для животнаго или растительнаго организма.

Если, такимъ образомъ, общество есть организмъ, то, во всякомъ случаѣ, не животный, и желаніе объяснить нѣкоторыя своеобразныя явленія общества, а именно политическія, законами, которыми управляется животный міръ, не менѣе нелѣпо, чѣмъ мысль выводить особенности животнаго организма, какъ произвольное движеніе и сознаніе, изъ законовъ растительнаго бытія. Разумѣется, изъ этого еще не слѣдуетъ, что нѣтъ ничего общаго между различными видами организмовъ.

Подобно животному, и общественный организмъ тѣмъ лучше устоитъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ единодушнѣе его движенія, чѣмъ прочнѣе связь, чѣмъ больше гармонія между его частями. Но общество не имѣетъ крѣпкаго скелета, который служилъ бы опорой мягкимъ частямъ, не имѣетъ кожи, охватывающей цѣлое, не имѣетъ кровеносной системы, питающей всѣ части, не имѣетъ сердца, регулирующаго эту кровеносную систему, не имѣетъ мозга, который бы дѣлалъ единымъ познаніе, волю, движенія общественнаго организма;

какъ единство и гармонія, такъ и связь въ обществѣ могутъ проистечь только изъ поступковъ и воли его членовъ. Эта единая воля будетъ, однако, тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ сильнѣе инстинктъ, ее вызвавшій.

У животныхъ породъ, у которыхъ общественная связь становится настоящимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, подъ вліяніемъ этой связи порождаются общественные, соціальные инстинкты, пріобрѣтающіе у нѣкоторыхъ видовъ и у нѣкоторыхъ индивидуумовъ поразительную силу, благодаря чему они могутъ побороть въ себѣ инстинкты самосохраненія и размноженія, если соціальные инстинкты приходятъ съ послѣдними въ столкновеніе. Зародышъ соціальныхъ инстинктовъ мы можемъ уже видѣть въ томъ интересѣ, какой вызываетъ въ индивидуумѣ одинъ только фактъ общественнаго сожительства, по отношенію къ товарищамъ, къ обществу которыхъ индивидуумъ съ малолѣтства привыкъ. Съ другой стороны, размноженіе и забота о потомствѣ должны уже привести къ болѣе или менѣе продолжительнымъ сношеніямъ между различными индивидуумами одного и того же вида. А такъ какъ эти сношенія послужили исходными пунктами образованія обществъ, то соотвѣтствующіе имъ инстинкты дали толчокъ къ развитію соціальныхъ инстинктовъ.

Всѣ перечисленные нами инстинкты различаются у разныхъ видовъ, смотря по ихъ жизненнымъ условіямъ, но извѣстный рядъ инстинктовъ образуетъ предварительное условіе для процвѣтанія всякаго рода обществъ. Прежде всего, такую роль играетъ *самоотреченіе*, преданность общему; затѣмъ—*храбрость* въ защитѣ общихъ интересовъ; *вѣрность* въ отношеніи общины, подчиненіе волѣ цѣлаго, слѣдовательно—повиновеніе или *дисциплина; правдивость* въ отношеніи общества, безопасность котораго была бы поставлена на карту или силы котораго были бы даромъ потрачены путемъ введенія его въ заблужденіе или же подачи фальшивыхъ сигналовъ; наконецъ, такую же роль играетъ честолюбіе, чувствительность къ похвалѣ или порицанію общины. Все это суть соціальные инстинкты, которые уже наблюдаются въ животныхъ обществахъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ извѣстной ступени развитія.

Всѣ эти соціальные инстинкты являются, однако, не чѣмъ инымъ, какъ самыми возвышенными добродѣтелями; ихъ сущность есть нравственный законъ. Между ними не имѣется развѣ только любви къ

справедливости, т.-е. стремленія къ равенству. Для развитія этихъ склонностей въ животномъ обществѣ нѣтъ, конечно, подходящихъ условій, ибо обществу этому извѣстны только естественныя, индивидуальныя неравенства, но оно совершенно незнакомо съ соціальнымъ неравенствомъ, вызваннымъ общественными отношеніями. Возвышенный нравственный законъ, гласящій, что товарищъ никогда не долженъ служить только простымъ средствомъ для достиженія цѣли, который наши кантиніанцы считаютъ однимъ изъ величайшихъ продуктовъ кантовскаго генія, смотря на него, какъ на «нравственную программу новаго времени и всякаго будущаго міровой исторіи»,—въ животныхъ обществахъ—вещь сама собой разумѣющаяся. Только съ развитіемъ человѣческаго общества создалось такое состояніе, когда ближній сталъ простымъ орудіемъ другихъ. То, что Канту казалось чѣмъ-то пришедшимъ изъ міра духовныхъ существъ, беретъ свое начало въ животномъ мірѣ. Какъ тѣсно соціальные инстинкты срослись съ борьбой за существованіе и что они сначала служили исключительно только самосохраненію вида, явствуетъ уже изъ того, что ихъ дѣйствіе простирается часто только на такихъ индивидуумовъ, сохраненіе которыхъ выгодно для вида. Цѣлый рядъ животныхъ, ставящихъ на карту свою жизнь ради спасенія болѣе молодыхъ и слабыхъ товарищей, не задумываясь убиваютъ больныхъ и старыхъ товарищей, которые стали не нужны для сохраненія вида, а обществу—въ тягость. «Моральное чувство», «симпатія» не простираются на эти элементы. Подобнымъ образомъ поступаютъ многіе дикари.

Животнымъ инстинктомъ, и не чѣмъ инымъ, является нравственный законъ. Этимъ объясняется его таинственная природа, этотъ голосъ внутри насъ, не связанный ни съ какимъ внѣшнимъ толчкомъ, ни съ какимъ видимымъ интересомъ; инстинктъ этотъ и есть тотъ демонъ или Богъ, котораго, начиная съ Сократа и Платона вплоть до Канта, ощущали въ себѣ всѣ г.г. этики, не соглашавшіеся выводить этику изъ себялюбія или удовольствія. Несомнѣнно, что это есть таинственное стремленіе, но оно не болѣе таинственно, чѣмъ половая любовь, материнская любовь, инстинктъ самосохраненія, сущность организма вообще и столь много другихъ вещей, которыя относятся только къ міру «явленій» и на которыя никто не станетъ смотрѣть, какъ на продукты сверхъестественнаго міра.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что нравственный законъ есть животный инстинктъ, однородный съ инстинктами самосохраненія и раз-

множенія, и объясняется его сила, его давленіе, которому мы безъ размышленія подчиняемся; вотъ почему мы въ отдѣльныхъ случаяхъ такъ быстро рѣшаемъ вопросъ о томъ, хорошъ или дуренъ данный поступокъ, относится ли онъ къ категоріи добродѣтельныхъ или же порочныхъ, вотъ почему мы такъ быстро и съ такой энергіей произносимъ нашъ нравственный приговоръ; въ силу всего этого намъ такъ трудно найти основу, когда разумъ начинаетъ расчленять поступки и искать для нихъ мотивовъ. Тогда и приходятъ къ тому выводу, что все понять — значитъ все простить, что все необходимо, что нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурного.

Не изъ нашей познавательной способности, но изъ области нашихъ инстинктовъ исходитъ нравственный законъ, также и нравственное сужденіе, равно какъ и чувство *долга* и *совѣсти*.

У нѣкоторыхъ животныхъ видовъ соціальные инстинкты достигаютъ такой силы, что преодолѣваютъ всѣ прочіе. Если какіе-либо другіе инстинкты приходятъ въ столкновеніе съ соціальными, то они выступаютъ могущественно, какъ велѣнія *долга*. Это не мѣшаетъ тому, чтобы въ такихъ случаяхъ *попутно* особенный инстинктъ, можетъ быть и инстинктъ самосохраненія или размноженія, проявился въ болѣе могущественной формѣ, чѣмъ соціальный, и взялъ бы надъ нимъ верхъ. Но какъ только опасность миновала, то инстинктъ самосохраненія тотчасъ же суживается, равнымъ образомъ — инстинктъ размноженія послѣ совершеннаго совокупленія. Но соціальный инстинктъ сохраняетъ прежнюю силу, снова одерживаетъ верхъ въ индивидуумѣ и дѣйствуетъ на него, какъ голосъ *совѣсти* и *раскаянія*. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, который видитъ въ совѣсти голосъ боязни передъ товарищами, передъ ихъ мнѣніемъ или даже ихъ физическимъ давленіемъ. Голосъ совѣсти заговариваетъ также послѣ такихъ поступковъ, о которыхъ никто ничего не узналъ, даже послѣ совершенія поступковъ, казавшихся окружающимъ весьма заслуживающими похвалы; болѣе того, совѣсть наша можетъ выразиться въ формѣ отвращенія къ поступкамъ, которые мы совершили изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Общественное мнѣніе, хвала и порицаніе, несомнѣнно, очень вліятельные факторы, но ихъ дѣйствіе предполагаетъ уже опредѣленный соціальный инстинктъ — честолюбіе; сами по себѣ вышеупомянутые факторы не могутъ возрастить соціальные инстинкты.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что совѣсть присуща только человѣку.

И у человѣка она едва ли была бы открыта, если бы каждый не ощущалъ въ себѣ ея дѣйствія. Вѣдь совѣсть—это такая сила, которая не выступаетъ наружу ясно и очевидно, но дѣйствуетъ въ затаенной глубинѣ нашего существа. Но, несмотря на это, нѣкоторые изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что открыли и у животныхъ присутствіе чего-то въ родѣ совѣсти. Такъ, напр., Дарвинъ въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка говоритъ:

«Кромѣ любви и симпатіи, животныя обнаруживаютъ еще другія качества, стоящія въ связи съ соціальными инстинктами, которыя у человѣка были бы названы моральными; и я согласенъ съ Агассисомъ, что собакамъ присуще нѣчто очень сходное съ совѣстью. Собаки, несомнѣнно, обладаютъ нѣкоторой силой самообладанія, и послѣдняя, повидимому, не есть одно только послѣдствіе болзни. По замѣчанію Браубаха, собака удерживается отъ кражи пищи въ отсутствіе своего господина».

Если совѣсть и чувство долга являются послѣдствіями продолжительнаго перевѣса соціальныхъ инстинктовъ въ данномъ животномъ видѣ, въ силу чего они проявляются у особей дикихъ видовъ наиболѣе равномѣрно и постоянно, между тѣмъ какъ сила другихъ инстинктовъ подвергается сильнымъ колебаніямъ въ отдѣльные моменты и при отдѣльныхъ положеніяхъ,—то все же и сила соціальныхъ инстинктовъ никогда не бываетъ совершенно свободной отъ колебаній. Однимъ изъ своеобразнѣйшихъ явленій надо считать то, что соціальныя животныя, будучи соединены въ большія группы, ощущаютъ въ себѣ также болѣе сильный приливъ соціальныхъ инстинктовъ. Всѣмъ извѣстенъ тотъ, напр., фактъ, что на многолюдномъ собраніи создается совсѣмъ другое настроеніе, чѣмъ на малочисленномъ, что большая толпа сама по себѣ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ также и на ораторовъ. Въ толпѣ люди не только храбрѣе, что можно объяснить тѣмъ, что каждый тутъ возлагаетъ надежды на помощь товарища, но въ ней они также менѣе эгоистичны, болѣе самоотверженны, воодушевлены. При этомъ весьма часто послѣ, когда они почувствуютъ себя предоставленными себѣ самимъ, настраиваются болѣе трезво, трусливо, эгоистично. Все это примѣнимо не только къ людямъ, но также и къ соціальнымъ животнымъ. По этому поводу Эспинасъ цитируетъ въ своей книгѣ

объ «Обществахъ животныхъ» наблюденіе Фореля. Послѣдній нашелъ, что «храбрость каждаго муравья увеличивается у одного и того же вида въ прямомъ отношеніи съ числомъ его товарищей или друзей и, равнымъ образомъ, уменьшается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ изолированъ отъ своихъ товарищей. Каждый обитатель очень населеннаго муравейника гораздо храбрѣе, чѣмъ членъ во всемъ остальномъ совершенно подобнаго, но очень маленькаго муравейника. Та же самая работница, которая среди своихъ товарокъ двадцать разъ дастъ себя убить, проявитъ крайнюю степень боязливости, будетъ избѣгать малѣйшей опасности, будетъ избѣгать даже борьбы съ болѣе слабымъ муравьемъ, какъ только она удалится на двадцать шаговъ отъ своего строенія».

Болѣе сильныя соціальныя ощущенія не связываются непремѣнно съ болѣе высокой познавательной способностью. Въ общемъ, каждый инстинктъ скорѣе проявляетъ тенденцію нѣсколько затемнять точность познанія внѣшняго міра. Чего намъ хочется, въ то мы охотно вѣримъ; чего мы боимся, то мы тоже легко преувеличиваемъ. Инстинкты содѣйствуютъ тому, что многія вещи легко кажутся намъ несоотвѣтственно большими или близкими, а другія просматриваются нами. Извѣстно, что инстинктъ размноженія дѣлаетъ нѣкоторыхъ животныхъ временно совершенно слѣпыми и глухими. Соціальные инстинкты, хотя и не такъ рѣзко и интенсивно выступаютъ и, въ общемъ, меньше затемняютъ познавательную способность, но могутъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, тоже сильно вліять на нее. Достаточно вспомнить, напр., дѣйствіе вѣрности и дисциплины у овецъ, которыя сослѣпу устремляются за вожакомъ-барановъ, куда бы онъ ни повелъ.

Нравственный законъ, обрѣтающійся внутри насъ, можетъ, подобно всякому другому инстинкту, обмануть наше познаніе. Законъ этотъ самъ по себѣ не есть ни продуктъ, ни источникъ мудрости. То, что выдается за самое возвышенное и божественное въ насъ по своей сущности, однородно съ тѣмъ, на что принято смотрѣть, какъ на самое низменное и какъ на дьявольское наважденіе. Нравственный законъ имѣетъ ту же природу, что и инстинктъ размноженія. Ужасно смѣшно видѣть, какъ первый чрезмѣрно возвышаютъ, а второй съ презрѣніемъ и отвращеніемъ отвергаютъ. Но не меньшимъ заблужденіемъ было бы думать, что человѣкъ можетъ и долженъ неограниченно слѣдовать велѣніямъ всѣхъ своихъ инстинктовъ, что они всѣ будто бы равны.

Взглядъ этотъ вѣренъ лишь постолько, посколько ни объ одномъ инстинктѣ нельзя сказать, что онъ достоинъ осужденія. Но этимъ еще не сказано, что инстинкты эти не становятся очень часто поперекъ пути другъ другу. Попросту невозможно, чтобы человѣкъ слѣдовалъ безъ ограниченій всѣмъ своимъ инстинктамъ, ибо они сами взаимно сталкиваются. То, какой изъ нихъ беретъ верхъ въ данный моментъ, и къ какимъ послѣдствіямъ эта побѣда поведетъ для индивидуума и его общества,—зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ; здѣсь намъ не помогутъ ни этика удовольствія, ни нравственный законъ, стоящій внѣ пространства и времени.

Но разъ нравственный законъ признанъ соціальнымъ инстинктомъ, который былъ порожденъ въ насъ, наравнѣ съ другими инстинктами, борьбой за существованіе, то сверхчувственный міръ теряетъ главную опору въ человѣческомъ мышленіи. Наивные боги политеизма были свергнуты съ трона еще натурфилософіей. Если же, несмотря на это, могла возникнуть новая философія, которая не только снова пробудила сверхчувственный міръ и вѣру въ Бога, но обосновала ихъ еще прочнѣе, придавъ имъ болѣе возвышенную форму, какъ это сдѣлалъ въ древности Платонъ, наканунѣ французской революціи—Кантъ, то причиной тутъ была проблема нравственнаго закона; для объединенія этого закона недостаточно было сведенія его источника ни къ удовольствію, ни къ «нравственнымъ чувствамъ» — два единственныхъ «естественныхъ», причинныхъ объясненія, казавшихся возможными. Только съ появленіемъ дарвинизма было покончено съ дѣленіемъ человѣческой природы на двѣ части—естественную, животную и сверхъестественную, небесную.

Но этимъ еще не была разрѣшена вся этическая проблема: если даже нравственное стремленіе, долгъ и совѣсть, равно какъ и основные типы добродѣтели, можно было выводить изъ соціальныхъ инстинктовъ, то послѣдніе оказываются не при чемъ, когда дѣло идетъ объ объясненіи *нравственнаго идеала*. Нельзя найти ни слѣда такого идеала въ животномъ мірѣ. Только человѣкъ въ состояніи ставить себѣ идеалы и стремиться къ нимъ. Откуда же они берутъ свое начало? Предопредѣлены ли они для человѣческаго рода съ самаго начала временъ, какъ несокрушимые завѣты природы или вѣчнаго Разума, завѣты, не создаваемые человѣкомъ, но проявляющіеся предъ нимъ независимо, какъ господствующія надъ нимъ силы, указующія ему цѣли, къ которымъ ему слѣдуетъ стремиться. Таковъ

былъ въ основѣ взглядъ всѣхъ мыслителей восемнадцатаго столѣтія: атеистовъ, какъ и деистовъ, матеріалистовъ, какъ и идеалистовъ. Это воззрѣніе даже въ устахъ самыхъ смѣлыхъ матеріалистовъ проявляло тенденцію къ допущенію сверхъестественнаго Провидѣнія, которому теперь нечего было дѣлать въ природѣ, но которое все еще царило надъ человѣческимъ обществомъ. Эволюціонная идея, признававшая происхожденіе человѣка изъ животнаго міра, сдѣлала такого рода идеализмъ абсурднымъ въ устахъ матеріалистовъ.

Между тѣмъ, прежде чѣмъ Дарвинъ обосновалъ свою, начавшую собою эпоху теорію, возникло уже то ученіе, которое вскрыло также и тайну нравственнаго идеала. То было ученіе *Маркса* и *Энгельса*.

V. Этика марксизма.

1. Корни матеріалистическаго пониманія исторіи.

Быстрые успѣхи естествознанія со времени французской революціи находятся въ тѣсной связи съ подъемомъ, котораго достигъ съ тѣхъ поръ капитализмъ.

Капиталистическая, крупная индустрія все больше покоилась на примѣненіи естествознанія, а потому имѣла полное основаніе снабжать его людьми и средствами. Но новая техника не только доставляла естествознанію новые объекты для дѣятельности, но также новые орудія и методы. Международный обмѣнъ снабжалъ, наконецъ, естественныя науки богатѣйшимъ новымъ матеріаломъ. Такимъ-то образомъ естествознаніе пріобрѣтало силу и средства, давшія ему возможность побѣдоносно вывести на свѣтъ эволюціонную идею. Но еще больше, чѣмъ для естествознанія, французская революція явилась эпохой для общественныхъ наукъ, для такъ называемыхъ наукъ абстрактныхъ. Вѣдь въ естествознаніи эволюціонная идея уже раньше сильно занимала умы нѣкоторыхъ мыслителей. Въ абстрактныхъ же наукахъ, напротивъ, идея развитія встрѣчалась до революціи развѣ въ ничтожныхъ зачаткахъ. Только со времени революціи идея эта стала развиваться. Абстрактныя науки—философія, право, исторія, политическая экономія—служили до революціи для воспрянувшей буржуазіи прежде всего средствомъ борьбы противъ враждебныхъ

ей господствующихъ политическихъ и соціальныхъ силъ, которыя коренились въ прошломъ. Дискредитировать прошлое и, въ противовѣсъ ему, выставлять *цѣли* буржуазіи, какъ новое, *грядущее*, какъ единственно разумное и хорошее—такова была главная задача этихъ наукъ.

Все это измѣнилось со времени революціи. Послѣдняя принесла буржуазіи въ существенномъ все то, что ей требовалось. Но революція вскрыла также соціальныя силы, которыя стремились дальше, чѣмъ сама буржуазія, которыя хотѣли больше того, что принесла революція. Эти новыя силы начинали казаться буржуазіи болѣе опасными, чѣмъ остатки ниспровергнутыхъ. Стать съ послѣдними на хорошую ногу стало завѣтомъ политической мудрости буржуазіи. Но въ силу этого неизбѣжно смягчилось также ея сужденіе о прошломъ.

Съ другой стороны, революція принесла разочарованіе именно идеологамъ. Какъ бы великъ ни былъ выигрышъ буржуазіи отъ революціи, послѣдняя далеко не оправдала тѣхъ ожиданій о наступленіи гармоническаго царства «добрыхъ нравовъ», о всеобщемъ благосостояніи и счастьѣ, которыя связывались съ крушеніемъ прошлаго. Трудно было продолжать надѣяться на будущее; чѣмъ больше неудовлетворенія получалось въ настоящемъ, чѣмъ больше запугивали воспоминанія о недавнемъ прошломъ, которое привело къ этому настоящему, тѣмъ болѣе свѣтлымъ казалось отдаленное прошлое. Это, какъ извѣстно, въ искусствѣ породило романтику. Но подобное же теченіе появилось и въ абстрактныхъ наукахъ. Начали изслѣдовать прошлое не для того, чтобы *осудить* его, но съ цѣлью *понять*; не для того, чтобы представить его, какъ *безуміе*, но съ цѣлью постичь его *разумность*.

Но революція слишкомъ радикально поработала, чтобы можно было серьезно думать снова возстановить тотъ строй, который былъ ею ниспровергнутъ. Если прошлое и было разумно, то нужно же было признать, что оно *стало* неразумно, невозможно. Общественно разумное и необходимое, въ силу этого, перестало быть какимъ-то неизмѣннымъ понятіемъ. Такъ возникло воззрѣніе соціальной эволюціи.

Прежде всего это относилось къ *германской* древности. Въ Германіи только что описанный процессъ совершился наиболѣе рѣзко. Тамъ революціонный образъ мыслей не такъ глубоко проникъ, не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ во Франціи; тамъ революція также не произвела такого радикальнаго дѣйствія, не привела къ

такому сотрясенію силъ и воззрѣній прошлаго и, въ заключеніе, выступила скорѣе опустошительнымъ, чѣмъ освободительнымъ элементомъ.

Но къ изученію нѣмецкой древности присоединилось изслѣдованіе аналогичныхъ періодовъ. Въ Америкѣ молодая община Соединенныхъ Штатовъ къ началу девятнадцатаго столѣтія ушла такъ далеко, что тамъ развился собственный классъ интеллигенціи, собственная беллетристика и наука. Но что особенно отличало Америку отъ Европы, это—тѣсное сожительство капиталистической цивилизаціи бѣлыхъ съ индѣйскимъ варварствомъ. Послѣднее было объектомъ, особенно привлекавшимъ беллетристику и науку. Вскорѣ послѣ возникновенія нѣмецкой романтики появился индѣйскій романъ, а за исторической школой права послѣдовало возрожденіе міра сказокъ и сагъ, за сравнительнымъ языковѣдѣніемъ въ Германіи—научное изученіе соціальныхъ и лингвистическихъ отношеній индѣйцевъ въ Америкѣ.

Но водвореніе англичанъ въ Остъ-Индіи, еще раньше этого времени, повлекло за собою возможность, даже необходимость изслѣдованія языковъ, нравовъ, обычаевъ этой области. До самой Германіи проникло къ началу девятнадцатаго столѣтія изученіе санскритскаго языка, чѣмъ было положено основаніе къ сравнительному языковѣдѣнію, а это, въ свою очередь, опять-таки повлекло за собою серьезные выводы по вопросу о жизни индо-германскихъ народовъ въ первобытныя времена.

Все это давало теперь, однако, возможность иначе, чѣмъ прежде, разработать сообщенія цивилизованныхъ изслѣдователей о дикихъ народахъ, а также о находкахъ оружія и орудій вымершихъ поселянъ, на что до сихъ поръ смотрѣли только какъ на курьезы.

Наблюденія и находки эти послужили теперь матеріаломъ, при помощи котораго найденныя уже звенья цѣпи общественнаго развитія удалось удлинить назадъ и пополнить нѣкоторые пробѣлы этого развитія.

Но во всей этой исторической работѣ недоставало объекта, господствующаго до сихъ поръ во всѣхъ исторіографіяхъ—стоящаго на первомъ планѣ человѣческаго индивидуума. Въ письменныхъ источникахъ, изъ которыхъ до того времени исключительно черпалось знаніе исторіи человѣчества, занесено было только экстраординарное, ибо это было единственное, что бытописателю происшествій

своего времени казалось достойнымъ вниманія. Кому бы пришло на умъ изобразить обыденное, всѣмъ извѣстное! Необычайный человѣкъ, изъ ряда вонъ выдающееся явленіе, какъ война и революція—одни только и заслуживали того, чтобы о нихъ повѣствовали. Такимъ образомъ, для традиціонныхъ исторіографій, которыя сводились къ списыванію съ большей или меньшей критикой унаслѣдованныхъ источниковъ, человѣкъ былъ главнымъ двигателемъ исторіи, а въ эпоху феодализма—король, полководецъ, основатель религіи и священникъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи эти именно элементы клеймились тогда уже буржуазной интеллигенціей, какъ виновники всего дурного въ мірѣ, а зато философы, какъ законодатели и учителя, возводились ею въ единственныхъ носителей прогресса. Но всякій прогрессъ казался чѣмъ-то чисто внѣшнимъ, одной только смѣной костюмовъ. То время, когда источники историческихъ писаній стали обильнѣе, время побѣды грековъ надъ персидскимъ нашествіемъ обозначало собою именно наивысшій пунктъ общественнаго развитія. Съ тѣхъ поръ общество въ странахъ Средиземнаго моря стало разлагаться, пошло подъ гору и дошло до варварства эпохи переселенія народовъ. Послѣ того общественное развитіе европейскихъ народовъ шло крайне медленно, и даже въ восемнадцатомъ столѣтіи оно еще не очень высоко поднялось надъ уровнемъ классической древности, и въ нѣкоторыхъ вопросахъ политики, философіи и особенно искусства древность эта могла еще служить образцомъ.

Вся исторія казалась какимъ-то подъемомъ и паденіемъ, волшебнымъ кругомъ, и такъ какъ отдѣльные индивидуумы постоянно ставили себѣ неосуществимыя цѣли, а потому обыкновенно «терпѣли крушеніе», то этотъ волшебный кругъ казался какой-то ужасающей трагикомедіей, въ которой даже наиболѣе возвышенныя и сильныя личности были осуждены на несчастныя роли. Совсѣмъ иной представляется первобытная исторія. Исторія эта, какъ и отдѣльныя ея науки — исторія права, сравнительное языкознаніе, этнографія, находятъ въ разрабатываемыхъ ею источникахъ не экстраординарное или индивидуальное, но обыденное и обыкновенное. Но именно въ этомъ первобытная исторія можетъ съ полной увѣренностью найти путь прогрессивнаго развитія. И чѣмъ больше растетъ ея матеріалъ, чѣмъ больше возможности предоставляется сравнивать аналогичное съ аналогичнымъ, тѣмъ больше исторія эта приходитъ къ выводу, что такого рода развитіе

не есть нѣчто случайное, но нѣчто закономѣрное. Но матеріаломъ, находящимся въ ея распоряженіи, являются, съ одной стороны, факты *техники*, а съ другой—*права, обычаи, религіи*. Установить закономѣрность—значило привести технику въ причинную связь съ правовыми, обычными, религіозными воззрѣніями, не прибѣгая къ помощи необыкновенныхъ происшествій и индивидуумовъ. Эта зависимость, съ другой стороны, была установлена къ тому времени *статистикой*.

Пока *община* была наиболѣе важнымъ экономическимъ институтомъ, не было почти надобности въ статистикѣ. Въ общинѣ обыкновенно легко было оріентироваться. Но если даже тамъ появлялась статистика, то она едва ли могла привести къ научнымъ наблюденіямъ, такъ какъ, при ничтожности чиселъ, закономѣрность имѣла мало цѣны. Все это должно было измѣниться съ созданіемъ капиталистической формы производства современныхъ государствъ, которыя не представляютъ собою, подобно прежнимъ, скопленій отдѣльныхъ общинъ и областей, но—единый организмъ съ важными экономическими функціями. Кромѣ того, капиталистическое производство не только превратило государство во внутренній рынокъ, но создало при этомъ и міровой рынокъ. Это повлекло къ широко переплетающимся между собою взаимоотношеніямъ, которыя безъ посредства статистики совершенно невозможно обозрѣть. Основанная съ чисто практической цѣлью въ связи съ фискальными нуждами и нуждами рекрутскаго набора, для надобностей таможеннаго дѣла, наконецъ, для страховыхъ обществъ, статистика захватывала все болѣе широкія области и, наконецъ, собрала такой матеріалъ массовыхъ наблюденій, что закономѣрность должна была броситься въ глаза внимательнымъ обозрѣвателямъ матеріала. Въ Англіи уже къ концу семнадцатаго столѣтія дѣло доведено было Петти до созданія «политической ариѳметики», при которой приблизительная оцѣнка играла, однако, еще большую роль. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, однако, методъ статистическихъ пріемовъ былъ уже такъ усовершенствованъ и области ея изслѣдованія столь разнообразны, что получилась возможность съ бо́льшей увѣренностью открывать закономѣрное въ поступкахъ большихъ человѣческихъ массъ. Бельгіецъ Кетле былъ первый, который въ тридцатыхъ годахъ пытался такимъ способомъ изобразить физіологію человѣческаго общества.

Опредѣляющими въ перемѣнахъ человѣческихъ поступковъ постоянно являлись матеріальныя, обыкновенно *экономическія*, измѣненія. Такимъ путемъ была установлена зависимость увеличенія и уменьшенія преступленій, самоубійствъ, вступленій въ бракъ, повышеній и пониженій цѣнъ на хлѣбъ.

Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что экономическіе мотивы сами по себѣ выставлялись какъ причины, побуждавшія къ вступленію въ бракъ. Никто не станетъ разсматривать половой инстинктъ, какъ результатъ экономическаго мотива. Но перемѣна въ годовомъ количествѣ вступленій въ бракъ вызывается перемѣной въ экономическомъ положеніи.

Наряду со всѣми этими новыми науками слѣдуетъ, наконецъ, еще упомянуть о перемѣнѣ въ характерѣ одной части новѣйшей исторіографіи. Французская революція такъ ясно выступила, какъ классовая борьба, что не только ея исторіографы вынуждены были это признать, но часть историковъ, подъ вліяніемъ этого, почувствовала желаніе и въ другихъ историческихъ періодахъ изучить роль классовой борьбы и открыть въ послѣдней побудительныя силы общественнаго развитія. Но классы опять-таки являются продуктами *экономической* структуры общества, а изъ послѣдней возникали также *противорѣчія*, слѣдовательно—борьба классовъ. То, что связываетъ каждый классъ, что его обособляетъ отъ другого класса, опредѣляетъ его противорѣчіе къ послѣднему, это есть своеобразный *классовой интересъ*, новый видъ интереса, о которомъ ни одинъ этикъ восемнадцатаго столѣтія не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ. Всѣ эти успѣхи и открытія, которые, конечно, выяснялись только по частямъ и рѣдко съ полной очевидностью, представили собою въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія всѣ существенные элементы для матеріалистическаго пониманія исторіи. Матеріалъ этотъ только дожидался мастеровъ, которые, овладѣвъ имъ, создали бы изъ него единую картину. Это сдѣлали, какъ извѣстно, Энгельсъ и Марксъ.

Только такимъ глубокимъ мыслителямъ, какъ они, былъ доступенъ такой трудъ; постолько это и должно считаться ихъ личнымъ произведеніемъ. Но никакому Энгельсу, никакому Марксу созданіе такого труда не было бы возможно раньше, чѣмъ всѣ эти новыя науки добились цѣлаго ряда новыхъ результатовъ. Съ другой стороны, человѣкъ съ геніемъ Гельвеція или Канта, навѣрно,

могъ бы тоже открыть матеріалистическое пониманіе исторіи, если бы въ то время были на-лицо научныя условія для этого. Наконецъ, Марксъ и Энгельсъ, несмотря на свой геній и несмотря на предварительные труды, доставленные новѣйшими науками, не смогли бы и въ девятнадцатомъ столѣтіи открыть ученіе матеріалистическаго пониманія исторіи, если бы они не стали на *пролетарскую* точку зрѣнія, слѣдовательно—если бы не были *соціалистами*. Это было безусловно необходимо для того, чтобы открыть такое пониманіе исторіи. Въ этомъ смыслѣ такая философія есть *пролетарская*, а всѣ противоположныя ей воззрѣнія должны считаться буржуазными.

Возникновеніе идеи эволюціи въ общественныхъ наукахъ совпало съ эпохой реакціи, когда для ближайшаго будущаго не ставился вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи общества, когда идея эволюціи служила только для объясненія происшедшаго до сихъ поръ развитія, а въ силу этого—въ извѣстномъ смыслѣ оправданіемъ, иногда прославленіемъ этого прошлаго. Какъ и въ романтикѣ, въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка черезъ всю историческую школу правовѣдѣнія, черезъ все изученіе древности, даже черезъ изслѣдованіе санскритскаго языка—достаточно припомнить, напр., буддизмъ Шопенгауэра—красной нитью проходитъ реакціонное теченіе. То же теченіе наблюдается въ той философіи, которая эволюціонную идею, выработанную той эпохой, поставила въ центрѣ своей системы—въ гегельянской. И эта философія должна была быть только прославленіемъ происходившаго доселѣ развитія, окончательнымъ завершеніемъ котораго была монархія Божьей милостью. Какъ реакціонная, эта философія развитія необходимо была также *идеалистической*, ибо настоящее, дѣйствительность находились въ слишкомъ большомъ противорѣчіи къ ея реакціоннымъ тенденціямъ.

Когда дѣйствительность, т.-е. капиталистическое общество, снова такъ далеко ушла, что смогла прорвать всѣ эти тенденціи, тогда идеалистическая философія развитія стала невозможной: она была побѣждена болѣе или менѣе откровеннымъ матеріализмомъ. Но только съ пролетарской точки зрѣнія стало возможно превращеніе идеи общественнаго развитія въ матеріалистическую, т.-е. признаніе въ дѣйствительности совершающагося на основаніи естественныхъ законовъ общественнаго развитія. Буржуазія противилась теперь всякой мысли о дальнѣйшемъ общественномъ развитіи и отклоняла отъ себя всякую эволюціонную философію, которая не ограничивалась бы

изученіемъ исторіи развитія прошлаго, съ цѣлью его понять, но признавала бы въ немъ также тенденцію къ наступленію новаго общественнаго строя въ *будущемъ*: такое примѣненіе эволюціонной философіи ковало оружіе для борьбы въ *настоящемъ*, а борьба эта должна была привести къ осуществленію этой общественной формы будущаго. Какъ только періодъ умственной реакціи, наступившій послѣ революціи, миновалъ, буржуазія снова пріобрѣла чувство собственнаго достоинства и силу, чтобы положить конецъ всякой романтикѣ въ искусствѣ и философіи, чтобы провозгласить матеріализмъ; но къ историческому матеріализму буржуазія все же не перешла. Поскольку историческій матеріализмъ былъ обусловленъ обстоятельствами, постолько отнюдь не меньше, этими же обстоятельствами обусловливалось и то, что онъ могъ стать только философіей пролетаріата, что онъ былъ отвергнутъ той наукой, которая была въ вѣдѣніи буржуазіи; его въ этой наукѣ отвергли съ такой энергіей, что даже самъ авторъ исторіи матеріализма, Альберъ Ланге, упоминаетъ въ своей книгѣ о Карлѣ Марксѣ, какъ о политико-экономѣ, а не какъ о философѣ.

Идея развитія, всѣми признанная въ естествознаніи, также очень плодотворная для нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей отвлеченныхъ наукъ, осталась мертва для всего комплекса воззрѣній этихъ наукъ, поскольку онѣ представляли буржуазную науку. Философія же буржуазіи послѣ Гегеля не могла дальше двигаться впередъ. Буржуазія отдалась во власть матеріализма, значительно уступавшаго матеріализму восемнадцатаго вѣка, ибо онъ былъ чисто естественно-научный и не представилъ никакой теоріи общества. Когда же этотъ ограниченный матеріализмъ также пересталъ подходить для буржуазіи, она снова вернулась къ кантиніанству, очищенному отъ всѣхъ недостатковъ, благодаря развившемуся съ тѣхъ поръ естествознанію; но ученіе это не было очищено отъ своей этики, являющейся теперь тѣмъ бастіономъ, который выдвигаютъ въ противовѣсъ теоріи историческаго развитія.

Въ экономическихъ наукахъ буржуазія колеблется между историческимъ пониманіемъ, которое хотя и видитъ развитіе общества, но отвергаетъ необходимые законы этого развитія, и воззрѣніемъ, признающимъ необходимые законы общества, но отрицающимъ общественное развитіе, воззрѣніемъ, которое полагаетъ, что въ психологіи изолированнаго первобытнаго человѣка можно уже открыть всѣ экономическія категоріи современнаго общества. Къ этому пониманію присоединяется еще естественно-научное, которое хочетъ свести законы

общества на законы біологіи, т.-е. на законы растительной и животной жизни, что, въ конечномъ счетѣ, равносильно чистому отрицанію всѣхъ особыхъ законовъ общественнаго развитія.

Съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія настроилась на консервативный ладъ, матеріалистическая теорія общественнаго развитія можетъ быть построена только съ пролетарской точки зрѣнія.

Правда, новый діалектическій матеріализмъ есть матеріализмъ особаго рода, значительно отличающійся отъ естественно-научнаго. Нѣкоторые изъ сторонниковъ этого направленія желали поэтому, чтобы, во избѣжаніе недоразумѣній, слово матеріализмъ было замѣнено другимъ.

Но если Марксъ и Энгельсъ твердо держались слова матеріализмъ, то это, во всякомъ случаѣ, произошло по той же причинѣ, по которой они отказывались переименовать свой манифестъ коммунистовъ въ манифестъ соціалистовъ. Слово соціализмъ прикрываетъ нынѣ такія разнообразныя вещи, среди нихъ довольно жалкія, какъ христіанскій и національный соціализмъ всякаго рода; слово же коммунизмъ, напротивъ, обозначаетъ недвусмысленно и ясно ту цѣль, къ которой стремится пролетаріатъ, борющійся въ революціонной борьбѣ за свое освобожденіе.

Подобнымъ же образомъ, замѣной діалектическаго матеріализма словомъ діалектическій «монизмъ» или «критицизмъ», или «реализмъ», всякое противоположеніе буржуазному міру исчезло бы. Слово же «матеріализмъ», напротивъ, обозначаетъ, со времени господства христіанства, философію *борьбы* противъ господствующихъ властей. Вотъ почему ученіе это пользуется такой дурной славой среди буржуазіи, но именно потому мы, сторонники пролетарской философіи всесторонняго развитія, имѣемъ всѣ причины держаться этого названія для нашей философіи, которое, вѣдь, вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ.

А пониманіе этики, проистекающей изъ этой философіи, можетъ считаться матеріалистическимъ.

2. Организмъ человѣческаго общества.

a. Техническое развитіе.

Посмотримъ теперь, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, на человѣка, находящагося въ той стадіи, въ которой мы его оставили въ прошлой главѣ—на границѣ, обособляющей его отъ всѣхъ прочихъ животныхъ. Что именно возвышаетъ его надъ

ними? Существуютъ ли между нимъ и этими животными во всѣхъ пунктахъ только эволюціонное различіе или же также какое-нибудь различіе по существу? Не какъ мыслящее, но какъ моральное созданіе, человѣкъ въ существенномъ не отличается отъ животнаго. Но, быть можетъ, это различіе кроется въ томъ, что человѣкъ *производитъ*, т.-е. приспособляетъ найденные въ природѣ матеріалы, путемъ измѣненія формы и мѣста, къ своимъ цѣлямъ? Но и эту дѣятельность мы встрѣчаемъ въ животномъ мірѣ. Не говоря уже о нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, пчелахъ и муравьяхъ, мы встрѣчаемъ у теплокровныхъ животныхъ, даже у нѣкоторыхъ рыбъ, виды производительной дѣятельности, именно—производство помѣщеній для высиживанія яицъ и жилья, гнѣзда, земляныя постройки и т. п. И какъ бы велика при этой производительной дѣятельности ни была передача унаслѣдованныхъ инстинктовъ и наклонностей, дѣятельность эта такъ цѣлесообразно приспособляется къ различнымъ обстоятельствамъ, что сознаніе, познаніе причинной связи обязательно должно при этомъ играть извѣстную роль.

Быть можетъ, примѣненіе *орудій* возвышаетъ человѣка надъ животнымъ? И этого тоже нѣтъ. У обезьянъ мы, по крайней мѣрѣ, находимъ уже зачатки примѣненія орудій, вѣтвей деревьевъ для защиты, камней для раскалыванія орѣховъ и т. п. Умъ обезьянъ, а также развитіе ногъ и рукъ дѣлаютъ ихъ способными къ этому.

Итакъ, не *производство средствъ потребленія* и не *примѣненіе орудій* отличаютъ человѣка отъ животнаго. Если что и отличаетъ человѣка отъ животнаго, такъ это *производство орудій*, которыя служатъ производству, защитѣ, нападенію. Животное, въ лучшемъ случаѣ, въ состояніи только *найти* орудіе въ природѣ: оно не въ состояніи *изобрѣсть* таковое. Животное сумѣло производить вещи для своего непосредственнаго потребленія, возводить жилища, собирать жизненные припасы, но его мышленіе не заходитъ такъ далеко, чтобы производить вещи, которыя служатъ не для непосредственнаго потребленія, но для производства средствъ потребленія.

Съ *производствомъ средствъ производства* начинается очеловѣченіе животнаго-человѣка; это производство проводитъ грань между нимъ и прочимъ животнымъ міромъ; съ тѣхъ поръ человѣкъ основываетъ свое собственное царство, развивающееся на особый ладъ, совершенно неизвѣстный среди остальной природы, гдѣ ничего подобнаго не встрѣчается.

Пока животное производитъ только при посредствѣ тѣхъ органовъ, которыми оно надѣлено отъ природы, или же употребляетъ только тѣ орудія, которыя ему доставляетъ природа, оно не можетъ выйти за предѣлы средствъ, предоставленныхъ ему послѣдней. Его развитіе выражается въ развитіи его собственнаго организма, въ преобразованіи его собственныхъ органовъ, включая сюда и мозгъ; это—медленный и безсознательный процессъ, совершающійся путемъ борьбы за существованіе; этого процесса животное при посредствѣ сознательной дѣятельности никоимъ образомъ не можетъ ускорить.

Напротивъ того, изобрѣтеніе и производство орудій, беря это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, обозначаетъ, что человѣкъ сознательно и намѣренно самъ надѣляетъ себя новыми органами или усиливаетъ и удлиняетъ свои естественные органы, такъ что онъ въ состояніи лучше и легче произвести то, что эти органы производятъ, но кромѣ того, это еще означаетъ, что онъ въ состояніи бываетъ добиваться такихъ результатовъ, достиженіе которыхъ было для него раньше совершенно невозможнымъ. Но такъ какъ человѣкъ не только животное, одаренное высоко развитымъ интеллектомъ и руками,—необходимая предпосылка при примѣненіи и производствѣ орудій,—но также съ самаго начала и общественное животное, то изобрѣтеніе и производство орудій, пущенное въ ходъ какимъ-нибудь особенно одареннымъ индивидомъ, какимъ-нибудь обитающимъ на деревьяхъ первобытнаго тропическаго лѣса Марксомъ, Кантомъ или Аристотелемъ, не исчезало безслѣдно съ его смертью. Его орда присваивала это изобрѣтеніе и продолжало имъ пользоваться, пріобрѣтая, благодаря этому, преимущество въ борьбѣ за существованіе, такъ что его потомство и развѣтвленіе преуспѣвали лучше, чѣмъ у другихъ членовъ даннаго вида. Всякое новое дарованіе, являвшееся на-лицо въ ордѣ, отнынѣ служило только къ тому, чтобы усовершенствовать сдѣланныя открытія или дѣлать новыя.

Если извѣстная степень развитія ума и рукъ служили предварительнымъ условіемъ для изобрѣтенія и производства орудій, то соціальный характеръ человѣка являлся предварительнымъ условіемъ для постояннаго накопленія новыхъ и усовершенствованія старыхъ изобрѣтеній, словомъ — для постояннаго развитія техники. Отнынѣ медленный, безсознательный и незамѣтный процессъ развитія организмовъ путемъ борьбы за существованіе, какъ онъ происходилъ во всемъ остальномъ органическомъ мірѣ, отступилъ на

задній планъ, все болѣе уступая мѣсто *сознательному* измѣненію, приспособленію и усовершенствованію органовъ, т.-е. развитію, которое въ своихъ зачаткахъ, согласно новѣйшему масштабу, является еще безконечно медленнымъ и незамѣтнымъ, но, тѣмъ не менѣе, обладающимъ съ самаго начала гораздо болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ развитіе путемъ естественнаго подбора. Техническій прогрессъ отнынѣ сталъ служить основой общаго развитія человѣчества. На немъ, а не на какой-либо другой божественной искрѣ покоится все, чѣмъ человѣкъ отличается отъ животнаго.

Всякій отдѣльный шагъ на этомъ пути техническаго поступательнаго развитія былъ сознательнымъ и желаннымъ. Каждый шагъ проистекалъ изъ потребности увеличивать искусственнымъ путемъ силы человѣка, переступать за поставленные природою предѣлы. Но каждый такой техническій прогрессъ необходимымъ образомъ влечетъ за собою послѣдствія, которыя вовсе не имѣлись въ виду его иниціаторами и не могли имѣться въ виду, ибо они даже не въ состояніи были ихъ предчувствовать,—послѣдствія, которыя, какъ и дѣйствія естественнаго подбора, можно бы назвать приспособленіемъ къ средѣ, искусственно измѣненной самимъ человѣкомъ. Но при этихъ приспособленіяхъ также играетъ роль познаніе новой среды и порождаемыхъ ею потребностей, но это уже не роль самостоятельной, дающей направленіе инстинктивной силы.

b. Техника и образъ жизни.

Попытаемся для разъясненія сказаннаго представить себѣ, къ какимъ послѣдствіямъ должно было привести то обстоятельство, что первобытному человѣку удалось добиться первыхъ орудій, когда онъ соединилъ, напримѣръ, вмѣстѣ камень и палку, которые уже употреблялись обезьяной, въ форму молотка, топора, копья. Само собою разумѣется, что сдѣланное нами ниже изображеніе будетъ только гипотетическимъ, такъ какъ у насъ не имѣется доказательствъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ происходилъ весь процессъ. Но набросанная нами картина не будетъ вѣдь служить также доказательствомъ, но только иллюстраціей. Поэтому мы будемъ придерживаться возможно болѣе простого изображенія и оставимъ, совершенно въ сторонѣ то вліяніе, какое, напримѣръ, рыболовство должно было оказать на первобытнаго человѣка.

Какъ только первобытный человѣкъ добился обладанія копьемъ, онъ открылъ себѣ возможность охотиться за болѣе крупными звѣрями... Если до сихъ поръ его пища состояла преимущественно изъ древесныхъ плодовъ и насѣкомыхъ, равно какъ, вѣроятно, изъ птичьихъ яицъ и птенцовъ, то теперь онъ могъ убивать болѣе крупныхъ животныхъ, мясо отнынѣ стало важнѣе для его питанія. Но большинство болѣе крупныхъ животныхъ пребываютъ на землѣ, а не на деревьяхъ; охота, такимъ образомъ, увлекла первобытнаго человѣка съ воздушныхъ сферъ на землю. Болѣе того, годныя для охоты животныя встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ въ первобытномъ лѣсу, они предпочитаютъ луговыя поверхности, преріи. Чѣмъ больше человѣкъ становился охотникомъ, тѣмъ раньше онъ могъ выбраться изъ тропическаго первобытнаго лѣса, куда первобытный человѣкъ былъ загнанъ.

Это изображеніе, какъ сказано, основано на чистыхъ предположеніяхъ. Ходъ развитія могъ быть также обратный. Точно такъ же, какъ изобрѣтеніе орудій и оружія могло загнать человѣка изъ первобытнаго лѣса въ болѣе свободныя травянистыя мѣстности съ разбросанными деревьями, такъ и причины, которыя вытѣснили первобытнаго человѣка изъ его первобытнаго обиталища, могли послужить толчкомъ къ изобрѣтенію оружій и орудій. Допустимъ, напримѣръ, что количество людей переросло пищевое богатство данной мѣстности, или что ледяной періодъ, можетъ быть глетчеры средне-азіатскаго плоскогорія, спустились внизъ и вытѣснили обитателей долинъ изъ ихъ первобытныхъ лѣсовъ въ травянистыя равнины, окружавшія эти лѣса, или что все увеличивающаяся засуха все больше содѣйствовала увеличенію прогалинъ въ первобытныхъ лѣсахъ, давала все бо́льшую возможность возникновенію луговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первобытный человѣкъ былъ принужденъ отказаться отъ своей жизни на деревьяхъ и начать больше двигаться по землѣ; онъ былъ также вынужденъ все больше искать пищи среди животныхъ и не могъ уже въ такой значительной степени питаться древесными плодами. Новый образъ жизни побуждалъ человѣка чаще прибѣгать къ помощи камней и палокъ и, такимъ образомъ, довелъ его до изобрѣтенія первыхъ орудій и оружія.

Какой бы ходъ развитія мы ни допустили, первый или второй, — и тотъ и другой могли въ различныхъ пунктахъ имѣть мѣсто, — въ каждомъ изъ нихъ отчетливо выступаетъ то тѣсное взаимо-

отношеніе, которое существуетъ между новыми средствами производства и потребностями. Каждый изъ этихъ факторовъ порождаетъ съ естественной необходимостью другой, каждый становится необходимой причиной перемѣнъ, которыя затѣмъ, въ свою очередь, опять-таки чреваты перемѣнами. Такимъ образомъ, каждое изобрѣтеніе неизбѣжно порождаетъ послѣдствія, которыя даютъ толчокъ къ другимъ изобрѣтеніямъ, а отсюда опять создаются новыя потребности и изобрѣтенія, послѣднія вызываютъ опять новыя изобрѣтенія и т. д. — цѣлая цѣпь безконечнаго развитія, которое идетъ тѣмъ разнообразнѣе и быстрѣе, чѣмъ дальше зашло оно впередъ и чѣмъ больше, въ силу этого, выросла возможность и легкость новыхъ изобрѣтеній.

Посмотримъ теперь, къ какимъ послѣдствіямъ повлекло за собою то обстоятельство, что охота стала источникомъ питанія человѣка, а также выходъ изъ послѣдняго тропическаго первобытнаго лѣса.

Наряду съ мясомъ человѣкъ отнынѣ, вмѣсто древесныхъ плодовъ, внесъ въ свое пищевое меню корни и плоды травъ, рожь, маисъ. Но этимъ опять-таки былъ намѣченъ путь къ дальнѣйшему прогрессу. Въ первобытномъ лѣсу невозможно воздѣлывать растеній; расчистка первобытнаго лѣса была не по силамъ примитивному человѣку. Да послѣдній и не могъ даже напасть на эту мысль. Онъ жилъ плодами деревьевъ; разведеніе же плодовыхъ деревьевъ, приносящихъ плоды только спустя много лѣтъ, предполагаетъ высокую степень культуры и осѣдлости. Зато, напротивъ, воздѣлываніе травъ на лугахъ и въ степяхъ гораздо легче, чѣмъ въ первобытномъ лѣсу, и можетъ производиться съ самыми простыми средствами. Мысль воздѣлывать травы, которыя часто приносятъ плоды уже спустя нѣсколько недѣль, также легче постижима, чѣмъ воздѣлываніе плодовыхъ деревьевъ. Причина и слѣдствіе такъ близко здѣсь соприкасаются, что ихъ взаимную связь легче наблюдать, и даже бродячій человѣкъ могъ выждать время между посѣвомъ и жатвой и оставаться вблизи своего обработаннаго поля.

Съ другой стороны, человѣкъ, какъ только онъ покинулъ первобытный тропическій лѣсъ, сталъ гораздо болѣе подвергаться перемѣнамъ климата, чѣмъ на своей первобытной родинѣ. Въ густомъ лѣсу колебанія температуры между днемъ и ночью гораздо меньше, чѣмъ въ открытой равнинѣ, въ которой днемъ господ-

ствуетъ палящій солнечный зной, а ночью сильное лучеиспусканіе и охлажденіе. Буря въ первобытномъ лѣсу значительно меньше замѣтна, чѣмъ въ безлѣсной области, а противъ дождя и града въ послѣдней тоже труднѣе укрыться, чѣмъ подъ почти непроницаемой листвой первобытнаго лѣса. Такимъ образомъ, вытиснутый въ травянистую равнину, человѣкъ долженъ былъ почувствовать потребность въ кровѣ и одеждѣ, что первобытному человѣку въ первобытномъ тропическомъ лѣсу было совершенно чуждо. Если уже человѣкообразныя обезьяны строили себѣ для ночного отдыха форменныя гнѣзда, то человѣкъ долженъ былъ притти къ тому, чтобы воздвигнуть себѣ стѣны и крыши для защиты, или искать пристанища въ пещерахъ. Съ другой стороны, легко было догадаться, что можно завернуться въ шкуру убитаго звѣря, оставшуюся безъ употребленія, послѣ того какъ изъ нея вынуто мясо. Потребность въ защитѣ служила также одной изъ причинъ, заставившей человѣка впервые подумать объ обладаніи огнемъ.

Техническое могущество огня человѣкъ могъ постичь только мало-по-малу, только послѣ того, какъ долго имъ пользовался. Теплота же, которую даетъ огонь, была, напротивъ, непосредственно ощутима. Какимъ образомъ человѣкъ началъ пользоваться огнемъ, вѣроятно, никогда съ точностью не будетъ установлено. Одно только несомнѣнно, что въ тропическомъ первобытномъ лѣсу онъ не нуждался въ источникѣ тепла, да и не имѣлъ тамъ возможности поддерживать таковой среди постоянной сырости. Только въ сухой мѣстности, гдѣ мѣстами встрѣчались большія количества горючаго матеріала—мохъ, листва, валежникъ, могли возникать пожары, которые познакомили человѣка съ огнемъ; этому знакомству могла также содѣйствовать, быть можетъ, и молнія, скорѣе искры, вылетающія изъ кремней, этого перваго матеріала для орудій первобытнаго человѣка, а можетъ быть на это натолкнула также теплота, которая появлялась при сверленіи дыръ въ твердомъ деревѣ.

Мы видимъ, какъ вся жизнь человѣка, его потребности, мѣста для обиталища, его средства къ поддержанію жизни претерпѣли перемѣны, и одно изобрѣтеніе, разъ оно было сдѣлано, разъ удалось составить копье или топоръ, влекло за собой, многочисленныя другія. При этихъ перемѣнахъ сознаніе играло большую роль, но сознаніе другихъ поколѣній, а не тѣхъ, которыя изобрѣли дикое копье или топоръ. А *задачи*, которыя послѣ того возникали въ

сознаніи позднѣйшихъ поколѣній, не ставились прежними, онѣ съ необходимостью сами возникали, разъ изобрѣтеніе было сдѣлано.

Но послѣдствія изобрѣтеній не исчерпывались перемѣной мѣстожительства, потребностей, способовъ находить средства къ жизни, всего образа жизни.

с. Животный общественный организмъ.

Раздѣленіе труда органовъ животнаго организма имѣетъ свои опредѣленныя границы, потому что органы эти тѣсно срослись съ организмомъ, который не можетъ мѣнять ихъ по желанію, а также потому, что число ихъ ограничено. Съ другой стороны, этимъ также поставлены границы для разнообразія отправленій, къ которымъ способенъ животный организмъ. Совершенно, напр., невозможно, чтобы одинъ и тотъ же членъ въ одинаково совершенной степени служилъ для схватыванія, бѣга и летанія, не говоря уже о дальше идущемъ спеціализированіи.

Орудіе, напротивъ, человѣкъ можетъ мѣнять. Онъ могъ его приспособить для достиженія какой-нибудь одной опредѣленной цѣли. Разъ оно исполнило свое назначеніе, тогда онъ откладываетъ его въ сторону, и орудіе это не будетъ ему мѣшать при исполненіи совершенно другихъ работъ, для которыхъ онъ употребляетъ совсѣмъ иныя орудія. Насколько ограничено число его членовъ, настолько безграничнымъ можетъ быть число его орудій.

Но не только *число* органовъ животнаго организма ограничено, ограничена также *сила*, съ какой каждый изъ нихъ можетъ быть приведенъ въ движеніе. Сила эта никоимъ образомъ не можетъ превзойти силы самого индивидуума, которому принадлежатъ данные органы, она постоянно бываетъ еще слабѣе, такъ какъ организмъ, наряду съ органами, приведенными въ движеніе, долженъ питать всѣ свои органы. Зато, напротивъ, сила, приводящая въ движеніе орудіе, отнюдь не ограничивается однимъ человѣкомъ. Такъ какъ орудіе это отдѣлено отъ человѣческаго индивидуума, то нѣсколько индивидовъ могутъ соединиться, чтобы привести его въ движеніе, они могутъ даже пустить для этого въ ходъ не только однѣ человѣческія силы, а быть можетъ силу рабочихъ животныхъ, воды, вѣтра, пара.

Итакъ, въ противоположность животному организму, развитіе искусственныхъ органовъ человѣка безгранично, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія человѣческихъ понятій. Оно ограничивается только

тѣми предѣлами суммы движущихъ силъ, которыя солнце и земля предоставили въ распоряженіе человѣка.

Отдѣленіе искусственныхъ органовъ человѣка отъ его личности влечетъ за собой, однако, еще другое послѣдствіе. Если органы животнаго организма срослись съ нимъ, то это значитъ, что въ распоряженіи каждаго индивидуума находятся одни и тѣ же органы. Исключеніе составляютъ только органы размноженія. Только въ этой области имѣетъ мѣсто раздѣленіе труда среди высшихъ организмовъ. Всякое другое раздѣленіе труда въ животномъ обществѣ, напротивъ, покоится исключительно на томъ, что опредѣленные индивиды принимаютъ на себя на опредѣленное время особыя функціи, напр., функцію сторожевой службы, руководительства и т. д., не пользуясь при этомъ органами, отличными отъ органовъ другихъ индивидуумовъ.

Изобрѣтеніе же орудія, напротивъ, допускаетъ, что въ какомъ-либо обществѣ отдѣльные индивиды исключительно или же значительно лучше другихъ владѣютъ тѣми или другими орудіями. Такимъ образомъ мы приходимъ къ такой формѣ раздѣленія труда въ человѣческомъ обществѣ, которое носитъ уже совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ жалкіе начатки такого раздѣленія въ животныхъ обществахъ. Въ послѣднихъ, при всемъ существующемъ раздѣленіи труда, индивидуумъ остается существомъ законченнымъ, обладающимъ всѣми органами, въ которыхъ онъ нуждался для поддержанія своей жизни. Въ человѣческомъ же обществѣ это встрѣчается тѣмъ рѣже, чѣмъ дольше прогрессируетъ въ немъ раздѣленіе труда. Чѣмъ больше послѣднее развивается, тѣмъ больше увеличивается число органовъ, которые общество употребляетъ для пріобрѣтенія средствъ къ жизни и для продолженія своего существованія, тѣмъ больше также число органовъ, потребныхъ для этого, и тѣмъ меньше самостоятельности остается для органовъ, которыми располагаетъ отдѣльный индивидуумъ. Чѣмъ больше растетъ власть общества надъ природой, тѣмъ, однако, безпомощнѣе становится индивидъ внѣ общества, тѣмъ въ большей зависимости находится онъ отъ послѣдняго. Животное общество, которое возникло само по себѣ, путемъ естественнаго роста, не освобождаетъ своего члена отъ власти природы. Зато общество составляетъ, напротивъ, для человѣческаго индивидуума какой-то своеобразный, отличный отъ остальной природы міръ, который, повидимому, опредѣленно вліяетъ на всю его судьбу, чѣмъ

природа, которую, какъ онъ полагаетъ, онъ переросъ въ той мѣрѣ, въ какой, благодаря существованію общества, увеличивается раздѣленіе труда. Послѣднее практически постолько же неограниченно, посколько не ограниченъ техническій прогрессъ вообще; предѣлы ему поставлены только тѣми границами, которыя существуютъ для человѣческаго рода.

Если мы выше пришли къ выводу, что животное обществс есть организмъ особаго рода, отличный отъ растительнаго и животнаго, то теперь мы находимъ, что человѣческое общество опять-таки образуетъ своеобразный организмъ, не только отличный отъ растительнаго и животнаго индивидуума, но также и отъ животнаго общества.

Прежде всего, здѣсь приходится принять въ соображеніе двоякое различіе. Мы только что видѣли, что животный индивидуумъ владѣетъ всѣми органами, нужными для его существованія, между тѣмъ какъ человѣческій индивидуумъ, при всемъ ушедшемъ впередъ раздѣленіи труда, не можетъ жить самъ по себѣ, безъ помощи общества. Робинзоны, которые безъ всякихъ средствъ производятъ все изъ себя, встрѣчаются только въ дѣтскихъ сказкахъ и научныхъ работахъ буржуазной экономіи, творцы которой полагаютъ, что лучшій путь для открытія законовъ общества, это—вполнѣ игнорировать послѣднее. Человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ зависитъ отъ общества, которое господствуетъ надъ нимъ; только понявъ своеобразіе послѣдняго, можно понять и своеобразный образъ человѣка.

Своеобразіе общества подвержено, однако, постоянной перемѣнѣ, ибо, въ отличіе отъ животнаго общества, человѣческое подлежитъ развитію, въ силу развитія своей техники. Животное общество, вѣроятно, развивается только въ той мѣрѣ, въ какой развивается животный видъ, который его образуетъ. Гораздо быстрѣе идетъ ходъ развитія человѣческаго общества. Но нѣтъ ничего ошибочнѣе стремленія представлять это развитіе по образцу развитія индивидуума, дѣля его на стадіи молодости, зрѣлаго возраста, упадка, смерти. Пока не изсякли источники силы, которые находятся въ распоряженіи земли, пока, словомъ, не исчезла основа техническаго прогресса, намъ нечего ожидать упадка и естественной смерти человѣческаго общества,—до тѣхъ поръ это общество будетъ все дальше развиваться со своей прогрессирующей техникой, и до тѣхъ поръ оно, въ этомъ смыслѣ, безсмертно.

Всякое общество состоитъ изъ техническаго аппарата, находящагося въ его распоряженіи, и изъ людей, приводящихъ въ движеніе этотъ аппаратъ, для каковой цѣли они соединяются въ самыя сложныя общественныя организаціи. Пока этотъ техническій аппаратъ совершенствуется, число людей, двигающихъ его, не убавляется и не уменьшаются также духовныя и физическія силы этихъ людей,— до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о гибели, объ умираніи общества.

Подобной смерти, какъ болѣе продолжительнаго состоянія, не наблюдалось до сихъ поръ ни у одного общества. Временно, конечно, случается, вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя мы еще изучимъ, что общественныя отношенія, имѣвшія свой корень въ общественныхъ потребностяхъ, окаменѣваютъ и становятся препятствіемъ къ прогрессу техническаго аппарата и росту членовъ общества, въ смыслѣ и духовной, и физической силы, что отношенія эти служатъ поводомъ къ обратному движенію. Но, выражаясь историческимъ языкомъ, это никогда не можетъ долго продолжаться, рано или поздно эти цѣпи, наложенныя на движеніе, разрываются или путемъ внутреннихъ движеній, революціоннымъ путемъ, или, что прежде чаще случалось, путемъ внѣшнихъ толчковъ, войнами. При этомъ общество иногда мѣняетъ часть своихъ членовъ, или свои границы, или свое названіе; тогда наблюдателю казалось, что общество, обнаружившее черты старости, отнынѣ было осуждено на смерть. Въ дѣйствительности же, если хотятъ ужъ проводить непремѣнно аналогію съ животнымъ организмомъ, общество при этомъ просто переболѣло болѣзнью, изъ которой оно выходитъ съ обновленными силами.

Съ этой точки зрѣнія, и общество Римской имперіи не умерло, но было обновлено примѣсью германскихъ, варварскихъ народовъ и послѣ переселенія народовъ начало силами обновленныхъ людей улучшать и отстраивать свой техническій аппаратъ.

3. Превращеніе силы соціальныхъ инстинктовъ.

а. Языкъ.

Если въ человѣческомъ обществѣ, въ противоположность животному, происходитъ постоянный процессъ движенія, то и люди должны постоянно мѣняться въ этомъ процессѣ.

Перемѣна жизненныхъ условій должна оказывать свое дѣйствіе на природу человѣка, раздѣленіе труда должно было одни изъ его естественныхъ органовъ развить сильнѣе, другіе—преобразовать. Такимъ образомъ, напримѣръ, развитіе человѣка-обезьяны изъ животнаго, кормящагося древесными плодами, въ плотоядное животное и потребителя полевыхъ растеній необходимо было связано съ превращеніемъ заднихъ рукъ въ ноги. Съ другой стороны, со времени изобрѣтенія орудій, ни одно животное не подвергалось столь многочисленнымъ, столь разнообразнымъ и столь быстрымъ перемѣнамъ естественной среды, какъ человѣкъ; ни одному животному не приходилось разрѣшать такихъ великихъ и постоянно растущихъ проблемъ приспособленія къ новой средѣ, какъ это выпало на долю человѣка; ни одному изъ нихъ не приходилось затрачивать столько сознанія, какъ ему. Уже въ началѣ того жизненнаго поприща, на которое онъ вступилъ съ изобрѣтеніемъ перваго орудія, человѣкъ превосходилъ способностью приспособленія и познавательной способностью другихъ животныхъ, но онъ вынужденъ былъ въ ходѣ своей исторіи усиливать эти качества въ чрезвычайной мѣрѣ.

Если измѣненія общества въ состояніи были преобразить организмъ человѣка, его руки, ноги, мозгъ, то они могутъ еще болѣе и быстрѣе измѣнить его сознаніе, его воззрѣнія на то, что полезно и вредно, что хорошо или дурно, что возможно и невозможно.

Если человѣкъ поднимается надъ животнымъ царствомъ съ періода изобрѣтенія орудія, то ему незачѣмъ начинать съ созданія общественнаго договора, какъ думали въ восемнадцатомъ столѣтіи и какъ думаютъ иные юристы-теоретики также и въ двадцатомъ столѣтіи. Свое человѣческое развитіе онъ началъ уже, какъ соціальное животное, съ сильными общественными инстинктами. Первымъ этическимъ дѣйствіемъ человѣческаго общества было, вѣроятно, регулированіе *силы* этихъ соціальныхъ инстинктовъ. Смотря по характеру общества, эти инстинкты либо усиливаются, либо ослабѣваютъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того воззрѣнія, что соціальные инстинкты должны непремѣнно усиливаться съ развитіемъ общества.

Въ началѣ развитія человѣчества это, конечно, было такъ. Обстоятельства, которыя уже въ животномъ мірѣ развивали соціальные инстинкты, продолжали съ полной силой существовать и дальше, но человѣческое общество присоединяетъ къ нимъ новыя при посредствѣ *общаго труда, взаимной помощи въ трудѣ*. Сотрудни-

чество само могло создать необходимость въ новомъ орудіи общественныхъ сношеній, *т.-е. въ рѣчи*. Общественныя животныя могутъ обходиться при помощи немногихъ средствъ пониманія, имъ довольно зова, съ цѣлью привлечь, крика радости, боязни, тревоги, гнѣва и другихъ звуковъ, выражающихъ ощущенія. Вѣдь въ животномъ мірѣ каждый индивидуумъ есть самодовлѣющее цѣлое, могущее существовать само для себя. Но такихъ междометій недостаточно, если нужна совмѣстная работа или если нужно распредѣлить различныя работы или обмѣнять различные продукты. Эти звуки не годятся для индивидуумовъ, которые чувствуютъ себя безпомощными безъ содѣйствія другихъ индивидуумовъ. Раздѣленіе труда невозможно безъ наличія рѣчи, которая должна выражать не только ощущенія, но также обозначать предметы и факты, оно можетъ развиться только въ той мѣрѣ, въ какой выработалась рѣчь, и, въ свою очередь, приноситъ съ собою потребность въ таковой.

Въ самой рѣчи обозначеніе *дѣятельности*, и именно человѣческой, является первоначальнымъ, обозначеніе же *вещей*—позднѣйшимъ. Глаголы старше существительныхъ: первые образуютъ корни, изъ которыхъ произошли эти вторые. Такимъ образомъ Лацарусъ Гейгеръ объясняетъ:

«Если задаешь себѣ вопросъ, почему свѣтъ и цвѣтъ были объектами безъ названія на первыхъ ступеняхъ рѣчи, но зато было названіе для дѣйствія наведенія краски, то отвѣтъ мы найдемъ въ томъ, что человѣкъ сначала давалъ названіе своимъ *дѣйствіямъ* или дѣйствіямъ себѣ подобныхъ, что онъ наблюдалъ затѣмъ, что происходило въ немъ самомъ и вблизи него, что его непосредственно интересовало, когда для такихъ возвышенныхъ вещей, какъ свѣтъ и тьма, блескъ и молнія онъ не имѣлъ еще понятій, не обладалъ для этого познавательной способностью. Разсмотримъ прошедшія передъ нами въ такомъ большомъ количествѣ (въ книгѣ) понятія; въ своихъ зачаткахъ они сводятся къ крайне ограниченному кругу *человѣческихъ движеній*. Поэтому-то понятія предметовъ природы берутъ свое начало такимъ удивительно окольнымъ путемъ изъ наблюденія *человѣческой дѣятельности*, которая какимъ-нибудь образомъ вызываетъ ихъ появленіе, часто производитъ даже что-нибудь, отдаленнымъ образомъ ихъ напоминающее. Вотъ почему дерево значитъ что-то обнаженное отъ коры, земля—

нѣчто растертое, растущая на ней рожь—что-то вскрытое. Вотъ почему земля и море, а также, чрезъ посредство облака, само небоъ исходятъ изъ одинаковаго основного представленія о чемъ-то растертомъ или намазанномъ, глинисто-полужидкомъ» («Происхожденіе языка», стр. 151 до 153).

Этотъ ходъ развитія языка не будетъ для насъ удивительнымъ, если мы поймемъ, что первой задачей языка было содѣйствовать пониманію людей при общей *дѣятельности* и *движеніяхъ*. Эта роль языка въ качествѣ помощника въ трудовомъ процессѣ дѣлаетъ, напр., понятнымъ, почему языкъ въ своихъ зачаткахъ имѣетъ такъ мало названій для обозначенія цвѣта. Гладстонъ и другіе заключили изъ этого, что греки временъ Гомера и другіе первобытные народы еще мало умѣли отличать цвѣта. Это очень ошибочный взглядъ. Опыты показали, что варварскіе народы имѣютъ очень развитое чувство цвѣта. Но ихъ *техника въ приготовленіи цвѣтовъ* очень слабо развита, число красокъ, которыя они могутъ производить, ничтожно, а потому число названій цвѣта только очень незначительно у нихъ.

«Если человѣку удается примѣнить краску, тогда названіе этой краски легко приметъ характеръ прилагательнаго. Такимъ путемъ возникаютъ первыя названія цвѣтовъ» (Грентъ-Алленъ. The colour sense, стр. 254).

Грентъ-Алленъ указываетъ также на то, что и нынѣ названія цвѣтовъ увеличиваются въ числѣ, по мѣрѣ того, какъ развивается техника въ производствѣ цвѣтовъ. Цѣлямъ *техники*, а не цѣлямъ *описанія природы* служатъ прежде всего названія красокъ.

Развитіе языка совершенно не поддается пониманію внѣ связи съ развитіемъ способа производства. Отъ послѣдняго также зависитъ, остается ли языкъ мѣстнымъ діалектомъ маленькаго племени, или дѣлается міровымъ языкомъ, на которомъ говорятъ сотни милліоновъ людей.

Развитіе языка даетъ необыкновенно сильное средство соціальной связи, громадное подкрѣпленіе и уясненіе соціальныхъ инстинктовъ. При этомъ получаются, конечно, еще совсѣмъ другія послѣдствія: языкъ становится могущественнѣйшимъ средствомъ для сохраненія и распространенія уже пріобрѣтенныхъ знаній, благодаря ему знанія эти передаются позднѣйшимъ поколѣніямъ; языкъ дѣлаетъ для насъ возможнымъ образованіе понятій, научное мышленіе, слѣ-

довательно—онъ содѣйствуетъ развитію науки, а отсюда и подчиненію природы наукою.

Только теперь человѣкъ достигаетъ господства надъ природой, а вмѣстѣ съ этимъ и кажущейся независимости отъ ея внѣшнихъ вліяній, которыя возбуждаютъ въ немъ идею свободы. По этому поводу сдѣлаемъ маленькое уклоненіе.

Очень вѣрно замѣчаетъ Шопенгауэръ:

«Для животнаго существуютъ только *наглядныя* представленія, а потому также только наглядные мотивы: зависимость его волеактовъ отъ мотивовъ, поэтому, очевидна. То же относится и къ человѣку: имъ также движутъ мотивы, конечно, соотвѣтственно его индивидуальному характеру, со строжайшей необходимостью, только мотивы эти, по большей части,—*не наглядныя*, но *абстрактныя* представленія, т.-е. понятія, мысли, которыя являются, однако, результатомъ прежнихъ воспріятій, слѣдовательно—внѣшнихъ вліяній. Но это-то и даетъ ему *относительную свободу*, а именно, по сравненію съ животнымъ, ибо поведеніе его не опредѣляется, какъ поведеніе животнаго, непосредственно окружающей его обстановкой, но также и мыслями, унаслѣдованными имъ отъ прошлыхъ опытовъ, или возникшими путемъ поученія. Поэтому-то мотивъ, который опредѣляетъ безусловно и его поступки, не является очевиднымъ для зрителя, но равно съ самимъ поступкомъ мотивъ этотъ носится въ головѣ человѣка. Все это придаетъ не только поступкамъ человѣка во всемъ ихъ цѣломъ, но также и всѣмъ его движеніямъ характеръ рѣзко отличный отъ дѣйствій животнаго: его тянутъ какъ будто тонкія, невидимыя нити; вотъ почему всѣ его движенія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то умышленнаго, намѣреннаго, что придаетъ имъ видъ независимости. Всѣ эти крупныя различія зависятъ, однако, исключительно отъ способности къ абстрактнымъ представленіямъ, къ понятіямъ» (Сочиненіе на соисканіе преміи по вопросу объ основахъ морали. 1860, стр. 148).

Способность къ абстрактнымъ представленіямъ опять-таки, однако, зависитъ отъ *рѣчи*. Вѣроятно, въ силу недостатка языка, получилось образованіе понятій. Въ природѣ существуютъ три только отдѣльныхъ предмета, а для того, чтобы имѣть возможность давать особое названіе для каждаго индивидуума, языкъ былъ слишкомъ бѣденъ.

Человѣкъ долженъ поэтому обозначать однимъ и тѣмъ же словомъ всѣ сходныя между собою существа, но такимъ путемъ

онъ безсознательно уже предпринимаетъ научную дѣятельность: обобщеніе сходнаго, отдѣленіе разнороднаго.

Языкъ, стало быть, сдѣлался не только органомъ *объясненія* различныхъ людей между собою, но также органомъ *мышленія*. Даже когда мы не говоримъ съ другими, а думаемъ про себя, мы все же должны каждую мысль облекать въ опредѣленныя слова.

Если языкъ доставляетъ, такимъ образомъ, человѣку относительную свободу по сравненію съ животнымъ, то способность эта развиваетъ лишь на болѣе высокой основѣ то, что началось со времени формированія мозга.

У низшихъ животныхъ двигательные нервы находятся въ прямой связи съ чувствительными: у нихъ каждое внѣшнее раздраженіе тотчасъ же и непосредственно разрѣшается движеніемъ. Мало-по-малу, однако, развивается главный нервный узелъ, становящійся центральнымъ пунктомъ всей нервной системы, который воспринимаетъ всѣ полученныя раздраженія и не передаетъ ихъ тотчасъ же двигательнымъ нервамъ чисто механически, а можетъ ихъ накоплять и обрабатывать. Высшее животное, такимъ образомъ, накопляетъ рядъ опытовъ, которыми оно можетъ пользоваться и которые можетъ оцѣнить, и инстинкты, которые оно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ состояніи передать потомству.

Такимъ образомъ, уже здѣсь, при посредствѣ мозга, зарождается связь между внѣшнимъ раздраженіемъ и движеніемъ. При помощи языка, который дѣлалъ возможнымъ передачу полученныхъ опытовъ другимъ, а также абстрактныхъ понятій, научныхъ знаній и убѣжденій, связь между ощущеніемъ и движеніемъ во многихъ случаяхъ дѣлается совершенно неуловимой.

Нѣчто подобное происходитъ въ экономіи. Первоначальная форма товарнаго обращенія—это есть обмѣнъ товаровъ, т.-е. продуктовъ, служащихъ личному и производственному потребленію. Здѣсь съ каждой стороны одинъ предметъ потребленія дается, другой принимается. Цѣль обмѣна—потребленіе—очевидна.

Все это мѣняется съ появленіемъ элемента, служащаго посредникомъ при обращеніи, *денегъ*. Теперь стало возможно продавать, не будучи вынужденнымъ тотчасъ же покупать, подобно тому, какъ мозгъ дѣлаетъ возможнымъ дѣйствіе на организмъ раздраженій, которыя не должны тотчасъ же разрѣшаться въ движеніе.

И подобно тому, какъ мозгъ допускаетъ накопленіе сокровищъ опыта и инстинктовъ, которыя могутъ даже передаваться наслѣдству, точно такъ же можно и изъ золота накоплять сокровища. И какъ эта способность накопленія сокровищъ опытовъ и инстинктовъ, при наличности необходимыхъ общественныхъ условій, въ конечномъ счетѣ дѣлаетъ возможнымъ развитіе науки и приводитъ къ власти надъ природой человѣческаго генія, такъ и накопленіе денежныхъ сокровищъ, при наступленіи опредѣленныхъ общественныхъ условій, дѣлаетъ возможнымъ превращеніе денегъ въ капиталъ, что крайне повышаетъ продуктивность человѣческаго труда и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій переворачиваетъ міръ больше, чѣмъ это было возможно прежде на протяженіи сотенъ тысячъ лѣтъ. И какъ встрѣчаются философы, которые думаютъ, что элементы—мозгъ и языкъ, познавательная способность и идеи—которые служатъ посредниками для установленія связи между ощущеніемъ и движеніемъ, являются сами по себѣ самостоятельными производителями силъ, даже, въ концѣ концовъ, творцами міра, а не только средствами для того, чтобы сдѣлать болѣе цѣлесообразной и успѣшной связь между индивидомъ и обществомъ, т.-е. значительно усилить ее,—точно такъ же встрѣчаются политико-экономы, воображающіе, что деньги, которыя служатъ посредникомъ при товарномъ обращеніи и, въ качествѣ капитала, даютъ возможность широко развернуть человѣческія производительныя силы, являются иниціаторами этого обращенія, суть творцы этихъ силъ, производители всѣхъ цѣнностей, сверхъ тѣхъ, что являются результатами примитивнѣйшаго ремесла.

Теорія о производительности капитала покоится на порядкѣ мыслей, совершенно аналогичномъ со взглядами на свободу воли и существованіе нравственнаго закона—закона, который, будучи независимъ отъ пространства и времени, управляетъ будто бы нашими дѣйствіями, совершающимися въ предѣлахъ пространства и времени.

Логично поэтому, что Марксъ нападалъ какъ на одинъ, такъ и на другой способъ мышленія.

b. Война и собственность.

Дальнѣйшее средство, которое создаетъ соціальное развитіе наряду съ сотрудничествомъ и языкомъ, для укрѣпленія соціальныхъ инстинктовъ, это—*война*.

Мы не имѣемъ никакого основанія допустить, что первобытный человѣкъ былъ воинственнымъ субъектомъ. Орды человѣкоподобныхъ обезьянъ, которыя, встрѣтясь на вѣтвяхъ плодовыхъ деревьевъ, могли подраться изъ-за пищи и прогнать одна другую. Примѣровъ убійства противниковъ мы не находимъ среди нынѣ живущихъ обезьянъ. О самцахъ гориллахъ, правда, повѣствуется, что они иногда такъ яростно дерутся между собою, что дѣло доходитъ до смертоубійствъ, но подобная борьба происходитъ только изъ-за самокъ, а не изъ-за кормовыхъ площадей.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда человѣкъ дѣлается охотникомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи оружіе, которое приспособлено для убійства, и когда онъ привыкаетъ также къ кровопролитію и лишенію жизни другихъ. Сюда присоединяется обстоятельство, на которое указывалъ уже Энгельсъ для объясненія людоѣдства, часто встрѣчающагося въ этой стадіи: необезпеченность жизненныхъ средствъ. Растительная пища имѣется въ тропическомъ лѣсу въ изобиліи. Въ луговыхъ мѣстахъ, напротивъ, плоды и корни не вездѣ могутъ быть найдены, а добываніе дичи сопровождается, по большей части, лишь случайнымъ успѣхомъ. Хищные звѣри поэтому-то и выработали способность невѣроятно долго голодать. Человѣческій желудокъ не столь выносливъ. Такимъ образомъ, нужда заставляетъ одно племя дикихъ вступить въ борьбу не на жизнь, а на смерть съ сосѣднимъ племенемъ, заселяющимъ хорошую площадь для охоты; въ такомъ случаѣ боевая ярость и мучительный голодъ, въ концѣ концовъ, побуждаютъ дикарей къ тому, чтобы не только *убивать* врага, но и *пожирать* его.

Такимъ образомъ, техническій прогрессъ порождаетъ войну, которая была совершенно чуждой человѣкоподобной обезьянѣ, войну не съ животными другихъ видовъ, но съ членами того же вида, войну, подчасъ еще болѣе кровавую, чѣмъ съ леопардами и пантерами, отъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныя обезьяны, навѣрно, умѣютъ обороняться, когда онѣ соединены въ большія группы.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, что прогрессъ культуры и повышеніе уровня знаній необходимо ведутъ за собою болѣе высокую степень гуманности. Можно бы скорѣе сказать, что обезьяна болѣе гуманна, слѣдовательно, болѣе человѣчна, чѣмъ человѣкъ. Убійство членовъ своего вида изъ-за экономическихъ мотивовъ—это

продуктъ культуры, оружейной техники, и до сихъ поръ еще на усовершенствованіе послѣдней тратится большая доля умственной энергіи человѣка.

Только подъ вліяніемъ особенныхъ условій и у отдѣльныхъ классовъ порождается, при дальнѣйшемъ ходѣ культуры, то, что принято называть смягченіемъ нравовъ. Прогрессирующее раздѣленіе труда отводитъ убійство животныхъ и людей — охоту, убой скота, казни, войну — въ удѣлъ особымъ классамъ, которые среди цивиллизаціи практикуютъ грубость и жестокость, сообразно своей профессіи или въ качествѣ спорта. Другіе классы совершенно освобождаются отъ необходимости, а часто и отъ возможности кровопролитія, какъ, напримѣръ, вегетаріанцы — земледѣльцы, живущіе въ рѣчныхъ долинахъ Индіи, которые самой природой лишены возможности держать большія стада скота и у которыхъ рогатый скотъ слишкомъ дорого цѣнится, какъ рабочая сила и какъ производитель молока, чтобы они рѣшились его убивать. Также и большинство горожанъ въ европейскихъ государствахъ, со времени гибели городскихъ республикъ и появленія наемныхъ войскъ, равно какъ и скотобойнаго ремесла, освободились отъ необходимости убивать живыя существа. Интеллигентамъ, въ особенности въ теченіе послѣднихъ столѣтій стало настолько чуждо всякое кровопролитіе, что, въ концѣ концовъ, оно приводитъ ихъ въ содроганіе, что они приписывали развитію въ ихъ средѣ высшаго интеллекта, который пробудилъ въ нихъ болѣе мягкія чувства. Но за послѣднія десятилѣтія всеобщая воинская повинность снова стала учрежденіемъ, общимъ для большинства европейскихъ государствъ, и войны опять приняли характеръ народныхъ войнъ, благодаря чему мягкости нравовъ нашей интеллигенціи былъ положенъ конецъ. Съ тѣхъ поръ нравы интеллигенціи сильно огрубѣли: смертная казнь, которая въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка была всѣми осуждаема, не встрѣчаетъ больше сопротивленія среди нея, и звѣрства колоніальныхъ войнъ, виновникамъ которыхъ полстолѣтія тому назадъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, немыслимо было бы даже и появляться на свѣтъ, теперь въ той же Германіи прощаются и даже часто прославляются!

Тѣмъ не менѣе, война среди европейскихъ народовъ не играетъ уже той роли, какую играла прежде среди кочующихъ охотничьихъ и пастушескихъ племенъ. Если война создаетъ грубость и кровожадность по отношенію къ врагу, то, съ другой стороны, она

является и могучимъ средствомъ, при помощи котораго укрѣпляется связь внутри племени, внутри общества. Чѣмъ больше опасности грозитъ отдѣльной особы со стороны врага, тѣмъ болѣе чувствуетъ она себя зависимой отъ своего общества, племени, родни, которыя одни и могутъ ее защитить объединенными силами, тѣмъ больше общественнаго уваженія удѣляется добродѣтели самоотверженія или храбрости, рискующей жизнью для пользы общества. Чѣмъ болѣе кровавый характеръ носятъ войны между племенами, тѣмъ сильнѣе также будетъ дѣйствовать среди нихъ система подбора, тѣмъ лучше усвоятъ тѣ племена, сочлены которыхъ являются не только самыми сильными, но и самыми умными, храбрыми, способными на жертвы и наиболѣе дисциплинированными, необходимость объединенныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, въ тѣ примитивныя времена война различными путями содѣйствовала укрѣпленію въ людяхъ соціальныхъ инстинктовъ.

Но сама война въ теченіе процесса общественнаго развитія мѣняетъ свои формы. Мѣняются также и причины, ее вызывающія. Ея первая причина—ненадежность источниковъ жизненнаго пропитанія—исчезаетъ, какъ только земледѣліе и скотоводство достигаютъ большаго развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступаетъ теперь новая причина войны: *обладаніе богатствами*, не частное обладаніе, но обладаніе всѣмъ племенемъ. Наряду съ племенами, живущими въ обильныхъ мѣстахъ, мы находимъ таковыя же въ безплодныхъ; рядомъ съ кочующими, воинственными и бѣдными пастухами встрѣчаются осѣдлые крестьяне, отвыкшіе отъ употребленія оружія, хозяйство которыхъ доставляетъ имъ обильные избытки, и т. д. Отнынѣ война становится грабежомъ и обороной отъ грабежа и такой остается она до нашихъ дней.

Но и этотъ ходъ войны сильно содѣйствуетъ укрѣпленію соціальныхъ инстинктовъ, пока собственность остается преимущественно общественной. Напротивъ того, вліяніе войны на усиленіе соціальныхъ инстинктовъ парализуется по мѣрѣ того, какъ въ нѣдрахъ общины формируются классовыя противоположности съ частной собственностью и чѣмъ больше война становится исключительнымъ дѣломъ господствующихъ классовъ, которые стремятся къ тому, чтобы расширить область своей эксплоатаціи или же стать на мѣсто другого господствующаго класса въ сосѣдней странѣ. Для подчиненныхъ классовъ вопросъ при такихъ войнахъ идетъ уже не объ ихъ собственномъ существованіи, иногда даже не о лучшихъ или худшихъ жиз-

ненныхъ средствахъ, но только о томъ, кто будетъ ихъ властелиномъ. Съ другой стороны, отнынѣ войско становится или аристократической арміей, въ которой народная масса не принимаетъ участія, или же, если масса эта содѣйствуетъ ей, то либо въ формѣ наемной арміи, либо арміи по принужденію которой командуетъ господствующій классъ и которая ставитъ на карту свою жизнь не ради защиты своей собственности, своихъ женъ и дѣтей, но ради чужихъ интересовъ, подчасъ ей же враждебныхъ. Такія войска удерживаются не силой соціальныхъ инстинктовъ, но страхомъ передъ неумолимо жестокимъ уголовнымъ закономъ. Такія арміи внутренне расколоты ненавистью массъ противъ вожаковъ и равнодушіемъ, и даже недовѣріемъ послѣднихъ по отношенію къ своимъ подданнымъ.

На этой ступени война перестаетъ быть для народной массы школой соціальныхъ инстинктовъ. Въ господствующихъ, воинственныхъ классахъ война становится школой высокомѣрной заносчивости по отношенію къ подчиненнымъ классамъ, ибо война научаетъ господствующіе классы обращаться съ подчиненными имъ, какъ съ солдатами, развивать въ послѣднихъ безвольную покорность предъ абсолютной командой и распоряжаться безпощадно ихъ силами, даже ихъ жизнью.

Такое развитіе войны, какъ ужъ сказано нами, есть послѣдствіе развитія собственности, которое опять-таки произошло вслѣдствіе развитія техники.

Каждымъ предметомъ, производимымъ въ обществѣ или при помощи котораго что-либо производится, кто-либо долженъ распоряжаться и имѣетъ право распоряжаться, будь это отдѣльное лицо, группа или все общество. Способъ этого распоряженія опредѣлялся, прежде всего, самою природой вещей и природой соотвѣтственной формы производства. Кто самъ для себя сдѣлалъ оружіе, самъ же его и употребляетъ; точно такъ же тотъ, кто самъ себѣ приготовилъ какое-нибудь одѣяніе или украшеніе, самъ же и носитъ его; напротивъ, казалось столь же естественнымъ, чтобы домъ, который племя общими силами строило для себя, служилъ общимъ жилищемъ. Различные виды извлеченія пользы изъ различныхъ вещей были, слѣдовательно, заранѣе даны, повторялись изъ поколѣнія въ поколѣніе и стали установившимися привычками.

Такимъ образомъ возникло обычное право, которое потомъ было еще расширено тѣмъ, что каждый разъ, когда возникали споры изъ-за

способа пользованія или относительно лицъ, которымъ надлежало пользоваться какой-либо вещью, вопросъ этотъ разрѣшался собраніемъ членовъ общества. Право имѣло своимъ источникомъ не заранѣе обдуманное законодательство или общественный договоръ, но обычай, покоящійся на техническихъ условіяхъ, а при недостаточности ихъ—на третейскихъ приговорахъ общества, которое судило каждый данный случай. Такимъ образомъ, мало-по-малу возникло многообразное право собственности на различныя средства производства и продукты общества.

Общинное право собственности сначала преобладало именно во владѣніи средствами производства, сообща обработаннымъ полемъ, сооруженіями по водоснабженію, домами, разумѣется, также и во владѣніи стадами скота. И эта обширная собственность должна была необыкновенно укрѣпить соціальные инстинкты, интересъ къ общинѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она сильно увеличивала подчиненіе общинѣ, зависимость отъ нея. Совершенно иное вліяніе оказываетъ частная собственность отдѣльныхъ семействъ или индивидуумовъ, какъ только она достигаетъ такого расширенія, что начинаетъ оттѣснять общинную собственность. Это наступило тогда, когда, въ силу все растущаго раздѣленія труда, различныя ремесла начали отдѣляться отъ земледѣлія, при которомъ они до сихъ поръ были побочнымъ занятіемъ, когда ремесла эти стали самостоятельными и стали все больше развѣтвляться.

Развитіе это обозначаетъ собою расширеніе предѣловъ общества при посредствѣ раздѣленія труда, расширеніе числа тѣхъ людей, которые соединялись въ такого рода общества, что работали другъ для друга, слѣдовательно—ставили во взаимную зависимость свое существованіе. Но это расширеніе общественной работы шло не путемъ все большаго расширенія сферы *общаго труда*, но путемъ отпаденія отдѣльныхъ работъ, которыя становились частнымъ дѣломъ отдѣльныхъ производителей, производящихъ то, чего они не могутъ потреблять, и, напротивъ, вымѣнивающихъ свои продукты на продукты другихъ промысловъ, чтобы потреблять таковые.

Такимъ образомъ, теперь отступаютъ на задній планъ общественное производство и общественныя орудія производства въ большихъ, въ существенномъ самодовлѣющихъ обществахъ, по сравненію съ частнымъ производствомъ и частной собственностью отдѣльныхъ индивидовъ или паръ съ ихъ дѣтьми, которые про-

изводятъ товары, т.-е. продукты не для личнаго употребленія, но для продажи.

Съ этихъ поръ рядомъ съ частной собственностью, которая существовала уже и раньше, выступаетъ совершенно новый моментъ: *конкурренція* различныхъ отдѣльныхъ производителей одного и того же вида, борющихся изъ-за своей доли на рынкѣ.

Часто разсматриваютъ конкурренцію, а также и войну, какъ проявленіе той борьбы за существованіе, которой охвачена вся природа. Но фактически то и другое береть свое начало въ техническомъ прогрессѣ человѣчества и составляетъ своеобразную форму именно этого прогресса. Война и конкурренція отличаются отъ борьбы за существованіе, господствующей въ животномъ мірѣ, тѣмъ, что послѣдняя есть борьба отдѣльныхъ индивидовъ или цѣлыхъ обществъ съ окружающей природой, борьба съ живыми и мертвыми силами природы, при чемъ лучше приспособленные для переживанія исключительно неблагопріятныхъ положеній скорѣе сохраняются и размножаются. Но борьба за существованіе въ животномъ мірѣ не есть борьба не на животъ, а на смерть съ другими индивидами того же вида, исключая развѣ нѣкоторыхъ хищныхъ животныхъ, у которыхъ, однако, послѣдняго рода борьба играетъ только весьма подчиненную роль въ борьбѣ за существованіе, и исключая также борьбу изъ-за полового подбора. Только у людей борьба противъ особей того-же вида выступаетъ на первый планъ, какъ средство устоять въ борьбѣ за жизнь. Но и здѣсь, въ свою очередь, существуетъ громадное различіе между войной и конкурренціей. Война есть борьба, возникающая между двумя различными обществами, она обозначаетъ собою перерывъ въ производствѣ и не можетъ быть постояннымъ явленіемъ. Она обусловливаетъ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ не существуетъ сильныхъ классовыхъ противорѣчій, сильнѣйшую соціальную связь, слѣдовательно, въ высокой мѣрѣ содѣйствуетъ укрѣпленію соціальныхъ инстинктовъ. Конкурренція, напротивъ, есть борьба между отдѣльными индивидами *одного и того же общества*. Эта борьба есть регуляторъ, притомъ крайне своеобразный, направляющій ходъ общественнаго сотрудничества различныхъ частныхъ производителей такимъ образомъ, чтобы въ послѣднемъ счетѣ эти частные производители постоянно производили общественно необходимое, т.-е. то, что при данныхъ общественныхъ условіяхъ является необходимымъ. Если война вызываетъ временный перерывъ производства, то конкур-

ренція является постояннымъ необходимымъ спутникомъ производства, тамъ гдѣ оно носитъ характеръ товарнаго.

Какъ и война, конкурренція есть большая трата энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ средство, которое вынуждаетъ къ крайнему напряженію всѣхъ производительныхъ силъ и ихъ быстрѣйшему совершенствованію. Она поэтому имѣетъ большое хозяйственное значеніе, пока она не ссздаетъ такихъ гигантскихъ производительныхъ силъ, что имъ становится такъ же тѣсно въ рамкахъ товарнаго производства, какъ раньше стало тѣсно въ рамкахъ общественнаго или товарищескаго примитивнаго хозяйства растущему раздѣленію труда. Перепроизводство, а также искусственное сокращеніе его при посредствѣ предпринимательскихъ союзовъ свидѣтельствуютъ, что миновало то время, когда конкурренція была шпорой, содѣйствовавшей общественному развитію.

Она и всегда дѣлала это только въ формѣ побужденія къ возможно большему расширенію производства. Напротивъ, конкурренція между отдѣльными членами одного и того же общества при всѣхъ обстоятельствахъ именно убійственно вліяла на соціальные инстинкты, ибо въ этой борьбѣ всего скорѣе устоять могъ тотъ, кто не руководился соціальными соображеніями, кто, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду исключительно свой собственный интересъ. Для человѣка періода развитой формы товарнаго производства вполнѣ понятно было видѣть въ эгоизмѣ единственный естественный инстинктъ и смотрѣть на соціальные инстинкты либо какъ на утонченный эгоизмъ, либо какъ на выдумку поповъ для господства надъ человѣкомъ, либо же какъ на сверхъестественную тайну. Если же въ современномъ обществѣ соціальные инстинкты еще сохранили нѣкоторую силу, то этимъ мы обязаны тому, что развитое товарное производство представляетъ собою еще совсѣмъ недавнее явленіе, насчитывающее за собою всего какихъ-нибудь сто лѣтъ, и что—по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ первобытный демократическій коммунизмъ, а въ силу этого и война перестаетъ быть источникомъ соціальныхъ инстинктовъ—открывается новый, еще болѣе обильный источникъ таковыхъ; этимъ источникомъ является *классовая борьба* воспрянувшихъ эксплоатируемыхъ трудящихся массъ, война, которая ведется не наемными войсками и не по принужденію, не за чуждые интересы, но за интересы собственнаго класса.

4. Сфера дѣйствія соціальныхъ инстинктовъ.

а. Международныя отношенія.

Еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ степень *силы*, мѣняется *область*, внутри которой дѣйствуютъ соціальные инстинкты, съ развитіемъ общества. Традиціонная этика видитъ въ нравственномъ законѣ силу, которая регулируетъ отношенія людей между собою. Такъ какъ она исходитъ отъ индивидуума, а не отъ общества, то она совершенно не замѣчаетъ, что нравственный законъ регулируетъ не отношенія людей между собою вообще, но отношенія людей, принадлежащихъ *къ одному и тому же обществу*. Это становится понятнымъ, если припомнить происхожденіе соціальныхъ инстинктовъ. Послѣдніе являются средствомъ для увеличенія *общественной* связи, для укрѣпленія силы общества. Животное ощущаетъ соціальный инстинктъ только по отношенію къ сочленамъ собственнаго стада, къ другимъ стадамъ оно болѣе или менѣе равнодушно. У соціальныхъ хищныхъ звѣрей мы встрѣчаемъ прямо-таки враждебное отношеніе къ сочленамъ чужихъ стай. Такъ, напр., въ Константинополѣ паріи-собаки каждой улицы бдительно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни одна чужая собака не забрела въ занятый ими районъ; такая собака тотчасъ же изгоняется или даже растерзывается.

Въ такія же отношенія вступаютъ между собою человѣческія орды, какъ только охота и война возникаютъ между ними. Одной изъ важнѣйшихъ формъ борьбы за существованіе является между ними теперь борьба одной орды противъ другой орды того же вида. Человѣкъ, не являющійся сочленомъ собственнаго общества, считается теперь прямо врагомъ. Соціальные инстинкты не только не дѣйствуютъ *за него*, но—*противъ него*. Чѣмъ сильнѣе эти инстинкты въ данной ордѣ, тѣмъ скорѣе устоитъ послѣдняя противъ внѣшняго врага, тѣмъ съ большей энергіей она побѣждаетъ послѣдняго. Соціальныя добродѣтели, готовность къ оказанію помощи, самопожертвованіе, любовь къ правдѣ и т. д. дѣйствительны только по отношенію къ товарищу, а не по отношенію къ члену другого общественнаго организма. Однажды мнѣ поставили въ вину попытку констатировать этотъ фактъ въ «Neue Zeit» и мое сужденіе истолковали въ такомъ смыслѣ, что я будто бы желаю установить особый соціалъ-демократическій моральный принципъ, въ противополож-

ность принципамъ вѣчнаго нравственнаго закона, требующаго безусловной справедливости по отношенію ко всякому. Въ дѣйствительности, я только провелъ ту мысль, что жившій въ человѣческой груди, со времени очеловѣченія нашихъ предковъ, нравственный законъ гласилъ, что по отношенію къ врагу соціальныя добродѣтели отнюдь не обязательны. На этомъ основаніи отнюдь невозможно возмутиться соціалъ-демократіей, ибо нѣтъ другой партіи въ мірѣ, которая бы шире истолковывала понятіе общества, чѣмъ эта интернаціональная партія, захватывающая всѣ націи, всѣ расы въ сферу своей солидарности.

Изъ того, что нравственный законъ имѣетъ силу только по отношенію къ членамъ собственнаго общества, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы границы его были даны разъ навсегда. Онѣ растутъ скорѣе въ той мѣрѣ, въ какой прогрессируетъ раздѣленіе труда, въ какой растетъ его производительность, равно какъ совершенствуются средства междучеловѣческихъ сношеній. Увеличивается количество людей, которыхъ данная область въ состояніи прокормить, могущихъ работать въ опредѣленной области другъ для друга и другъ съ другомъ и, такимъ образомъ, объединенныхъ общественной связью. Но увеличивается также количество областей, жители которыхъ живутъ между собою въ единеніи, чтобы работать другъ для друга, образовавъ общественный союзъ. Растетъ, наконецъ, объемъ областей, которыя вступаютъ между собою въ тѣсную общественную связь и образуютъ стойкую общественную организацію, съ общимъ языкомъ, общими правами, общими законами. Послѣ смерти Александра Македонскаго народы восточнаго басейна Средиземнаго моря образовали международный союзъ съ международнымъ языкомъ—греческимъ. Благодаря римскому владычеству, всѣ страны вокругъ всего Средиземнаго моря образовали еще болѣе обширный международный кругъ, въ которомъ исчезли всѣ національныя различія и который считалъ себя представителемъ человѣчества. Новая религія этого круга народовъ, выступившая на мѣсто старыхъ національныхъ религій, отнынѣ стала міровой религіей съ единымъ Богомъ, объемлющимъ весь міръ, предъ лицомъ котораго всѣ люди равны. Эта религія обращалась ко всѣмъ людямъ, объявляла всѣхъ ихъ дѣтьми одного и того же Отца—братьями.

Но фактически и здѣсь дѣло шло о нравственномъ законѣ только для членовъ собственнаго культурнаго круга, для «христіанъ».

для «вѣрующихъ». Центръ христіанства передвигался все дальше на сѣверъ и западъ, по мѣрѣ поступательнаго шествія переселенія народовъ. На востокѣ и югѣ образовался новый международный и культурный кругъ съ собственной нравственностью—исламъ, который тоже подвигался впередъ въ Азію и Африку, какъ христіанство—въ Европу.

Теперь, однако, подобный международный кругъ все расширяется, благодаря капитализму, принимаетъ все болѣе всемірный характеръ, охватывая буддистовъ, мусульманъ, персовъ, приверженцевъ браминизма, въ равной степени, какъ и христіанъ, которые все больше перестаютъ быть истинными христіанами.

Такимъ образомъ сформировалась основа для окончательнаго осуіествленія того моральнаго воззрѣнія, которое уже было высказано христіанствомъ, но очень бѣгло, такъ что оно оказалось не въ силахъ осуществить его—и оно осталось пустой фразой для массы христіанъ—воззрѣніе о равенствѣ всѣхъ людей, воззрѣніе, что соціальные инстинкты, нравственныя добродѣтели должны практиковаться по отношенію ко всѣмъ въ одинаковой степени. Такимъ базисомъ для всеобщей человѣческой морали послужило не усовершенствованіе человѣка, что бы ни понималось подъ этимъ выраженіемъ, но развитіе *производительныхъ силъ* человѣка, расширеніе общественнаго раздѣленія труда, усовершенствованіе путей сообщенія. Однако, еще и теперь новая мораль далека отъ того, чтобы стать моралью всѣхъ людей, хотя бы только въ экономически-прогрессивныхъ странахъ. До сихъ поръ еще на дѣлѣ она является моралью пролетаріата, съ проснувшимся классовымъ самосознаніемъ той части пролетаріата, которая по своимъ ощущеніямъ и мышленію откололась отъ остального населенія и, въ противовѣсъ буржуазіи, выработала себѣ собственную мораль. Разумѣется, именно капиталъ является тѣмъ факторомъ, который создаетъ моральный базисъ всеобщей человѣческой морали, но базисъ этотъ онъ создаетъ только тѣмъ, что непрерывно топчетъ ногами эту самую мораль. Капиталистическія націи круга европейскаго общества расширяютъ этотъ кругъ путемъ расширенія области своей эксплоатаціи, а это возможно лишь на почвѣ насилія. Такимъ образомъ, онѣ создаютъ основы для будущаго всемірнаго мира путемъ всемірной войны, основы всеобщей солидарности всѣхъ націй—путемъ эксплоатаціи этихъ націй, основы для вовлеченія всѣхъ колоніальныхъ земель въ кругъ европейской культуры—

путемъ подчиненія себѣ всѣхъ этихъ земель при посредствѣ самыхъ низкихъ насилій злѣйшаго варварства. Только пролетаріатъ, который не принимаетъ никакого участія въ капиталистической эксплоатаціи, повсюду съ ней борется и вынужденъ съ ней бороться, строитъ на созданной капитализмомъ основѣ мірового обмѣна и мірового хозяйства общественную форму, въ которой равенство всѣхъ людей передъ нравственнымъ закономъ превратится изъ благочестиваго пожеланія въ дѣйствительность.

b. Дѣленіе на классы.

Но если экономическое развитіе стремится къ тому, чтобы все больше расширить общественный кругъ, внутри котораго дѣйствуютъ соціальные инстинкты, пока онъ, наконецъ, не охватитъ всего человѣчества, то это же самое развитіе одновременно создаетъ внутри общественнаго круга не только *частные* обособленные интересы, сильно по временамъ ослабляющіе соціальные инстинкты, но также и обособленные общественные интересы; внутри своей болѣе узкой сферы дѣятельности эти интересы сильно укрѣпляютъ соціальные инстинкты и добродѣтели, но въ то же время проявленіе этихъ инстинктовъ можетъ клониться ко вреду другихъ членовъ остального общественнаго организма или, по крайней мѣрѣ, враждебно настроенныхъ отдѣльныхъ слоевъ или классовъ.

Формированіе классовъ есть тоже продуктъ раздѣленія труда. Уже животное общество не представляетъ собою однородной формаціи. Въ его нѣдрахъ уже встрѣчаются различныя группы, которыя имѣютъ различное значеніе для общины и внутри общины. Но здѣсь эта группировка всецѣло останавливается на естественныхъ различіяхъ. Таковыми являются, прежде всего, различія по *полу*, а затѣмъ и по *возрасту*. Внутри каждаго пола мы встрѣчаемъ группы дѣтей, подростковъ, взрослыхъ и, наконецъ, стариковъ. Изобрѣтеніе орудій прежде всего служитъ къ тому, чтобы еще усилить отличія нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ, такъ какъ къ инымъ изъ нихъ пріурочиваются особыя орудія. Такимъ образомъ, охота и война достаются на долю мужчинъ, которымъ легче скитаться, чѣмъ женщинамъ, постоянно обремененнымъ своими дѣтьми. Только это, а не мнимая бо̀льшая способность къ вооруженію, должно было сдѣлать охоту и войну у большинства народовъ монополіей мужчинъ. Тамъ, гдѣ въ исторіи и сагахъ встрѣчаются женщины охотники и воины, это

бываютъ всегда *дѣвы*. Въ силѣ, выдержкѣ и храбрости у женщинъ не было недостатка, но *материнство* плохо уживается съ непостоянствомъ жизни охотника и воина. Такъ какъ материнство, прежде всего, вынуждаетъ женщину къ постоянному пребыванію на одномъ мѣстѣ, то на ея долю скорѣе выпадаютъ тѣ задачи, которыя обусловливаются нѣкоторой осѣдлостью, а именно: обработка полевыхъ плодовъ, храненіе домашняго очага и т. п.

Смотря по значенію, которое пріобрѣтали охота и война, съ одной стороны, обработка полей и домашній обиходъ—съ другой, и, смотря по тому участію, которое каждый изъ двухъ половъ принималъ въ этихъ занятіяхъ, обликъ мужчины и женщины и роль ихъ въ обществѣ мѣняются. Значеніе группы людей извѣстнаго возраста тоже зависитъ отъ способа производства. Если преобладаетъ охота, которая связана съ большой неувѣренностью въ жизненныхъ источникахъ и по временамъ съ большими странствованіями, тогда старики становятся въ тягость обществу. Ихъ часто убиваютъ, иногда даже пожираютъ. Иначе обстоитъ дѣло, когда люди дѣлаются осѣдлыми, когда скотоводство и земледѣліе начинаютъ доставлять болѣе обильные доходы. Теперь старики могутъ спокойно оставаться дома, и для нихъ хватаетъ пищи. Но теперь начинаетъ также играть роль накопленіе большого запаса опыта и знаній въ обществѣ, хранителями которыхъ въ народѣ, до изобрѣтенія письма или до его широкаго распространенія, были старики. Они являлись передатчиками того, что можно разсматривать, какъ зачатки науки. Такимъ образомъ, они теперь не считаются вредной обузой, къ нимъ относятся съ почтеніемъ, какъ къ носителямъ высокой мудрости. Письменные знаки, а еще болѣе книгопечатаніе лишили стариковъ привиллегіи быть воплощеніемъ суммы всего накопившагося опыта и преданій общества. Постоянное революціонизированіе всякаго опыта, которое затѣмъ стало сопутствующимъ современному способу производства явленіемъ, сдѣлало старыя преданія врагомъ всего новаго; послѣднее стало a priori считаться лучшимъ, старое же—устарѣлымъ, а потому плохимъ. Старость вызываетъ только еще состраданіе, она больше не пользуется престижемъ. Отнынѣ нѣтъ большей похвалы для старика, чѣмъ та, что онъ еще молодъ и воспріимчивъ для всего новаго.

Въ обществѣ мѣняется оцѣнка различныхъ группъ по возрасту, въ связи съ различными способами производства, какъ и оцѣнка половъ. Прогрессъ въ области раздѣленія труда давалъ возможность

проявляться дальнѣйшимъ различіямъ внутри каждаго пола, больше всего среди мужчинъ. Женщина, именно благодаря все болѣе прогрессирующему раздѣленію труда, приковывалась къ домашней обстановкѣ, объемъ которой все суживался, вмѣсто того, чтобы расширяться, такъ какъ отъ нея отпадало постоянно значительное число отраслей производства, принимавшихъ самостоятельный характеръ и переходившихъ въ вѣдѣніе мужчинъ. Техническій прогрессъ, раздѣленіе труда, дѣленіе на различныя профессіи—ограничивались до послѣдняго столѣтія почти исключительно міромъ мужчинъ, только кое-что изъ этого отразилось на домашнемъ обиходѣ женщины.

Чѣмъ дальше шло это дѣленіе на различныя профессіи, тѣмъ болѣе усложнялся общественный организмъ, органы котораго онѣ составляли. Способъ ихъ взаимодѣйствія въ общественномъ процессѣ, въ хозяйственномъ, другими словами—способъ производства не есть нѣчто случайное. Онъ совершенно независимъ отъ воли отдѣльныхъ индивидовъ и необходимымъ образомъ опредѣляется данными матеріальными условіями. Среди нихъ опять-таки техника является наиважнѣйшимъ факторомъ, такимъ, развитіе котораго опредѣляетъ развитіе способа производства. Но это не единственный факторъ.

Возьмемъ примѣръ. Матеріалистическое пониманіе исторіи неоднократно истолковывалось въ томъ смыслѣ, что извѣстная техника прямо обозначаетъ собою и извѣстный способъ производства, даже извѣстную общественную и политическую форму. Но такъ какъ такого совпаденія мы не наблюдаемъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ тѣ же орудія въ различныхъ общественныхъ стадіяхъ, то дѣлается выводъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи ложно и общественныя отношенія не опредѣляются одной только техникой. Возраженіе вѣрное, но оно не попадаетъ въ матеріалистическое пониманіе исторіи, а поражаетъ лишь его каррикатуру, возникшую благодаря смѣшенію понятій *техника и способъ производства*.

Утверждаютъ, напр., что плугъ образуетъ основу крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ, онъ встрѣчается при самыхъ различныхъ общественныхъ формахъ. Все это вѣрно, но посмотримъ, однако, чѣмъ обусловливаются отклоненія различныхъ общественныхъ формъ, возникающихъ на основѣ крестьянскаго хозяйства. Возьмемъ, къ примѣру, крестьянское населеніе, живущее на берегахъ одного изъ тѣхъ большихъ тропическихъ или подтропическихъ потоковъ, ко-

торый періодически заливаетъ берега, принося съ собою гибель или удобреніе для почвы. Водяныя сооруженія необходимы, чтобы удержать въ одномъ мѣстѣ воды, отвести ихъ въ другомъ. Населеніе одной деревни не въ состояніи возвести своими силами соотвѣтственныя сооруженія. Цѣлый рядъ такихъ деревень долженъ соединиться, каждая обязана поставить рабочихъ, должны быть назначены чиновники, съ порученіемъ направлять работы по устройству и содержанію сооруженій въ надлежащемъ видѣ. Чѣмъ грандіознѣе сооруженія, чѣмъ больше крестьянскаго населенія причастно къ нему, тѣмъ значительнѣе число обязательныхъ рабочихъ, которыхъ оно поставляетъ, тѣмъ глубже тѣ спеціальныя знанія, которыя потребны для того, чтобы воздвигнуть такія строенія, тѣмъ шире власть и авторитетъ руководящихъ чиновниковъ по отношенію къ массѣ населенія. Такъ возникаетъ здѣсь на основѣ крестьянскаго хозяйства каста жрецовъ или чиновниковъ, какъ это было въ рѣчныхъ долинахъ Нила, Эвфрата и Ганга.

Другой видъ развитія встрѣчаемъ мы тамъ, гдѣ въ плодородныхъ легко доступныхъ долинахъ прочно осѣло цвѣтущее крестьянское хозяйство рядомъ съ разбойниками-номадами. Необходимость отраженія этихъ номадовъ вынуждаетъ крестьянъ формировать у себя оборонительное войско, что, опять-таки, можетъ совершаться на различные лады: или одна часть крестьянъ отдается военному дѣлу и отдѣляется отъ другихъ, которые взамѣнъ этого несутъ передъ ней повинности въ видѣ платы, или разбойничьи сосѣди склоняются путемъ дани къ миру, защитѣ и покровительству населенія отъ нападеній другихъ разбойниковъ, или же, наконецъ, сосѣди завоевываютъ страну и остаются въ ней господами надъ крестьянствомъ, которыхъ они заставляютъ платить себѣ подати, но для которыхъ они являются въ то же время оборонительнымъ войскомъ. Послѣдствіе, однако, всегда одно и то же: возникновеніе феодальнаго дворянства, которое подчиняетъ себѣ крестьянство и эксплоатируетъ его.

Иногда и тотъ, и другой путь развитія соединяются вмѣстѣ: тогда къ кастѣ жрецовъ или чиновниковъ присоединяется еще военная каста.

Опять-таки, иначе складывается развитіе крестьянства, живущаго у моря съ хорошими гаванями, которыя способствуютъ мореплаванію, и недалеко лежащими берегами съ богатымъ населеніемъ. Рядомъ съ земледѣліемъ здѣсь развивается рыболовство, которое

создаетъ переходъ къ морскому грабежу и морской торговлѣ. На какой-нибудь, особенно-приспособленной, морской пристани скопляются добыча и товары, образуется городъ богатыхъ купцовъ. Здѣсь для крестьянства открывается рынокъ для сбыта его продуктовъ, ему предстоятъ денежные доходы, но также денежныя издержки, денежныя обязательства, долги. Вскорѣ онъ попадаетъ въ денежную зависимость къ городскимъ собственникамъ денегъ.

Морское разбойничество и морская торговля, а также морская война доставляютъ странѣ массу дешевой рабочей силы—рабовъ; городскіе денежные собственники рѣшаются, наконецъ, изгнать крестьянъ-должниковъ изъ ихъ имѣній, вмѣсто того, чтобы продолжать эксплоатировать, а имѣнія они превращаютъ въ большія плантанціи, вводя въ нихъ на мѣсто крестьянскаго рабское хозяйство, причемъ орудія и инвентарь земледѣлія—его техника — не подвергаются при этомъ ни малѣйшимъ измѣненіямъ.

Наконецъ, мы встрѣчаемъ четвертый типъ крестьянскаго развитія—на трудно доступныхъ плоскогоріяхъ. Почва тамъ скудная и трудно поддается обработкѣ. Рядомъ съ земледѣліемъ господствующимъ занятіемъ остается скотоводство, но ни то, ни другое недостаточны для большаго прироста населенія. А у подножія горъ привлекаютъ плодородныя, хорошо воздѣланныя угодья. Горные крестьяне пытаются ихъ завоевать и эксплоатировать или же, гдѣ они встрѣчаютъ сопротивленіе, отдаютъ въ наемъ избытокъ своего населенія въ качествѣ наемныхъ солдатъ. Военная опытность послѣднихъ, вмѣстѣ съ непривѣтливостью и недоступностью страны, содѣйствуетъ тому, что она не боится чужихъ нашествій; гарантируетъ отъ нихъ также и бѣдность страны. Въ такомъ случаѣ въ подобныхъ мѣстностяхъ сохраняется старинная крестьянская демократія, между тѣмъ, какъ кругомъ уже давно все крестьянство оказалось въ зависимости отъ феодаловъ, поповъ, купцовъ и ростовщиковъ. Иногда подобнаго рода первобытная аристократія сама вводитъ въ сосѣдней странѣ, которую она завоевала, учрежденія эксплоататорскаго характера, совершенно противоположныя собственной высокочтимой свободѣ. Такъ, напримѣръ, старинные кантоны родины Вильгельма Телля при посредствѣ своихъ фогтовъ практиковали въ Тессинѣ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ образъ правленія, опустошительный гнетъ котораго можетъ вполнѣ сравниться съ гнетомъ сказочнаго Гесслера.

Все это показываетъ намъ, что весьма различные способы производства и формы дѣленія на классы совмѣстимы съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Но что лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ различій? Противники матеріалистическаго пониманія исторіи сводятъ ихъ то къ насилію, то къ различію идей, складывающихся въ головахъ различныхъ народностей. Несомнѣнно, конечно, что при установленіи всѣхъ этихъ способовъ производства насиліе сыграло большую роль. Марксъ, какъ извѣстно, называлъ ее повивальной бабкой всякаго новаго общества. Но что опредѣляетъ собою роль насилія; какъ это случается, что именно одинъ слой населенія при помощи насилія побѣждаетъ, а другой—нѣтъ, и что насиліе приводитъ именно къ такимъ, а не другимъ результатамъ,—на всѣ эти вопросы теорія насилія не даетъ намъ отвѣта. Равнымъ образомъ, и теорія идей оставляетъ тайной, откуда происходятъ идеи, которыя въ горной странѣ порождаютъ свободу, а въ рѣчныхъ мѣстностяхъ—касту жрецовъ, на морскомъ берегу—денежное и рабское хозяйство, а въ холмистыхъ—феодальную зависимость.

Мы видѣли, что эти различія въ развитіи тѣхъ же крестьянскихъ хозяйствъ покоятся на различіяхъ въ естественной и общественной средѣ даннаго хозяйства. Смотря по природѣ страны, смотря по нравамъ его сосѣдей, крестьянское хозяйство при данной техникѣ становится основой различныхъ общественныхъ формъ. Эти особенныя общественныя формы, рядомъ съ естественными факторами, служатъ дальнѣйшимъ фундаментомъ, на которомъ своеобразнымъ образомъ складывается дальнѣйшее развитіе.

Такимъ образомъ, напр., германцы, когда они во время переселенія народовъ ворвались въ римское всемірное государство, нашли имперію съ ея бюрократіей, городскимъ бытомъ, христіанской церковью, какъ общественное условіе, которое они пріобщили къ своему способу производства.

Всѣ эти географическія и историческія условія нужно изучать, если хотятъ познать своеобразный способъ производства какой-либо страны въ опредѣленную эпоху. Изученія одной только техники этой страны далеко еще недостаточно.

Изъ этого видно, что матеріалистическое пониманіе исторіи отнюдь не является какимъ-то плоскимъ шаблономъ, какимъ обыкновенно изображаютъ его критики. Приведенные здѣсь примѣры показываютъ, однако, намъ также, какъ классовыя различія и классовыя противорѣчія порождаются экономическимъ развитіемъ.

Различія не только между индивидуумами, но также между отдѣльными группами внутри общества встрѣчаются уже и въ мірѣ животныхъ; какъ нами уже было замѣчено, эти различія по внѣшности, быть можетъ, также въ матеріальномъ положеніи индивидуумовъ и группъ,—эти различія даны природой и едва ли вполнѣ исчезнутъ даже въ соціалистическомъ обществѣ. Изобрѣтеніе орудій, раздѣленіе труда и его послѣдствія, словомъ—прогрессъ,—еще содѣйствуетъ росту этихъ различій и возникновенію новыхъ. Тѣмъ не менѣе, различія эти не могутъ перешагнуть извѣстной, очень узкой границы до тѣхъ поръ, пока общественный трудъ не начинаетъ давать извѣстнаго излишка сверхъ того, что необходимо для существованія членовъ общества. Пока этого нѣтъ, ни одинъ тунеядецъ не можетъ жить на общественный счетъ, никто не можетъ получать изъ общественныхъ продуктовъ значительно больше, чѣмъ другіе. Одновременно съ появленіемъ излишковъ возникаетъ въ той же стадіи,—какъ результатъ растущей вражды между племенами и кровавыхъ исходовъ, которыми разрѣшаются ихъ столкновенія, а также, какъ результатъ сотрудничества и общей собственности,—такъ много новыхъ факторовъ, укрѣпляющихъ соціальные инстинкты, что зачатки вражды между полами, между возрастными группами, профессіями такъ же мало могутъ нанести ущерба общественному дѣлу, какъ ссора между отдѣльными лицами. Несмотря на зачатки раздѣленія труда, которые уже имѣются на-лицо, человѣческія общества никогда, разумѣется, не были болѣе замкнутыми и цѣльными, чѣмъ въ первобытныя языческія времена, предшествовавшія эпохѣ классовыхъ противорѣчій.

Но положеніе вещей мѣняется, какъ только общественный трудъ, въ силу своей растущей производительности, начинаетъ давать излишекъ. Отнынѣ становится возможнымъ для отдѣльныхъ индивидовъ и профессій въ теченіе продолжительнаго времени оттягивать въ свою пользу значительно бо̀льшую долю общественнаго продукта, чѣмъ это могли сдѣлать другіе. Отдѣльные индивидуумы только рѣдко, только случайно и въ видѣ исключенія могутъ привести въ исполненіе подобные планы для себя самихъ; зато это вполнѣ достижимо для цѣлыхъ профессій, почему-либо находящихся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, такихъ, напр., которыя даютъ особенныя знанія или повышенную способность защищаться, а также такія, которыя даютъ возможность въ теченіе продолжительнаго

времени оттягивать себѣ общественный избытокъ. Но собственность на продукты тѣснѣйшимъ образомъ связана съ собственностью на средства производства; кто владѣетъ однимъ, тотъ распоряжается и другимъ. Стремленіе къ монополизированію общественнаго излишка преимущественно однимъ какимъ-либо классомъ порождаетъ въ немъ также стремленіе получить въ свое исключительное владѣніе и средства производства. Формы этого исключительнаго владѣнія сами по себѣ опять-таки могутъ быть весьма различны: это можетъ быть то общее владѣніе, сосредоточенное въ рукахъ господствующаго класса или касты, то частное владѣніе отдѣльныхъ семействъ или индивидуумовъ этого класса

Въ томъ и другомъ случаѣ масса рабочаго населенія экспропріируется, низводится до положенія рабовъ, крѣпостныхъ, батраковъ; и между общественной собственностью на средства производства и общественнымъ пользованіемъ послѣдними порывается та тѣсная связь, которая соединяла ихъ въ примитивномъ обществѣ.

И если различія въ общественномъ положеніи, которыя могли возникнуть въ нѣдрахъ послѣдняго, были заключены въ очень тѣсныя рамки, то классовыя различія, могущія образоваться теперь, уже не имѣли границъ. Они могутъ, съ одной стороны, расширяться, благодаря техническому прогрессу, который постоянно увеличиваетъ избытокъ продуктовъ общественнаго труда; съ другой стороны, эти границы могутъ расширяться также путемъ роста общины, при чемъ число эксплоататоровъ остается одно и то же или даже уменьшается, такъ что количество трудящихся и доставляющихъ излишекъ на долю каждаго эксплоататора растетъ. Такимъ путемъ классовыя различія могутъ достичь громадныхъ, безконечныхъ размѣровъ, а вмѣстѣ съ ними растутъ и соціальныя противорѣчія.

По мѣрѣ того, какъ это развитіе прогрессируетъ, пропасть внутри общества разрастается все больше, классовая борьба дѣлается преобладающей, всеобщей, длительной формой борьбы за существованіе особи въ человѣческомъ обществѣ; въ той же мѣрѣ соціальные инстинкты по отношенію ко всему обществу ослабѣваютъ, но тѣмъ сильнѣе они начинаютъ развиваться внутри класса, благо котораго для массы индивидуумовъ все болѣе отождествляется съ общимъ благомъ.

И именно въ классахъ эксплоатируемыхъ, подчиненныхъ, пробудившихся классовая борьба усиливаетъ соціальные инстинкты и

добродѣтели такого рода. Вѣдь они должны въ этой борьбѣ ставить на карту всю свою личность и вести ее съ гораздо бо́льшей интенсивностью, чѣмъ господствующіе классы, которые часто имѣютъ возможность поручать защиту своихъ интересовъ вооруженной силѣ или духовнымъ—наемнымъ лицамъ. Кромѣ того, въ средѣ самихъ господствующихъ классовъ часто образуется глубочайшая пропасть, благодаря распрямъ, которыя возникаютъ между ними изъ-за общественнаго излишка и изъ-за средствъ производства. Одну изъ сильнѣйшихъ причинъ подобнаго рода разобщенія мы изучили въ формѣ конкурренціи.

Всѣ эти факторы, противодѣйствующіе соціальнымъ инстинктамъ, не находятъ среди эксплоатируемыхъ классовъ никакой почвы. Чѣмъ меньше почвы для раздоровъ, чѣмъ глубже имущественная несостоятельность этихъ поднявшихся классовъ, чѣмъ исключительнѣе предоставлены они собственнымъ силамъ,—тѣмъ сильнѣе чувствуютъ члены такихъ классовъ свою солидарность передъ лицомъ господствующихъ классовъ, тѣмъ съ большей мощью развиваются ихъ соціальные инстинкты по отношенію къ своему собственному классу.

5. Принципы морали.

а. Привычка и приличія.

Мы видѣли, какъ экономическое развитіе вноситъ въ моральные факторы, перешедшіе изъ животнаго міра, моментъ сильной измѣнчивости, какъ различно формируетъ оно силу соціальныхъ инстинктовъ и добродѣтелей въ различныя времена и въ различныхъ классахъ того же общества; но мы также видѣли, какъ область, внутри которой дѣйствуютъ соціальные инстинкты и добродѣтели, то суживается, то расширяется, съ одной стороны, распространяясь отъ маленькой орды до всего человѣчества, съ другой—ограничиваясь внутри общества сферой одного только класса.

Но то же самое экономическое развитіе создаетъ также особенный моральный факторъ, котораго въ животномъ мірѣ совсѣмъ не существуетъ; этотъ факторъ наиболѣе измѣнчивъ изъ всѣхъ, ибо не только его сила и сфера дѣйствія, но также и содержаніе подвергаются сильнѣйшимъ перемѣнамъ. Это суть принципы морали.

Въ животномъ мірѣ мы, правда, находимъ уже сильныя моральныя *ощущенія*, но мы не находимъ моральныхъ *предписаній*,

обращенныхъ къ индивидууму. Существованіе послѣднихъ предполагаетъ развитой *языкъ*, который былъ бы въ состояніи обозначить не только *ощущенія*, но также и *вещи* или, по крайней мѣрѣ, *поступки*, языкъ, для появленія котораго въ животномъ мірѣ не существуетъ никакихъ предпосылокъ и потребность въ которомъ возникаетъ только съ появленіемъ организованнаго сотрудничества. Только тогда дѣлается возможнымъ предъявленіе отдѣльному лицу опредѣленныхъ требованій. Если эти требованія проистекаютъ изъ индивидуальныхъ, исключительныхъ потребностей, то, съ исчезновеніемъ индивидуальнаго, исключительнаго случая, исчезаютъ и они. Если же, напротивъ того, они проистекаютъ изъ потребностей, имѣющихъ свое основаніе въ общественныхъ отношеніяхъ, тогда они будутъ все вновь появляться, пока существуютъ эти отношенія; въ начальной же стадіи существованія общества, когда развитіе идетъ необычайно медленно, продолжительность отдѣльныхъ общественныхъ состояній можетъ длиться сотни тысячъ лѣтъ. Общественныя требованія, предъявленныя къ отдѣльнымъ индивидамъ, повторяются такъ часто, такъ правильно, что они входятъ въ привычку, которая, въ заключеніе, становится унаслѣдованной наклонностью, какъ унаслѣдуются наклонности къ охотѣ у охотничьей собаки, такъ что достаточно нѣсколькихъ внѣшнихъ раздраженій, чтобы дать привычкѣ проявиться; такими унаслѣдованными привычками являются, напр., чувство стыдливости, привычка покрывать извѣстныя части тѣла, обнаженіе которыхъ считается безнравственнымъ.

Такъ возникаютъ требованія къ индивидууму, живущему въ обществѣ; требованія эти тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ сложнѣе общество, и, въ концѣ концовъ, они входятъ въ привычку и безъ дальнѣйшихъ размышленій признаются нравственными завѣтами.

Изъ этого характера моральныхъ требованій, основаннаго на привычкѣ, многіе этики-матеріалисты заключили, что вся сущность морали зиждется на привычкѣ. Между тѣмъ, оно не исчерпывается этимъ. Прежде всего, въ силу привычки, нравственными завѣтами становятся только такія воззрѣнія, которыя требуютъ, чтобы индивидуумъ принималъ въ соображеніе общества, которыя регулируютъ его поведеніе по отношенію къ другимъ людямъ. Если противъ этого возразятъ, что существуютъ и частные «пороки», считающіеся безнравственными, то и ихъ первоначальное осужденіе послѣдовало также въ интересахъ общества. Такъ, напр., онанизмъ, если бы онъ

получилъ всеобщее распространеніе, нанесъ бы сильный ущербъ въ дѣлѣ достиженія многочисленнаго потомства, а таксе потомство считалось тамъ, гдѣ не заговорили еще Мальтусы, основой благосостоянія и прогресса общества.

По Библіи (I кн. Моисея, 38) Онанъ вѣдь за то и убивается Іеговой, что онъ пролилъ свое семя на землю, вмѣсто того, чтобы повиноваться своему долгу и сожительствовать съ женой своего умершаго брата, чтобы прижить съ ней потомство.

Нравственныя нормы только потому и могли войти въ привычку, что онѣ отвѣчали глубокимъ, все вновь возникающимъ общественнымъ потребностямъ. Но, въ концѣ концовъ, одной только привычкой нельзя объяснить силу чувства долга, которое иногда проявляется сильнѣе, чѣмъ всѣ завѣты чувства самосохраненія. То, что соотвѣтствуетъ привычкѣ въ морали, содѣйствуетъ только тому, чтобы извѣстныя нормы прямо были бы признаны нравственными, но оно не порождаетъ соціальныхъ инстинктовъ, которые заставляютъ проводить требованія, признанныя нравственными нормами.

Такъ, напримѣръ, дѣломъ привычки является взглядъ, что неприлично дѣвушкѣ въ ночной рубашкѣ показываться передъ мужчиной, хотя бы одежда эта ниспадала до самыхъ ногъ и охватывала бы шею, между тѣмъ какъ нисколько не противорѣчитъ приличію, если дѣвушка вечеромъ съ глубоко обнаженной грудью показывается на балу передъ всѣмъ свѣтомъ, или когда эта же дѣвушка въ своемъ мокромъ купальномъ костюмѣ выставляетъ себя на показъ передъ жадными очами бонвивановъ. Но только сила соціальныхъ инстинктовъ можетъ содѣйствовать тому, что высоконравственная дѣвушка никоимъ образомъ не сдѣлаетъ того, что приличія и мода—словомъ, общество—признаютъ безстыднымъ и иногда предпочитаетъ даже смерть тому, что считаетъ позоромъ.

Другіе этики пошли еще дальше въ своемъ воззрѣніи на нравственныя нормы, какъ на привычку, и представили эти нормы простой условной модой, основываясь на томъ фактѣ, что каждый общественный строй, каждая нація, даже каждый классъ имѣютъ свои нравственныя воззрѣнія, которыя часто стоятъ въ большомъ противорѣчіи съ воззрѣніями другихъ, и что, слѣдовательно, не существуетъ абсолютной нравственной нормы. Изъ этого сдѣлали тотъ выводъ, что нравственность — это мѣняющаяся мода, передъ которой преклоняется только филистерская чернь и надъ которой

должень и можетъ подняться сверхчеловѣкъ, какъ надъ всѣмъ стаднымъ.

Но соціальные инстинкты не только не являются чѣмъ-то условнымъ, но представляютъ собою нѣчто глубоко вкоренившееся въ природу человѣка, какъ соціальнаго животнаго, и нравственные принципы тоже не являются чѣмъ-то произвольнымъ, но имѣютъ своимъ источникомъ общественныя потребности. Конечно, въ каждомъ данномъ случаѣ невозможно бываетъ установить связь между опредѣленными нравственными воззрѣніями и общественными отношеніями, изъ которыхъ они берутъ свое начало. Индивидуумъ получаетъ нравственныя нормы отъ своей собственной среды, не сознавая совершенно вызвавшихъ эти нормы общественныхъ причинъ. Нравственная норма входитъ для него въ привычку и кажется ему тогда проистекающей изъ его собственнаго духовнаго существа, заранѣе данной, лишенной всякихъ практическихъ корней. Только научное изслѣдованіе было въ состояніи мало-по-малу, изъ цѣлаго ряда случаевъ выяснить связь между опредѣленными общественными формами и опредѣленными нравственными положеніями, многое еще и до сихъ поръ остается не выясненнымъ. Общественныя формы, изъ которыхъ произошли позднѣйшія, еще дѣйствующія нравственныя нормы, относятся часто къ далекому прошлому, къ сѣдой старинѣ. Но, кромѣ того, чтобы понять какое-либо нравственное требованіе, необходимо не только знать общественную потребность, которая его создала, но также тотъ особенный способъ мышленія общества, который его оформилъ. Каждый способъ производства не только находится въ связи съ опредѣленными орудіями, опредѣленными и общественными отношеніями, но также съ опредѣленнымъ содержаніемъ сознанія, съ опредѣленной познавательной способностью, опредѣленнымъ пониманіемъ причинности, опредѣленной логикой, словомъ — опредѣленнымъ способомъ мышленія. Но понять отжившій способъ мышленія необычайно трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ понять подробности чужого общества.

Тѣмъ не менѣе, связь между положеніями морали и общественными потребностями уже выяснена въ столькихъ многочисленныхъ случаяхъ, что это можно считать общимъ правиломъ. Но разъ эта связь существуетъ, тогда перемѣна въ обществѣ должна повлечь за собою измѣненіе моральныхъ положеній. Ихъ измѣненіе совсѣмъ не является, слѣдовательно, чѣмъ-то чудеснымъ: удивительно было

бы, скорѣе, если бы съ перемѣной причины не мѣнялось бы также и слѣдствіе. Эти перемѣны необходимы и именно потому необходимы, что каждая общественная форма нуждается для своего торжества въ опредѣленныхъ, соотвѣтствующихъ ей моральныхъ положеніяхъ.

Какъ различны и измѣнчивы нравственныя нормы, это извѣстно. Достаточно указать на уклоненія отъ морали современнаго европейскаго общества.

Фритіофъ Нансенъ даетъ въ десятой главѣ своей «Eskimoliv» очень интересное описаніе морали эскимосовъ, откуда мы заимствуемъ нѣкоторыя мѣста:

«Одной изъ симпатичнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ чертъ характера эскимоса является, конечно, его честность... Для эскимоса имѣетъ особое значеніе то обстоятельство, что онъ можетъ положиться на своего ближняго и сосѣда. Но для того, чтобы это взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно наладить дѣло въ борьбѣ за существованіе, было устойчиво, необходимо, чтобы каждый поступалъ честно по отношенію къ другому... По той же причинѣ они, особенно мужчины, не любятъ лгать другъ другу. Трогательнымъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующая, описанная фонъ-Далагеромъ черта: «Если эскимосы должны другому описывать вещь, то они остерегаются обрисовать ее болѣе блестяще, чѣмъ она заслуживаетъ. Если кто-нибудь хочетъ купить что-либо имъ невиданное, то продавецъ, хотя бы и хотѣлъ сбыть вещь, старается ее представить въ нѣсколько худшемъ свѣтѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ».

«Мораль рекламы еще не изобрѣтена эскимосами. Конечно, все это имѣетъ мѣсто только въ сношеніяхъ между собою. По отношенію къ чужимъ они не такъ строги.

«Драки и тому подобныя грубости у нихъ не въ обиходѣ. Убійство тоже большая рѣдкость», а гдѣ оно имѣетъ мѣсто, тамъ является послѣдствіемъ не экономическихъ распрей, но любовныхъ драмъ. «Они считаютъ жестокостью убійство своихъ ближнихъ. Война поэтому является чѣмъ-то непонятнымъ въ ихъ глазахъ, достойнымъ презрѣнія, на ихъ языкѣ не существуетъ даже соотвѣтственнаго слова для этого понятія, и солдаты, и офицеры, которые обучаются искусству убивать людей, являются въ ихъ глазахъ истинными живодерами».

«Та изъ нашихъ заповѣдей, противъ которой гренландцы чаще всего грѣшатъ, это—шестая... Добродѣтель и непорочность не особенно

высоко цѣнятся въ Гренландіи... Многіе совсѣмъ не считаютъ за грѣхъ (на западномъ берегу), если дѣвушка рождаетъ дѣтей... Въ то время, когда мы были въ Годтабѣ, тамъ по сосѣдству находились двѣ дѣвушки въ интересномъ положеніи, но онѣ этого вовсе не скрывали... и гордились, повидимому, этимъ очевиднымъ доказательствомъ, что онѣ не были отвергнуты». Но также и о восточномъ побережьѣ Гольмъ говоритъ, что тамъ не считается стыдомъ, если незамужняя имѣетъ дѣтей.

«Эгеде также говоритъ, что женщины считаютъ за особое счастье вступленіе въ интимную связь съ ангекокомъ, т.-е. однимъ изъ ихъ пророковъ и ученыхъ, и прибавляетъ: «даже многіе мужья сами ничего противъ этого не имѣютъ и платятъ ангекоку за то, что онъ поспитъ съ ихъ женой, въ особенности, если они сами не могутъ съ ними произвести дѣтей на свѣтъ».

«Свобода эскимосской женщины, такимъ образомъ, очень отличается отъ свободы, приличествующей германской женщинѣ. Причина, конечно, въ томъ, что поддержаніе наслѣдства, родового и племенного древа въ Германіи играло большую роль; для эскимоса же все это не имѣетъ значенія, такъ какъ наслѣдства на его долю приходилось всегда мало, а то и ничего, и ему, главнымъ образомъ, хотѣлось имѣть дѣтей...

«Намъ эта мораль, разумѣется, съ перваго взгляда кажется дурной. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что такъ же на дѣло смотритъ эскимосъ. Мы вообще должны остерегаться того, чтобы тотчасъ же осуждать съ нашей точки зрѣнія воззрѣнія, которыя развились въ какомъ-нибудь народѣ въ цѣломъ рядѣ поколѣній путемъ цѣлаго ряда опытовъ, даже если бы эти воззрѣнія рѣзко противорѣчили нашимъ.

«Сужденія о добрѣ и злѣ здѣсь, на землѣ крайне различны. Въ доказательство я привелъ бы тотъ фактъ, что когда Нансъ Эгеде сталъ говорить одной эскимосской дѣвушкѣ о любви къ Богу и къ ближнимъ, то дѣвушка возразила: «я доказала, что я люблю своего ближняго, ибо одна старая женщина, которая была больна, но не могла умереть, просила меня, чтобы я ее за плату отвела на крутой утесъ, съ котораго всегда бросаются тѣ, которые не хотятъ больше жить; любя своихъ, я отвела ее туда даромъ и сбросила съ утеса внизъ».

«Эгеде замѣтилъ, что это былъ дурной поступокъ, и что она убила человѣка. Дѣвушка же сказала, что нѣтъ и что она жалѣла

старуху и плакала, когда та низринулась. Считать ли это дурнымъ или хорошимъ поступкомъ?

«Мы уже видѣли, что необходимость убивать старыхъ и больныхъ членовъ общества легко наступаетъ при скудости источниковъ питанія, и это убійство считается нравственнымъ дѣяніемъ.

«Когда Эгеде въ другой разъ заговорилъ о томъ, что Богъ наказываетъ злыхъ, то эскимосъ ему отвѣтилъ, что и онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые наказываютъ злыхъ, ибо онъ убилъ трехъ женщинъ, бывшихъ вѣдьмами.

«То же различіе въ пониманіи добра и зла сказывается въ шестой заповѣди. Эскимосъ ставитъ заповѣдь: плодитесь и размножайтесь выше заповѣди о цѣломудріи. Для этого у него тѣмъ болѣе есть основаніе, что его раса по природѣ своей мало плодовита».

«Наконецъ, упомянемъ еще объ одномъ письмѣ, которое одинъ обращенный эскимосъ прислалъ Павлу Эгеде, работавшему въ восемнадцатомъ столѣтіи въ Гренландіи, въ качествѣ миссіонера, и нашедшему эскимосскую мораль почти не затронутой еще европейскимъ вліяніемъ. Новообращенный эскимосъ слышалъ о колоніальныхъ войнахъ между англичанами и голландцами и излилъ свое отвращеніе по поводу этой «безчеловѣчности».

«Если у насъ есть столько птицы, что мы можемъ досыта поѣсть, и имѣемъ достаточно шкуръ, чтобы защитить себя отъ холода, то мы довольны, и ты самъ знаешь, что мы заботимся только о томъ, чтобы поддержать себя на каждый день. Мы бы не стали вести войну изъ-за моря, даже если бы это было въ нашей власти... Мы можемъ сказать, что море, омывающее наши берега, принадлежитъ намъ, намъ также принадлежатъ плавающіе въ немъ киты, моржи, тюлени и лососи; тѣмъ не менѣе мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы и другіе брали изъ обильнаго запаса столько, сколько имъ угодно. Намъ дано въ удѣлъ великое счастье не быть столь жадными, какъ они... Дѣйствительно, замѣчательно, мой милый Павелъ! Вашъ народъ знаетъ, что существуетъ Богъ, творецъ и вседержитель, что послѣ этой жизни всѣ будутъ спасены или осуждены, смотря по тому, какъ они себя ведутъ, и, тѣмъ не менѣе, они живутъ такъ, какъ будто имъ повелѣно быть злыми и какъ будто грѣхъ приноситъ выгоду и дѣлаетъ честь. Мои земляки ничего не знаютъ ни о Богѣ, ни о дьяволѣ, и, тѣмъ не менѣе, они себя ведутъ такъ прилично, живутъ во взаимной любви и согласіи, дѣ-

лять все между собою и сообща добывають себѣ средства къ жизни».

Здѣсь ярко выступаетъ противоположность морали примитивнаго коммуниста капиталистической морали. Но здѣсь всплываетъ еще другое различіе: въ эскимосскомъ обществѣ теорія и практика морали вполнѣ согласуются; въ капиталистическомъ обществѣ существуетъ глубокая пропасть между ними. Причину этого мы сейчасъ разсмотримъ.

b. Форма производства и надстройки.

Нравственныя нормы мѣняются вмѣстѣ съ обществомъ, но не непрерывно, не въ одинаковой формѣ и не въ одинаковой степени, какъ и общественныя потребности. Онѣ потому непосредственно признаются и ощущаются, какъ нормы, что онѣ стали *привычками*. Но, разъ прочно укоренившись, онѣ могутъ долго вести самостоятельное существованіе, между тѣмъ, какъ техническій прогрессъ, а вмѣстѣ съ нимъ усовершенствованіе способовъ производства, измѣненіе общественныхъ потребностей все прогрессируютъ.

Съ предписаніями морали происходитъ то же самое, что и съ остальной сложной надстройкой, которая воздвигается подъ способами производства. Надстройка эта можетъ отдѣлиться отъ своего базиса и продолжительное время вести самостоятельное существованіе.

Открытіе этого факта привело къ возликованію всѣ тѣ элементы, которые не могутъ освободиться отъ силы марксовскаго мышленія и которымъ въ то же время послѣдствія экономическаго развитія крайне непріятны,—эти элементы желали бы, по примѣру Канта, контрабаднымъ путемъ ввести «духъ», какъ самостоятельную побудительную силу. Имъ очень кстати пришлось признаніе того факта, что духовные факторы временами дѣйствуютъ въ обществѣ самостоятельно. Такимъ путемъ надѣялись, наконецъ, найти желанное взаимодѣйствіе: экономія дѣйствуетъ на духъ, духъ на экономію, оба они должны господствовать надъ общественнымъ развитіемъ либо такимъ образомъ, что сначала экономическое развитіе, а въ позднѣйшемъ періодѣ опять-таки духовныя побужденія подвигаютъ впередъ общество, либо же такимъ путемъ, что оба фактора другъ около друга и взаимно производятъ общее дѣйствіе, другими словами—наша воля, наши желанія въ состояніи, по край-

ней мѣрѣ—иногда, собственными силами проломить и измѣнить жестокую экономическую необходимость.

Несомнѣнно, взаимодѣйствіе между экономикой и ея духовными надстройками—моралью, религіей, правомъ, искусствомъ и т. д. существуетъ; о духовномъ вліяніи изобрѣтенія мы не говоримъ здѣсь: оно относится къ техникѣ, въ которой духъ тоже вѣдь играетъ роль наряду съ орудіемъ; техника—это *сознательное* изобрѣтеніе и примѣненіе орудій мыслящимъ человѣкомъ.

Подобно другимъ идеологическимъ факторамъ, мораль также въ состояніи содѣйствовать экономическому и общественному развитію. Въ этомъ именно ея общественное значеніе. Въ виду того, что опредѣленныя общественныя предписанія морали проистекаютъ изъ опредѣленныхъ общественныхъ потребностей, положенія эти будутъ тѣмъ больше содѣйствовать общественной связи, чѣмъ больше они приспособлены къ особому укладу того общества, которое ихъ создало.

Мораль, слѣдовательно, оказываетъ обратное дѣйствіе на общественную жизнь, содѣйствуя ей. *Но это продолжается до тѣхъ поръ, пока она находится въ прямой зависимости отъ нея*, пока она соотвѣтствуетъ общественнымъ потребностямъ, которыя ее порождаютъ. Какъ только мораль пріобрѣтаетъ самостоятельное существованіе въ обществѣ, какъ только она перестаетъ опредѣляться послѣднимъ, ея обратное дѣйствіе принимаетъ другой характеръ. Поскольку она развивается дальше, ея развитіе является уже чисто формальнымъ, логическимъ. Съ тѣхъ поръ, пока она замыкается отъ вліяній внѣшняго міра, она не можетъ уже создавать новыхъ воззрѣній, а лишь организовать уже пріобрѣтенныя, устраняя противорѣчія. Устраненіе противорѣчій, достиженіе единства воззрѣнія, разрѣшеніе всѣхъ проблемъ, возникшихъ благодаря наличнымъ противорѣчіямъ,—все это дѣйствія мыслящаго разума. Но при посредствѣ всего этого разумъ можетъ только укрѣпить идеологическую надстройку, но не поднять ее на высшую ступень. Только возникновеніе новыхъ противорѣчій, новыхъ проблемъ можетъ содѣйствовать истинному прогрессу. Человѣческій умъ не создаетъ изнутри противорѣчія и проблемы: они порождаются въ немъ развитіемъ внѣшняго міра.

Какъ только моральныя положенія принимаютъ самостоятельный характеръ, они перестаютъ быть элементомъ общественнаго

прогресса. Они окостѣневаютъ, становятся консервативнымъ элементомъ, препятствіемъ по пути къ прогрессу. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ обществѣ мораль, въ противоположность животному обществу, изъ необходимаго сдерживающаго, связующаго звена можетъ превратиться въ средство невыносимаго стѣсненія. Это и есть «обратное воздѣйствіе морали», отнюдь однако не того рода, какимъ его представляютъ анти-матеріалистическіе этики.

Противорѣчія между опредѣленными моральными предписаніями и опредѣленными общественными потребностями могутъ достигнуть относительной силы уже въ примитивномъ обществѣ, но они еще усиливаются благодаря возникновенію классовыхъ противорѣчій. Если въ обществѣ, не раздѣленномъ на классы, приверженность къ опредѣленнымъ моральнымъ принципамъ есть дѣло привычки, если для преодолѣнія послѣднихъ нужно только преодолѣть силу привычки, то отнынѣ приверженность къ опредѣленнымъ моральнымъ понятіямъ становится также и дѣломъ интереса, часто весьма могущественнаго. На сцену выступаютъ средства насилія, физическаго принужденія, въ цѣляхъ удержанія эксплоатируемыхъ классовъ въ подчиненіи, и эти принудительныя средства предоставляются также къ услугамъ «морали» во исполненіе нравственныхъ нормъ, отвѣчающихъ интересамъ господствующихъ классовъ.

Но классовое общество можетъ обойтись и безъ такого рода принудительныхъ мѣръ. Правда, и въ немъ соціальныхъ инстинктовъ не всегда достаточно для достиженія полнаго соотвѣтствія поступковъ каждаго индивидуума предписаніямъ морали; сила соціальныхъ инстинктовъ у различныхъ индивидуумовъ, конечно, весьма различна, такъ же различна и сила другихъ инстинктовъ—самосохраненія и размноженія. Первые же всегда одерживаютъ верхъ, но достаточнымъ средствомъ принужденія, наказанія, устрашенія для другихъ является въ такихъ случаяхъ въ неклассовомъ обществѣ *общественное мнѣніе*, осужденіе общества. Это мнѣніе создаетъ въ насъ не нравственный законъ, но чувство долга. Совѣсть тоже оказываетъ свое дѣйствіе на насъ, но только тогда, когда никто не слѣдитъ за нами и когда сила общественнаго мнѣнія совершенно не принимается въ разсчетъ; при извѣстныхъ обстоятельствахъ, живя въ обществѣ, преисполненномъ классовыхъ противорѣчій и противорѣчащихъ другъ другу нравственныхъ нормъ, мы бываемъ иногда вынуждены идти даже наперекоръ общественному мнѣнію большинства.

Но общественное мнѣніе является въ неклассовомъ обществѣ вполнѣ достаточнымъ средствомъ надзора за тѣмъ, чтобы всѣ слѣдовали установленнымъ нравственнымъ нормамъ. Индивидуумъ—столь ничтожная величина по сравненію съ обществомъ, что онъ совсѣмъ не имѣетъ силы сопротивляться единодушному голосу этого общества. Послѣднее дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, такъ что вовсе не нужно дальнѣйшихъ принудительныхъ и карательныхъ мѣръ, чтобы обезпечить безпрепятственное теченіе общественной жизни. И теперь мы видимъ также въ классовомъ обществѣ, что общественное мнѣніе собственнаго класса или, если мы выступаемъ изъ рядовъ этого класса, мнѣніе того класса или партіи, къ которымъ примыкаемъ, является болѣе могущественнымъ, чѣмъ всѣ принудительныя мѣры, принимаемыя государствомъ. Тюрьму, бѣдствія, смерть люди предпочитаютъ позору.

Однако, общественное мнѣніе одного класса безсильно передъ общественнымъ мнѣніемъ противоположнаго класса. Конечно, общество можетъ, пока въ немъ не создалось классовыхъ противорѣчій, обуздать отдѣльнаго индивидуума силой своего мнѣнія и вынудить его къ исполненію своихъ заповѣдей, если для этого недостаточно гнѣздящагося въ его груди соціальнаго инстинкта. Но общественное мнѣніе безсильно тамъ, гдѣ выступаетъ не индивидуумъ противъ общества, но классъ противъ класса. Въ этомъ случаѣ господствующій классъ долженъ прибѣгнуть къ другимъ принудительнымъ средствамъ, если онъ хочетъ добиться своего, къ средствамъ превосходящей физической или экономической силы, болѣе совершенной организаціи, а также иногда и болѣе совершенной *интеллигентности*. Къ солдатамъ, полицейскимъ и судьямъ присоединяются теперь также и попы, какъ средство для удержанія власти, и именно на долю церковной организаціи выпадаетъ теперь спеціальная задача сохраненія традиціонной морали. Эта связь между религіей и моралью устанавливается тѣмъ легче, что новыя религіи, которыя формировались во времена упадка первобытнаго коммунизма и языческаго общества, стоятъ въ сильномъ противорѣчіи къ старымъ естественнымъ религіямъ, корни которыхъ заходятъ въ эпоху, когда еще не существовало дѣленія на классы и ни одна религія не знала спеціальнаго духовенства. Въ старыхъ религіяхъ божество и этика отнюдь не связаны между собою. Новыя религіи, напротивъ, выростаютъ на почвѣ той философіи, которая тѣснѣйшимъ образомъ свя-

зываетъ этику и вѣру въ божество и потусторонній міръ, обосновывая одинъ факторъ другимъ. Съ тѣхъ поръ религія и этика, какъ средство господства, тѣсно между собою связаны. Нравственный законъ есть, разумѣется, продуктъ соціальной природы человѣка; временныя нравственныя нормы являются, разумѣется, продуктами особенныхъ общественныхъ потребностей; конечно, ни то, ни другое не нуждается въ религіи. Но тотъ видъ морали, которую хотятъ навязать народу въ интересахъ господствующаго класса, во всякомъ случаѣ, настоятельнымъ образомъ нуждается для своей прочности въ религіи и церковной организаціи. Безъ послѣдней мораль эта рухнула бы еще скорѣе, чѣмъ это происходитъ до сихъ поръ.

с. Старая и новая мораль.

Чѣмъ дольше, однако, унаслѣдованныя моральныя положенія сохраняютъ свою силу, при наличности экономическаго развитія и возникновенія новыхъ общественныхъ формъ, которыя требуютъ новыхъ нравственныхъ нормъ, тѣмъ болѣе велико становится противорѣчіе между господствующей моралью общества и жизнью и стремленіями его членовъ.

Но это противорѣчіе проявляется въ различныхъ классахъ на различный ладъ. Консервативные классы—тѣ, существованіе которыхъ покоится на старыхъ общественныхъ условіяхъ,—крѣпко стоятъ за старую мораль. Впрочемъ, они придерживаются ея только въ теоріи. Практически они никоимъ образомъ не могутъ уклониться отъ дѣйствія новыхъ общественныхъ потребностей. Извѣстное противорѣчіе между теоріей и практикой выступаетъ здѣсь на сцену. Иные видятъ въ этомъ противорѣчіи силу естественнаго закона морали; требованія послѣдней кажутся чѣмъ-то безусловно желательнымъ, но невыполнимымъ. Но противорѣчіе между теоріей и практикой въ морали можетъ принять при этомъ двоякую форму. Классы и индивидуумы, полные сознанія своей силы, открыто становятся выше требованій традиціонной морали, обязательность которой они признаютъ для другихъ. Классы и индивидуумы, которые чувствуютъ себя слабыми, лишь тайно преступаютъ законы, проповѣдуя ихъ публично. Такимъ образомъ, въ этой стадіи развитія въ гибнущихъ классахъ, въ зависимости отъ занимаемой ими исторической позиціи, развивается либо *цинизмъ*, либо *лице-*

мѣріе. Но одновременно въ этихъ классахъ, какъ мы видѣли, легко исчезаетъ сила соціальныхъ инстинктовъ, вслѣдствіе усиленія обособленности интересовъ, а также возможности выставлять вмѣсто себя въ рѣшительной борьбѣ наемниковъ и избѣгать необходимости ставить на карту свою собственную жизнь.

Все это порождаетъ въ консервативныхъ, господствующихъ классахъ то явленіе, которое принято обозначать именемъ нравственнаго упадка.

Этики-матеріалисты, въ глазахъ которыхъ моральныя положенія суть только условныя моды, отрицаютъ возможность подобнаго рода безнравственности, какъ общественнаго явленія, такъ какъ всякая нравственность — понятіе относительное, слѣдовательно то, что называютъ безнравственностью, есть именно только одинъ изъ видовъ нравственности, отличной отъ нашей.

Съ другой стороны, идеалисты-этики изъ того факта, что встрѣчаются цѣлые сплошь безнравственные классы и общества, выводятъ заключеніе, что должна существовать также и вѣчная, внѣ пространства и времени стоящая нравственность, что долженъ существовать независимый отъ измѣнчивыхъ общественныхъ отношеній масштабъ, могущій служить мѣриломъ морали всякаго общества и класса.

Но, къ сожалѣнію, тотъ элементъ человѣческой морали, который хотя и зависитъ отъ условій пространства и времени, но все же возникъ раньше всѣхъ измѣнчивыхъ общественныхъ отношеній, есть именно соціальный инстинктъ; онъ есть тотъ элементъ, который присущъ и человѣческой, и животной морали въ одинаковой степени. Специфически человѣческими въ морали являются нравственныя нормы, и онѣ подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что тотъ или иной классъ или общественная группа не могутъ быть безнравственными,—это только доказываетъ, что въ отношеніи нравственныхъ нормъ не существуетъ ни абсолютной нравственности, ни абсолютной безнравственности. И безнравственность въ этомъ смыслѣ—тоже понятіе относительное. Абсолютной безнравственностью должно считаться лишь отсутствіе даже тѣхъ *соціальныхъ инстинктовъ* и *добродѣтелей*, которые человѣкъ унаслѣдовалъ отъ соціальныхъ животныхъ.

Если же смотрѣть на безнравственность, какъ на погрѣшности противъ предписаній морали, тогда она обозначаетъ собою не укло-

неніе отъ опредѣленнаго, имѣющаго силу для всѣхъ временъ и странъ масштаба морали, но противорѣчіе нравственной практики со своими собственными нравственными принципами; тогда это есть нарушеніе нравственныхъ нормъ какого-нибудь народа или класса, нормъ, признаваемыхъ нами самими за необходимыя и общеобязательныя. Поэтому безсмысленно считать опредѣленныя нравственныя нормы какого-нибудь народа или класса безнравственными только потому, что онѣ противорѣчатъ нашимъ собственнымъ нравственнымъ нормамъ. Безнравственность всюду есть уклоненіе отъ собственной морали, но не отъ чужой. Одно и то же явленіе, напримѣръ, свободное отношеніе половъ или равнодушіе къ собственности, можетъ быть, въ одномъ случаѣ, продуктомъ нравственнаго растлѣнія общества, въ которомъ строжайшее единобрачіе и величайшая святость собственности признаются необходимыми; но оно можетъ, въ другомъ случаѣ, быть высоконравственнымъ продуктомъ очень здороваго общественнаго организма, который не нуждается для удовлетворенія своихъ потребностей ни въ незыблемости института, признающаго частную собственность на женщину, ни въ частной собственности на опредѣленныя средства потребленія и производства.

d. Нравственный идеалъ.

Но если растущее противорѣчіе между измѣнчивыми общественными условіями и все больше застаивающейся моралью переходитъ у консервативныхъ классовъ, у господъ, во все растущую безнравственность, во все усиливающееся лицемѣріе и цинизмъ, которые часто идутъ рука объ руку съ ослабленіемъ соціальныхъ инстинктовъ, то среди проснувшихся эксплоатируемыхъ классовъ противорѣчіе это ведетъ къ совершенно другимъ послѣдствіямъ. Ихъ интересы стоятъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи къ общественному базису, создавшему господствующую мораль. У нихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія быть ей приверженными, но есть всѣ основанія выступать противъ нея. Чѣмъ больше они сознаютъ свое противорѣчіе къ господствующему общественному порядку, тѣмъ больше усиливается также ихъ нравственное возмущеніе, тѣмъ болѣе рѣзко противопоставляютъ они старой традиціонной морали новую, которую они хотятъ сдѣлать моралью всего общества. Такимъ образомъ, въ возстав-

шемъ классѣ возникаетъ нравственный идеалъ, который дѣлается тѣмъ болѣе смѣлымъ, чѣмъ болѣе сильными чувствуютъ себя эти классы. И одновременно, какъ мы это видѣли, именно въ этихъ классахъ, благодаря классовой борьбѣ, развиваются съ особенной силой соціальные инстинкты; при этомъ вмѣстѣ со смѣлостью новаго нравственнаго идеала растетъ также и воодушевленіе имъ. Итакъ, то же самое развитіе, которое въ консервативныхъ или гибнущихъ классахъ порождаетъ растущую безнравственность, вызываетъ въ возстающихъ классахъ въ неуклонно растущихъ размѣрахъ сумму явленій, которыя мы резюмируемъ подъ именемъ *этическаго идеализма*, при чемъ послѣдній отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ философскимъ идеализмомъ... Именно эти возставшіе классы часто склоняются къ философскому матеріализму, противъ котораго классы, осужденные на гибель, сопротивляются съ того момента, какъ они сознаютъ, что дѣйствительность произноситъ надъ ними смертный приговоръ, что имъ остается ожидать спасенія только отъ сверхъестественныхъ, божественныхъ или этическихъ силъ. *Содержаніе* новаго нравственнаго идеала не всегда вполнѣ ясно. Онъ вытекаетъ не изъ глубокаго научнаго *познанія* общественнаго организма, которое часто остается совершенно неизвѣстнымъ поборникамъ идеала, но изъ глубокой общественной *потребности*, изъ *страстнаго желанія*, энергичнаго *стремленія* къ чему-то *другому*, чѣмъ существующее, чего-то, что составляетъ *противоположность* существующему. Такимъ образомъ, этотъ нравственный идеалъ является въ основѣ чѣмъ-то, прежде всего, отрицательнымъ, простой *противоположностью* господствующей нравственности.

Но съ тѣхъ поръ, какъ возникли классовыя противорѣчія, господствующая нравственность постоянно защищаетъ *отсутствіе свободы*, *неравенство*, *эксплоатацію*. И въ то же время нравственный идеалъ поднявшихся классовъ въ историческія времена былъ, повидимому, всегда одинъ и тотъ же, заключалъ въ себѣ постоянно то, что Французская революція резюмировала въ словахъ: свобода, равенство, братство. Казалось, что этотъ идеалъ, какъ бы независимо отъ условій пространства и времени, заложенъ въ человѣческой груди, что какъ бы задачей человѣческаго рода съ самаго начала его существованія было стремленіе къ этому самому нравственному идеалу, что развитіе человѣчества состояло какъ бы въ приближеніи къ нему вновь и вновь возникавшему передъ нимъ.

Но, присмотрѣвшись ближе, мы находимъ, что сходство нравственнаго идеала различныхъ историческихъ эпохъ крайне поверхностно и что за нимъ скрываются очень большія различія въ постановкѣ общественныхъ цѣлей, которыя соотвѣтствовали разницѣ соотвѣтствующихъ общественныхъ эпохъ.

Если мы сравнимъ христіанство, французскую революцію, нынѣшнюю соціалъ-демократію, то мы найдемъ, что подъ свободой и равенствомъ въ каждомъ изъ этихъ движеній понималось нѣчто совсѣмъ другое, смотря по положенію, въ которое каждое изъ нихъ становилось по отношенію къ *собственности* и *производству*. Первобытное христіанство желало равенства собственности въ томъ смыслѣ, что требовало равнаго *дѣленія* его между всѣми въ цѣляхъ потребленія. И подъ свободой оно понимало освобожденіе отъ всякаго труда (на подобіе полевыхъ лилій, которыя не ткутъ и не прядутъ и все же радуются своей жизни). Французская революція опять-таки понимала подъ свободой равенство *права собственности*. Самую же частную собственность она признавала священной. И истинной свободой была для нея свобода по своему усмотрѣнію, возможно выгоднѣе использовать собственность въ хозяйственной жизни.

Соціалъ-демократія, наконецъ, не санкціонируетъ частной собственности и не требуетъ ея дѣлежа. Она требуетъ ея обобществленія, и равенство, къ которому она стремится, есть одинаковое право всѣхъ на продукты общественнаго труда. Общественная свобода, наконецъ, которую она требуетъ, не есть ни свобода отъ труда, ни свобода по своему усмотрѣнію распоряжаться средствами производства и продуцировать, но ограниченіе труда необходимымъ временемъ, путемъ привлеченія къ нему всѣхъ работоспособныхъ и путемъ самаго широкаго примѣненія сокращающихъ трудъ машинъ и методовъ. Такимъ образомъ, общественный трудъ, который не долженъ быть свободнымъ, но общественно урегулированнымъ, долженъ отъ каждаго индивидуума требовать минимума работы и долженъ обезпечить каждому достаточно свободнаго времени для свободной дѣятельности въ области искусства и науки, для свободнаго наслажденія жизнью. Общественная свобода—политической мы здѣсь не принимаемъ во вниманіе,—вслѣдствіе возможнаго сокращенія необходимаго рабочаго времени,—вотъ что понимаетъ подъ свободой современный соціализмъ.

Мы видимъ, что одинаковый нравственный идеалъ свободы и равенства можетъ заключать въ себѣ весьма различные обществен-

ные идеалы. Внѣшнее сходство нравственнаго идеала различныхъ временъ и странъ не является послѣдствіемъ дѣйствія нравственнаго закона, который занесенъ въ душу человѣка изъ надзвѣзднаго міра, но есть просто результатъ того, что при всѣхъ общественныхъ различіяхъ основныя черты классоваго господства въ человѣческомъ обществѣ постоянно оставались тѣми же.

Тѣмъ не менѣе, новый нравственный идеалъ можетъ возникнуть не изъ однихъ только классовыхъ противорѣчій. Среди консервативныхъ классовъ могутъ встрѣчаться отдѣльные индивидуумы, которые въ общественномъ отношеніи только внѣшне связаны со своимъ классомъ и въ которыхъ не развито классовое самосознаніе. При этомъ имъ присущи иногда сильные соціальные инстинкты и добродѣтели, которые заставляютъ ихъ относиться съ отвращеніемъ ко всякому лицемѣрію и цинизму; они бываютъ иногда надѣлены высокимъ интеллектомъ, дающимъ имъ возможность ясно познавать противорѣчія между традиціонными моральными положеніями и общественными потребностями. Такіе индивидуумы должны опять-таки придти къ тому, чтобы выработать для себя новые нравственные идеалы. Но будутъ ли содержать въ себѣ эти идеалы общественную силу, или нѣтъ—это зависитъ отъ того, вольются ли они въ русло классовыхъ идеаловъ. Только какъ побудительная сила классовой борьбы, нравственный идеалъ можетъ быть плодотворнымъ. Ибо только классовая борьба, а не разрозненныя стремленія отщепенцевъ, обладаетъ силой вести общество къ дальнѣйшему развитію и приспособлять его къ потребностямъ болѣе высоко развитыхъ производительныхъ силъ. И посколько вообще измѣненіе нравственнаго идеала осуществимо, оно можетъ быть достигнуто лишь путемъ измѣненія самого общества

По какому же особенному несчастью до сихъ поръ дѣло складывалось такимъ образомъ, что нравственный идеалъ не удавалось осуществить? Это легко понять, если изслѣдовать его происхожденіе. Нравственный идеалъ есть только комплексъ желаній и стремленій, порождаемыхъ протестомъ противъ существующаго состоянія. Это есть двигательная сила классовой борьбы, средство сосредоточенія силъ и роста классовъ, возставшихъ для борьбы съ существующимъ, могучій рычагъ для преодолѣнія этого существующаго. Но новый общественный строй, который заступаетъ мѣсто стараго, зависитъ не отъ формы нравственнаго идеала, но отъ данныхъ матеріальныхъ

условій, отъ техники, отъ естественной среды, отъ нрава сосѣдей и предковъ существующаго общества и т. д.

Такимъ образомъ, новое общество легко можетъ значительно уклониться отъ нравственнаго идеала тѣхъ, которые содѣйствовали его рожденію, и это происходитъ тѣмъ легче, чѣмъ меньше согласовалось нравственное возмущеніе съ знаніемъ этихъ матеріальныхъ условій. Борьба за идеалъ до сихъ поръ постоянно кончалась разочарованіемъ, идеалъ оказывался иллюзіей, послѣ того, какъ онъ выполнялъ свою историческую миссію и содѣйствовалъ, въ качествѣ могучаго стимула, крушенію стараго.

Мы уже видѣли, какъ всплываетъ въ консервативныхъ классахъ противорѣчіе между нравственной теоріей и практикой, такъ что нравственность кажется имъ чѣмъ-то такимъ, чего весь свѣтъ желаетъ, но никто не исполняетъ, что превышаетъ силы земныхъ существъ, что дано выполнить только существамъ неземнымъ. Теперь мы видимъ, что въ революціонныхъ классахъ возникаетъ другой видъ противорѣчія между нравственной теоріей и практикой, противорѣчіе между нравственнымъ идеаломъ и дѣйствительностью, созданной путемъ соціальной революціи. И здѣсь снова идеалъ кажется чѣмъ-то такимъ, къ чему стремятся всѣ, но что ни для кого недостижимо, чѣмъ-то недосягаемымъ для земныхъ существъ. Неудивительно поэтому, что этики полагаютъ, будто нравственность неземного происхожденія, и наше животное существо, которое привержено земному, виновато въ томъ, что мы постоянно должны только издали, полные страстнаго желанія, благоговѣйно созерцать ея образъ, не будучи въ состояніи когда-либо объять его.

Съ этихъ небесныхъ высотъ историческій матеріализмъ низвелъ нравственность на землю. Мы научаемся познавать ея животное происхожденіе и видимъ, что превращенія, которыя она претерпѣваетъ въ человѣческомъ обществѣ, обусловливаются тѣми превращеніями, которыя послѣднее претерпѣваетъ, гонимое техническимъ развитіемъ. Теперь раскрывается передъ нами чисто отрицательный характеръ нравственнаго идеала, являющагося протестомъ существующему нравственному порядку, и древность этого идеала выясняется, какъ цѣнность стимула классовой борьбы, средства соединить во едино силы революціонныхъ классовъ и развить ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за нравственнымъ идеаломъ приходится также отрицать значеніе направляющей силы. Не отъ нашего нравственнаго идеала,

но отъ опредѣленныхъ данныхъ матеріальныхъ условій зависитъ направленіе, которое принимаетъ, въ дѣйствительности, общественное развитіе. Эти матеріальныя условія и въ прежніе періоды опредѣляли въ значительной степени общественныя цѣли, нравственную волю возставшихъ классовъ, но, по большей части, это происходило безсознательно. Если же и имѣлось на-лицо сознательное, направляющее соціальное познаніе, какъ, напр., въ восемнадцатомъ столѣтіи, то оно вліяло на выработку общественныхъ цѣлей несистематически, непослѣдовательно.

Только матеріалистическое пониманіе исторіи впервые совершенно лишило нравственный идеалъ роли фактора, дающаго направленіе соціальному развитію, и научило насъ выводить наши общественныя цѣли исключительно изъ познанія данныхъ матеріальныхъ основъ. Этимъ оно впервые указало намъ путь въ исторіи, идя которымъ мы можемъ избѣгнуть несоотвѣтствія революціонной дѣйствительности общественному идеалу, можемъ избѣгнуть иллюзій и разочарованій. Насколько ихъ, дѣйствительно, можно избѣгнуть, это зависитъ отъ степени достигнутаго пониманія законовъ развитія и движенія общественнаго организма, его силъ и органовъ.

Этимъ нравственный идеалъ отнюдь не лишается своего вліянія на общество; этому вліянію отводится лишь должное мѣсто. Какъ и соціальный инстинктъ, какъ и совѣсть, такъ и нравственный *идеалъ* не суть цѣли, но лишь *силы* или *орудія* въ общественной борьбѣ за существованіе; нравственный идеалъ есть особое оружіе для особенныхъ условій классовой борьбы.

И соціалъ-демократія, какъ организація пролетаріата въ его *классовой борьбѣ*, не можетъ обойтись безъ нравственнаго идеала, безъ нравственнаго возмущенія противъ эксплоатаціи и классоваго господства.

Но идеалу этому нѣтъ мѣста въ *научномъ* соціализмѣ, въ научномъ изслѣдованіи законовъ развитія и движенія общественнаго организма, съ цѣлью познанія *необходимыхъ* тенденцій и цѣлей пролетарской классовой борьбы.

Конечно, въ соціализмѣ изслѣдователь постоянно вмѣстѣ съ тѣмъ и борецъ, а человѣкъ не можетъ быть искусственно раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна не имѣетъ ничего общаго съ другой. Такимъ образомъ, у Маркса, напримѣръ, иногда посреди его научнаго изслѣдованія проглядываетъ также дѣйствіе нравственнаго идеала, но онъ постоянно пытается, и вполнѣ справедливо, изгнать его

оттуда, насколько это для него возможно. Нравственный идеалъ неизбѣжно является въ наукѣ источникомъ ошибокъ, если онъ позволяетъ себѣ указывать послѣдней ея цѣли. Наука всегда имѣетъ дѣло только съ познаніемъ необходимаго. Она, правда, можетъ придти къ тому, чтобы предписывать должное, но это можетъ получиться лишь въ результатѣ уразумѣнія необходимаго. Она, напротивъ, должна избѣгать поисковъ за такимъ должнымъ, которое не является въ то же время необходимостью, имѣющей своимъ базисомъ міръ явленій. Этика должна быть постоянно только *объектомъ* науки; послѣдняя должна заняться изслѣдованіемъ какъ нравственныхъ побужденій, такъ и нравственныхъ идеаловъ и сдѣлать ихъ понятными; но отъ послѣднихъ она не можетъ получить указаній относительно тѣхъ результатовъ, къ которымъ ей нужно стремиться. Наука выше этики; ея результаты столь же мало нравственны или безнравственны, какъ сама необходимость.

Тѣмъ не менѣе, и при пріобрѣтеніи и расширеніи научнаго познанія нравственность не выбрасывается за бортъ. Новымъ научнымъ познаніемъ часто задѣваются воззрѣнія, унаслѣдованныя, вкоренившіяся, ставшія твердой привычкой.

Въ обществахъ съ ясными классовыми противорѣчіями новое научное познаніе, именно познаніе общественныхъ условій, по большей части обозначаетъ собою также и оскорбленіе интересовъ отдѣльныхъ классовъ.

Искать и распространять научное познаніе, не отвѣчающее интересамъ господствующихъ классовъ, значитъ объявить войну послѣднимъ. Это предполагаетъ не только высокую степень развитія интеллекта, но также способность къ борьбѣ и жажду борьбы, независимость отъ господствующихъ классовъ и, прежде всего, сильную нравственную эмоцію; мощные соціальные инстинкты, неудержимую жажду познанія и распространенія истины, горячее желаніе служить подчиненнымъ возставшимъ классамъ.

Но и это желаніе ведетъ также къ заблужденіямъ, если оно не ограничивается ролью отрицателя въ дѣлѣ оцѣнки притязаній господствующихъ классовъ и стимула къ преодолѣнію препятствій, которыя противоположные классовые интересы воздвигаютъ по пути къ дальнѣйшему общественному развитію, но стремится стать выше всѣхъ этихъ препонъ, давать направленіе и указывать соціальному познанію опредѣленныя цѣли, которымъ оно должно служить.

Но если сознательная цѣль классовой борьбы превратилась въ научномъ соціализмѣ изъ нравственнаго идеала въ экономическій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она потеряла въ своемъ величіи. Вѣдь то, что до сихъ поръ носилось передъ всѣми новаторами общества какъ нравственный идеалъ и было для нихъ недостижимо, именно теперь впервые находитъ экономическія условія, необходимыя для своего осуществленія. Впервые можемъ мы теперь признать идеалъ въ міровой исторіи необходимымъ результатомъ экономическаго развитія: *этотъ, ставшій достижимымъ идеалъ есть не что иное, какъ уничтоженіе классовъ.* Это не означаетъ уничтоженія различій по призванію, уничтоженіе раздѣленія труда, это означаетъ уничтоженіе тѣхъ общественныхъ различій и противорѣчій, которыя проистекаютъ изъ частнаго владѣнія средствами производства и изъ того, что въ удѣлъ массѣ народа отводится исключительно матеріальная производительная дѣятельность. Средства производства стали столь могучи, что имъ уже стали тѣсны рамки частной собственности. Производительность труда такъ могуче разрослась, что уже возможно значительное уменьшеніе рабочаго времени. Такимъ образомъ вырастаютъ основы не для уничтоженія раздѣленія труда, не для уничтоженія профессій, но для уничтоженія противоположностей между бѣднымъ и богатымъ, эксплоататорами и эксплоатируемыми, между невѣжественными и образованными.

Одновременно съ этимъ раздѣленіе труда такъ далеко зашло, что оно охватываетъ также ту область, которая много тысячъ лѣтъ была замкнута отъ него, а именно, домашній очагъ. Женщина освобождается отъ него и увлекается въ сферу раздѣленія труда, остававшуюся такъ долго монополіей мужчинъ. Это не уничтожаетъ естественныхъ различій, существующихъ между мужчиной и женщиной; это можетъ привести даже къ нѣкоторому новому общественному различію, равно какъ и къ нѣкоторымъ новымъ этическимъ требованіямъ, предъявляемымъ исключительно къ женщинамъ, и сохранить кое-что изъ стараго, но, несомнѣнно, исчезнутъ всѣ тѣ различія въ государствѣ и обществѣ, которыя существовали между мужчиной и женщиной благодаря тому, что женщина была прикована къ частному домашнему очагу и что для нея была исключена возможность участія въ спеціальныхъ профессіяхъ. Въ этомъ смыслѣ мы не только приближаемся къ уничтоженію эксплоатаціи

одного класса другимъ, но также къ уничтоженію подчиненія женщины мужчинѣ.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, міровое хозяйство принимаетъ такіе размѣры, международныя хозяйственныя отношенія становятся столь тѣсными, что, благодаря этому, растетъ основа, на которой становятся возможными, послѣ уничтоженія частной собственности на средства производства, послѣ уничтоженія національныхъ противорѣчій, прекращеніе войнъ и вооруженій, вѣчный миръ между всѣми народами.

Есть ли еще такой нравственный идеалъ, который бы открывалъ болѣе прекрасныя перспективы! И, тѣмъ не менѣе, перспективы эти получились въ результатѣ трезваго экономическаго изслѣдованія, а не вслѣдствіе опьяненія нравственными идеалами свободы, равенства, братства, справедливости, гуманности! И это не перспективы состоянія, которое только *должно* наступить, наступленія котораго мы *желаемъ*,—это есть перспективы, которыя наступятъ съ неизбѣжной необходимостью. Конечно, перспективы эти необходимы не въ фаталистическомъ смыслѣ, не потому, что высшая сила сама приведетъ къ ихъ осуществленію,—онѣ необходимы, неизбѣжны въ томъ же смыслѣ, какъ неизбѣжно улучшеніе техники изобрѣтателями, какъ неизбѣжно то, что капиталисты въ своей погонѣ за барышами переворачиваютъ вверхъ дномъ всю хозяйственную жизнь, а наемные рабочіе мечтаютъ о сокращеніи рабочаго времени и повышеніи заработной платы, организуются, воюютъ съ классомъ капиталистовъ и ихъ государственной властью; какъ неизбѣжно то, что они мечтаютъ о переходѣ въ ихъ руки политической власти и о ниспроверженіи господства капиталистовъ. Соціализмъ неизбѣженъ потому, что неизбѣжна классовая борьба, потому, что неизбѣжна побѣда пролетаріата.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноарм. Депутатовъ

Смольный Институтъ, 2-й этажъ, комн. 51, тел. 34. Контора, комн. 54.

	Цѣна. Р.	К.
К. Цеткинъ. «За большевиковъ»	—	45
Его же. «Женскій вопросъ, интеллегентный пролетаріатъ и соціализмъ»	—	70
*** «Міровая война», съ предисловіемъ Г. Зиновьева	—	—
Г. Зиновьевъ. «Рѣчь о созданіи красной арміи» (2-е изд.)	—	25
К. Радекъ. «Анархисты и совѣтская власть»	—	12
К. Цеткинъ. «Борьба за свободу и миръ въ Россіи»	—	12
Н. Ленинъ. «Борьба за хлѣбъ»	—	40
И. Степановъ. «Жанъ Поль Маратъ и его борьба съ К—Рев.»	—	40
«Вождь рабочихъ передъ судомъ капиталистовъ».	—	12
Кій. «Республика совѣтовъ»	—	25
Карлъ Марксъ. «Наемный трудъ и Капиталъ»	—	40
Горичевъ. «Таблицы исчисленія платы отъ 150 до 800—1000 р. при 8 и 6 часовомъ рабоч. днѣ	2	50

Печатаются:

Н. Ленинъ. «Заключительное слово на 4-мъ съѣздѣ Совдеповъ».
Его же. «За 12 лѣтъ», сборникъ статей.
К. Каутскій. «Этика».
Его же. «Сборникъ статей».
Ф. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и соціализмъ» (Анти-Дюрингъ).
Лиссагаре. «Исторія Парижской коммуны».
Литературный сборникъ Посвященный памяти Г. В. Плеханова.
Илья Іоновъ. «Алое поле». Стихотворенія. (2-е изд.).
В. Князевъ. «Красные звоны и пѣсни».
Барбюсъ. «Огонь». Дневникъ полувзвода. Перев. Арденина.
Бебель. «Мемуары», въ 3-хъ томахъ.
Его же. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ».
Арну. «Народная исторія Парижской коммуны».
В. Блосъ. «Исторія Французской революціи».
В. Либкнехтъ. «Къ юбилею мартовской революціи».
Его же. «Воспоминанія о К. Марксѣ».
Его же. «Два міра».
П. Лафаргъ. «Трудъ и капиталъ».
Эйснеръ. «В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность».
Баксъ. «Великая Французская революція».
Басовъ (Верхоянцевъ). «Вѣнокъ» (сказки).
Куновъ. «Французская пресса во время Франц. революціи».
В. Морисъ. «Вѣсти ниоткуда» (утопія).
Лафаргъ. «Поклоненіе золоту».
К. Цеткина. «Школьный вопросъ и рабочій классъ».
Степановъ. «Кто богатѣетъ и кто разоряется отъ войны».
Чиколини. «Происхожденіе современной войны».
Н. Ленина. «Уроки Революціи».
Ю. Ларинъ. «Продовольствіе въ Германіи и Россіи».
Бухаринъ. «Программа Коммунистовъ» — 80

Готовятся къ печати:

С. Мендельсонъ. «Парижская коммуна 18-го марта».
Шарль-Андлеръ. «Введеніе и комментаріи къ коммунистическому манифесту».

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноарм. Депутатовъ

Смольный Институтъ, 2-й этажъ, комн. 51, тел. 34. Контора, комн. 54.

Генрихъ Манъ. «Мадамъ Легро», драма въ 3-хъ дѣйств. (изъ временъ Французской революціи.
Жюль Гэдъ. «На стражѣ», сборникъ политическихъ статей.
Ш. Дюма и Раковскій. «Соціалисты и война».
Францъ Мерингъ. «К. Марксъ въ изгнаніи».
Юніусъ. «Кризисъ соціалъ-демократіи», съ предисл. Н. Ленина.
Павловичъ. «Смерть Жореса».
Леви-Брюль. «Нѣсколько страницъ изъ жизни Жореса».
А. Луначарскій. «Королевскій брадобрей».
Джіованіолли. «Спартакъ» (полный переводъ).
Войничъ. «Оводъ» (полный переводъ З. Венгеровой).
Эркманъ-Шатріанъ. «Исторія одного крестьянина», полный переводъ Богдановича.
Мишель. «Коммуна».
Бюхнеръ. «Смерть Дантона».
Баксъ. «Парижская коммуна».
Дицгенъ. «Религія соціалъ-демократіи».
Б. П. Королькевичъ. «Финансов. и эконом. закон. и мѣропріятія Германіи прот. держ. согласія за время нынѣшней войны».
Саймондсъ. «Соціальныя силы въ исторіи».
Логиновъ. «На стражѣ» (стихотворенія, сатиры).
Іер. Ясинскій. «Воскресшіе сны» (стихотворенія).

Серія утопическихъ романовъ:

Беллами. «Черезъ 100 лѣтъ».
Его же. «Равенство».
Томасъ Кампанелла. «Государство-Солнце».
Т. Моръ. «Утопія».

На складѣ имѣются и продаются:

Портреты (большіе) художественной работы: **Н. Ленина (В. Ульянова), Л. Троцкаго, А. Луначарскаго, Г. Зиновьева.**

Цѣна **2** руб.

Юбилейные портреты **К. Маркса.**

Цѣна **2** р. **50** коп., **80** к. и **40** к.

Художественныя картины:

«У вратъ соціализма и «Свѣточъ соціализма».
Цѣна **1** р. **50** к. каждая.

На всѣ портреты принимаются заказы.

Книжный складъ Петрогр. Совѣта Рабочихъ и Красноарм. Депут. располагаетъ большимъ выборамъ книгъ по всѣмъ общественно-политическимъ вопросамъ. Отдѣлъ принимаетъ на себя составленіе библіотекъ и содѣйствуетъ продажѣ литературы на мѣстахъ.

Организаціямъ и книжнымъ складамъ предоставляется скидка.
Заказы въ провинцію исполняются при полученіи задатка.

Адресовать: Петроградъ, Смольный, 2-й этажъ, Контора, комн. 54, комн. 51, Книжный складъ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HIL
00003007837